Ковалевскій

Изъ исторіи государст власти въ Россіи

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЪ“.

Первая библіотека

№ 20.

М Коваленскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВЪ РОССІИ.

ЦѢНА 25 КОП.

МОСКВА.

1905.

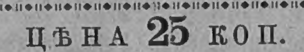
Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЪ"

Первая библіотека.

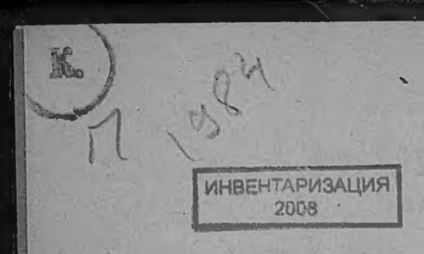
М. Ковалевскій.

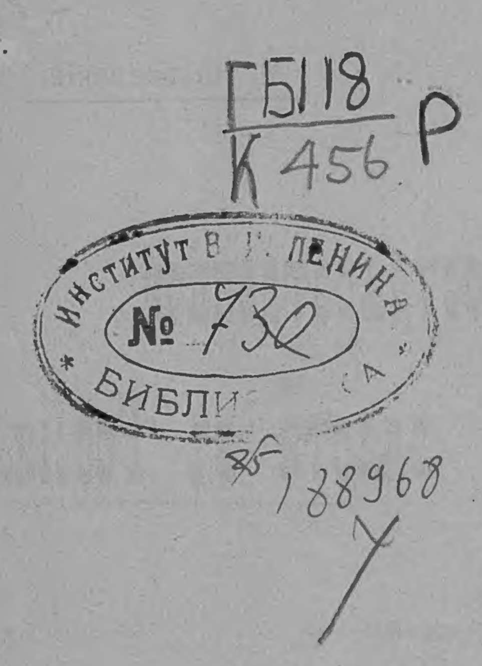
Изъ исторіи государственной власти въ Россіи.

ЦѢНА 25 КОП.

МОСКВА.
1905.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГБ118
К 456
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 730
БИБЛИ

I.

Государственный порядокъ, какой мы теперь видимъ въ Россіи, не всегда былъ такимъ; его никакъ нельзя назвать исконнымъ порядкомъ. Въ самомъ началѣ русской исторіи, до появленія князей въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ русскихъ городахъ власть была въ рукахъ городского вѣча; вѣче—народное собраніе. Изначала, говоритъ лѣтописецъ, новгородцы, и смольняне, и кіевляне, и полочане, и всѣ области сходятся на вѣче, какъ на думу. Вѣче рѣшало всѣ дѣла. Когда появились князья, они стали оборонять землю, и къ нимъ отошли судъ и управленіе; но вѣча остались и при князьяхъ. Когда кіевскій князь Игорь, собравъ уже дань съ древлянъ, второй разъ явился за данью, древляне на вѣчѣ «сдумали» убить Игоря, говоря: «Повадится волкъ къ овцамъ, порастаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его». Въ 1113 г. Владиміръ Мономахъ сѣлъ княземъ въ Кіевѣ, не въ очередь, по выбору вѣча. Въ 1149 г. кіевляне на вѣчѣ отказались итти съ княземъ на войну и сказали ему: «Мирись, княже, мы не идемъ». Всего шире развернулась власть вѣча въ Великомъ Новгородѣ. Начиная съ XII вѣка и до конца XV вѣче въ Новгородѣ имѣло всю власть; оно начинало войну и заключало миръ. Всѣ должности были выборныя; князя вѣче и выбирало, и—когда онъ былъ нелюбъ—показывало ему дорогу изъ Новгорода; новгородцы были «вольны въ князьяхъ». Князь не могъ и налоги самъ собирать, и пошлины прибавлять, а жалованье для себя получалъ изъ новгородской казны, какое положено. Вступая въ должность, князь цѣловалъ крестъ, что будетъ все исполнять «по договору», будетъ—«Новгородъ держать по старинѣ, по пошлинѣ». А въ договорѣ говорилось: «Безъ посадника ти, княже, не судити, и волости не раздавати, и безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати». Новгородъ былъ республика, только республика аристократическая; тамъ преобладали знатные и богатые бояре.

Но не одни вѣча стояли русскимъ князьямъ поперекъ дороги. Самымъ крупнымъ государемъ въ восточной Европѣ былъ въ то время византійскій императоръ; онъ предъявлялъ къ русскимъ князьямъ свои права. Въ XI вѣкѣ въ византійской арміи былъ одинъ корпусъ въ 6000 человѣкъ, состоявшій изъ союзныхъ русскихъ, этотъ корпусъ русскіе князья постоянно должны были держать въ Царьградѣ. Византійскіе императоры вплоть до XIV вѣка считали русскихъ великихъ князей своими придворными, называли ихъ своими стольниками; и посолъ русскаго князя говорилъ въ Византіи императору: «Повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ, униженно преклоняется предъ твоимъ священнымъ величествомъ». Византійскаго императора титуловали даже иногда и «царемъ русскимъ». Русскимъ князьямъ это не было пріятно. Когда въ 1389 г. византійскіе греки приняли унію съ римскою церковью, съ римскимъ папой, а въ Москвѣ этой уніи не пожелали, московскій великій князь Василій Дмитріевичъ не позволилъ митрополиту поминать за службой греческаго царя:—«Мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и имѣть не хотимъ»,—говорилъ московскій великій князь.

Съ половины XIII вѣка до конца XV, удѣльная Русь была подъ татарскимъ игомъ, и ханъ Золотой Орды назывался «Царемъ Русскимъ»; русскія княжества были его «улусами», а князья—его «улусниками».—«Когда восхотимъ воевать и повелимъ собирать рать съ улусовъ нашихъ на службу нашу»...—говорилъ татарскій ханъ. И святой черниговскій князь Михаилъ призналъ хана царемъ Божіей Милостью; онъ говорилъ въ ордѣ хану:—«Тебѣ, царь, кланяюся, понеже тебѣ Богъ поручилъ царство». Подвластные «царю русскому»—хану татарскому, удѣльные князья не были независимыми, самодержавными государями; они держались татарскою милостью. Русскіе были въ подчиненіи Золотой Ордѣ, и, по разсказу Флетчера, московскіе государи долго еще должны были исполнять унизительный обрядъ: каждый годъ въ кремлѣ, стоя передъ ханскою лошадью, кормить ее овсомъ изъ своей шапки. Съ крымскими татарами надо было дружить, чтобы имѣть союзника противъ Золотой Орды. Иванъ III, великій князь московскій, дружилъ съ Крымомъ и посылалъ посла Беклемишева къ крымскому хану Менгли Гирею. Беклемишевъ долженъ былъ говорить хану:—«Князь великій Иванъ челомъ бьетъ: посолъ твой Ази Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ

братствѣ, дружбѣ и любви держать; и я, слышавъ твое жалованье и видѣвъ твой ярлыкъ, послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобы ты пожаловалъ, какъ началъ жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ». Ханъ отвѣчалъ:— «Вышняго Бога волею, я, Менгли Гирей царь, пожаловалъ, съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучатъ».

Въ концѣ XV вѣка пала татарская власть, и подчинился Москвѣ Господинъ Великій Новгородъ; въ Москвѣ начало слагаться царское самодержавіе; въ половинѣ XVI вѣка московскій великій князь Иванъ IV вѣнчался уже на царство. Въ томъ же XVI вѣкѣ на югѣ, на Дону, возникла казачья демократическая республика. На Донъ бѣгали изъ Московскаго государства крестьяне и холопы, которымъ тяжело жилось дома: на Дону они жили вольно, сами оборонялись отъ татаръ, сами рѣшали и всѣ дѣла; у нихъ былъ общій кругъ и выборные на кругу атаманы. Въ Москвѣ говорили про казаковъ, что казаки «балуютъ», называли ихъ ворами и холопами, но ничего съ ними не могли подѣлать. Два вѣка просуществовала донская республика, и только Петру Великому удалось сломить ее. На Днѣпрѣ, въ Малороссіи, были свои вольные казаки со своею Запорожскою сѣчью; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Малороссія, отпавъ отъ Польши, признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ, но сохранила по договору всѣ свои вольности и даже право сноситься съ иностранными державами. Но съ Петра Великаго стали падать вольности малороссійскаго казачества, а при Екатеринѣ II была разрушена и сама Сѣчь Запорожская. Побѣдило, въ концѣ концовъ, московское самодержавіе.

Но и въ московскомъ государствѣ, гдѣ выросла и сложилась самодержавная царская власть, она сложилась не сразу; нужно было много труда и борьбы, чтобы создать царское самодержавіе.

II.

Власть московскихъ государей выросла изъ власти удѣльнаго князя московскаго; надъ ея созданіемъ потрудились не мало и сами князья и различные классы московскаго населенія. Каждый изъ этихъ строителей приносилъ что-нибудь свое на общую постройку. Что же приносилъ удѣльный князь московскій?

Удѣльный князь московскій приносилъ съ собою свою власть, такую, какъ она была въ удѣльное время, такую, какъ онъ самъ понималъ ее. Когда русскіе выходцы съ Волхова и Днѣпра появились на Окѣ и на верхней Волгѣ и заселили финскіе лѣса и болота, изъ всѣхъ новыхъ поселенцевъ тѣ, что были богаче и сильнѣе, выдвинулись впередъ; это были удѣльные князья; они и стали первыми хозяевами новаго края. Удѣльный князь въ своемъ удѣлѣ былъ больше всего хозяинъ и меньше всего государь; утверждаютъ даже, что онъ совсѣмъ государемъ не былъ. Для удѣльнаго князя его княжество было прежде всего не государство, а вотчина, его частная и наслѣдственная собственность; онъ владѣлъ ею по праву наслѣдованія, или потому, что первый занялъ мѣсто. Какъ всякій хорошій, дѣльный хозяинъ, князь думалъ не о чужихъ интересахъ, а о своихъ собственныхъ, и старался лишь объ одномъ: какъ можно меньше затратить и какъ можно больше получить. Такъ какъ въ то время господствовало натуральное хозяйство, то и затрачивать и получать можно было почти исключительно натурой.

Князь старался какъ можно меньше тратить и какъ можно больше получать. Тѣ земли, которыя онъ въ своемъ княжествѣ жаловалъ въ вотчины боярамъ, или жертвовалъ монастырямъ, уже не могли дать ему прежняго дохода; онъ не хотѣлъ больше о нихъ и думать, и судъ, и управленіе, и сборъ налоговъ въ нихъ—отдавалъ все новому хозяину, который и долженъ уже былъ самъ все устроить. Въ жалованныхъ и несудимыхъ грамотахъ, какія давались при этомъ, князь писалъ: «Намѣстники мои, волостели и ихъ тіуны въ тою вотчину не въѣзжаютъ ни по что, не судятъ тѣхъ людей ни въ чемъ, а судятъ свои люди бояринъ самъ или кому прикажетъ». Другую часть земель князь сдавалъ крестьянамъ въ аренду (черныя земли), или оставлялъ въ своихъ рукахъ и самъ велъ свое хозяйство (дворцовыя земли); тутъ уже приходилось князю устроить и судъ, и управленіе, и сборъ налоговъ. На дворцовыхъ земляхъ были у него свои борти, рыбныя ловли и бобровые гоны, свои пашни, охоты и конюшни, и завѣдовали этими всѣми «путями», какъ тогда называли, особые приказчики — «путники». Какъ хорошій хозяинъ, князь старался нигдѣ не упустить случая и взять, гдѣ только можно; бралъ и съ чужого хозяйства и съ своего суда и управленія. Купцы платили нѣсколько десятковъ одныхъ торговыхъ пошлинъ, —

платили на заставахъ и на таможняхъ, платили за провозъ товара по водѣ и по суху, по мосту черезъ рѣку и по мосту безъ рѣки, платили за тѣхъ, кто идетъ съ товаромъ—«головщину»—и на обратномъ пути безъ товара, порожнякомъ—«заднiе калачи»; привезя товаръ, платили за то, что привезли, а при вывозѣ платили за вывозъ.

Были пошлины свадебныя и судебныя, были всякiе другiе поборы и повинности. Когда князь посылалъ гонцовъ, или ѣхали по службѣ должностныя лица, населенiе ставило подводы, или платило ямскiя деньги—на содержанiе подводъ и ямщиковъ. Платили долго дань въ орду татарамъ; дань собирали сперва татарскiе баскаки, потомъ князья собирали и везли въ орду, еще позднѣе князья собирали, но въ орду не возили, а брали себѣ въ казну. И само назначенiе приказчиковъ, судей и чиновниковъ было для князя тоже доходной статьей. Жалованья князь не платилъ; за то всѣ должностныя лица могли кормиться съ населенiя, могли сами себѣ собирать кормы; они арендовали у князя ту или другую область, ту или другую должность. И князь и такой «арендаторъ»—оба и смотрѣли своего «прибытка»; если же на какой должности нельзя было ожидать прибытка, то князь упразднялъ самую должность, потому что здѣсь—«сытымъ быть не съ чего». И смотря своего прибытка и стараясь сытымъ быть, кормленщикъ могъ не заботиться о благосостоянiи своей области, объ охранѣ въ ней порядка и безопасности; если все это нужно было населенiю, населенiе могло объ этомъ и позаботиться. Чтобы еще болѣе разбогатѣть, князья вкладывали собранные капиталы въ новыя предпрiятiя, покупали новыя земли, новыя имущества, если можно было—отбирали хитростью, или завоевывали силой; не брезговали и татарскою помощью. Такъ, московскiй князь Иванъ Калита водилъ татаръ на тверского князя, и въ награду заслужилъ великое княженiе владимирское. И судъ, и управленiе, и внѣшняя политика—все подчинялось въ удѣльномъ княжествѣ хозяйственнымъ разсчетамъ князя, его инстинктамъ прiобрѣтателя.

Удѣльное хозяйство работало и рабскимъ и свободнымъ трудомъ. Полные холопы, дворовые, должны были служить и работать вѣрой и правдой; все остальное населенiе служило и работало по вольному найму. Вольнаго слугу нельзя было обязать, какъ холопа, вѣрною службой, нельзя было его удержать и не выпустить противъ воли. Если кому не нравилось,

какъ хозяйничаетъ у себя князь, онъ могъ уйти къ другому князю, въ другой удѣлъ, гдѣ ему казалось удобнѣе, гдѣ жилось легче. Переходили отъ князя къ князю, отъ хозяина къ хозяину, крестьяне, переѣзжали бояре. Сами князья говорили и въ договорахъ между собою писали: —«А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ и крестьянамъ между насъ вольнымъ воля». Объ отъѣздчикахъ говорили въ тѣхъ же договорахъ: «—А кто изъ бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ или въ твоей отчинѣ. въ ты села намъ и тобѣ не вступатися».— Отъѣздчикъ ничего не терялъ, уходя на новую службу; можно было вернуть его назадъ обѣщаніемъ повысить честь. Только болѣе сильные и богатые князья могли себѣ позволить безнаказанно нарушать эти договоры; и поманивъ отъѣздчика назадъ обѣщаніемъ «много паче перваго честна и богата сотворити»,—поймавъ, лишить селъ, заковать въ кандалы, ослѣпить, хотя бы за безопасность ручались отъѣздчику святой или преподобный. Въ XIV и XV вѣкѣ достаточную для этого силу почуяли въ себѣ удѣльные князья московскіе.

Изъ всѣхъ князей удѣльныхъ, это были самые лучшіе хозяева. Въ высокой оцѣнкѣ хозяйственной предпріимчивости московскихъ князей сходились, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, сынъ Дмитрія Донского Василій I и бояринъ временъ Грознаго князь Курбскій. Курбскій говорилъ обо всемъ родѣ князей московскихъ, что у нихъ «обычай есть издавна—желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ, ради ихъ окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего». Московскій князь Василій I говорилъ митрополиту Кипріану: «Вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися».

О результатахъ этой хозяйственной дѣятельности московскихъ князей даютъ понятіе ихъ духовныя грамоты.

Когда удѣльный князь умиралъ, онъ оставлялъ свою вотчину наслѣдникамъ своимъ по завѣщанію; онъ дробилъ при этомъ княжество между сыновьями, выдѣлялъ и вдовѣ своей вдовью долю, жертвовалъ и церквамъ, одарялъ и поповъ и нищихъ и недвижимое отказывалъ въ перемѣшку съ движимымъ: города и села, луга и мельницы въ перемѣшку съ чашами, блюдами и поясами. По выраженію одного историка, удѣльный князь не дѣлалъ разницы между своимъ стольнымъ городомъ и своимъ столовымъ сервизомъ. Въ 1328, идя въ

Орду, московскій князь Иванъ Калита написалъ на всякій случай духовную. Въ этой духовной между прочимъ читаемъ: «Приказываю сыновьямъ своимъ отчину свою Москву» (цѣликомъ, безъ раздѣла). «А вотъ какъ я имъ раздѣлъ учинилъ. Вотъ что я далъ сыну своему старшему Семену: Можайскъ со всѣми волостями, Коломну со всѣми коломенскими волостями, Гореденку, Мѣзыню, Пѣсочну и Середокоротну, Похряне, Усть-мерску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжель, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, сельце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города. А при своей жизни далъ я сыну своему Семену: 4 цѣпи золотыхъ, 3 пояса золотыхъ, 2 чаши золотыхъ съ жемчугомъ, блюдце золотое съ жемчугомъ и съ каменьемъ, 2 чума золотыхъ большихъ; а изъ посуды изъ серебряной далъ ему 3 блюда серебряныхъ. А вотъ что далъ сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу... а села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское... село Семьцинское. А изъ золота далъ я сыну своему Ивану: 4 цѣпи золотыхъ, поясъ золотой большой съ жемчугомъ и съ каменьемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золотыхъ, 2 чаши круглыя золотыя, блюдо серебряное ѣздниньское, 2 блюда меньшихъ...»

— «А что золото княгини моей (первой жены) Оленино, а то далъ я дочери своей Фетиньѣ, 14 обручей и ожерелье матери ея, монисто новое, что я сковалъ, а чело и гривну, то далъ при себѣ. А что я придобылъ золота, что мнѣ далъ Богъ, и коробочку золотую, а то я далъ княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. А изъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый жемчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтый объяриный съ жемчугомъ, коцъ великій съ бармами; Андрею сыну моему бугай соболій съ наплечками съ великимъ жемчугомъ и съ каменьемъ, скорлатное портище съ бармами.»

«А что моихъ поясовъ серебряныхъ, то раздать по попьямъ. А что моихъ 100 рублей у Ески, то раздадутъ по церквамъ... А что останется моихъ портъ, то раздадутъ по всѣмъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое о четырехъ кольцахъ, то даю святой Богородицѣ Владимирской. А что я далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стадами моими по-

дѣлятся сыновья мои и княгиня моя. А опричь московскихъ селъ даю сыну моему Семену села свои купленныя»... — «А что я прикупилъ сельце на Кержачи у Прокофья у игумена, другое Леонтьевское, третье Шараповское, то даю святому Олександру себѣ въ поминанье».

Въ духовныхъ другихъ князей значатся точно такъ же въ перемѣшку дворъ на Москвѣ у Боровицкихъ воротъ, мельница на Неглинной, бадья серебряная съ наливкою серебряной, псари и садовники, кресты и иконы.

III.

Изъ всѣхъ удѣльныхъ князей, смотрѣвшихъ своего прибытка, всего больше удачи было князьямъ московскимъ. Вначалѣ не было удѣла меньше московскаго; онъ весь умѣщался съ избыткомъ въ теперешней московской губерніи, да еще дѣлился не разъ между наслѣдниками, такъ что дворъ у Боровицкихъ воротъ доставался одному, а мельница на Неглинной другому. Но въ двѣсти лѣтъ московское княжество выросло въ тридцать разъ и раскинулось уже по десяти губерніямъ, по Окѣ и верхней Волгѣ. При Иванѣ III, Василіи III и Иванѣ IV предѣлы московскіе еще расширились. При Иванѣ III «мечъ его и огонь ходилъ по новгородской землѣ», и хотѣлъ онъ «такого же государства своего и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ»; и новгородцы вѣчевой колоколъ и посадника отложили, московскому князю крестъ цѣловали, а князь цѣловать крестъ отказался—«не быти моему цѣлованію». Такъ Господинъ Великій Новгородъ подпалъ московскому игу, и вѣчевой колоколъ новгородскій былъ сосланъ въ Москву и повѣшенъ на московскую колокольню. Черезъ нѣсколько лѣтъ лишился своего княжества тверской князь; то же случилось при Василіи III съ Псковомъ и Рязанью. Князь Василій подчинилъ псковичей, «лукавствуя ими и играя, яко безумными», – и были псковичи «поиманы Богомъ и великимъ княземъ», какъ объявили имъ московскіе бояре. Рязанскаго князя Василій засадилъ въ темницу, и завладѣлъ Рязанью. Въ то же время были присоединены къ Москвѣ земли по Сѣверской Украйнѣ и былъ взятъ Смоленскъ—послѣ войнъ съ Литвой. При Иванѣ IV завоевана Казань, Астрахань, часть Сибири. Интересны нѣкоторыя черты этихъ завоеваній. Разсказывая о казанскомъ походѣ, Иванъ IV жаловался впослѣдствіи Курбскому, что когда онъ, царь Иванъ, по Божію изволенію, со крестоносною хоругвію, православ-

наго ради христіанства заступленія, двигался на безбожный языкъ казанскій,—бояре его, яко плѣнника, всадивъ въ судно, везли съ малѣйшими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю, и его душу старались въ иноплеменныхъ руки предать. Царь заступился за весь православный міръ, и самъ признавался, что его везутъ на войну насильно, какъ плѣнника, и что онъ боялся и вражьяго плѣна и предательства своихъ бояръ. Астрахань и Сибирь царю Ивану не пришлось уже брать самому: Астрахань, какъ поется въ пѣснѣ, взяли «мимоходомъ» царскіе воеводы, а донскіе казаки били царю челомъ — «новой землицей Сибирью». Царь совсѣмъ и не хотѣлъ Сибири, и узнавъ, что Строгановы и ихъ казаки салтана сибирскаго задираютъ, и этимъ задоромъ его съ Москвой ссорятъ, бранилъ Строгановыхъ за ихъ «воровство и измѣну» и грозилъ на нихъ положить опалу большую, а казаковъ перевѣшать. Вмѣсто того пришлось казаковъ наградить, а Ермаку Тимофеевичу пожаловать шубу съ царскаго плеча.

Благодаря всѣмъ этимъ пріобрѣтеніямъ, вотчина московскаго удѣльнаго князя разрослась въ цѣлое обширное московское государство; другіе удѣлы и вольные города исчезли, поглощенные переросшей ихъ всѣхъ Москвой. Чѣмъ больше росло государство, чѣмъ больше ширились его предѣлы, тѣмъ труднѣе становилось его оборонять. Со всѣхъ сторонъ были враги. На востокѣ и югѣ врагами были татары, на западѣ — Польша, Литва, нѣмцы и шведы. Съ западными сосѣдями приходилось воевать такъ часто, что на годъ мира приходился годъ войны; на югѣ и востокѣ съ татарами приходилось воевать еще чаще.

На востокѣ, пока Казань не была взята, враги были сейчасъ же за Волгой. Въ XV вѣкѣ въ лѣсахъ за Волгой спасался святой отшельникъ Макарій Желтоводскій; подлѣ святого старца выросъ тамъ цѣлый монастырь. Татары пришли, разрушили монастырь, перебили монаховъ, а Макарія прогнали на русскую сторону, съ запрещеніемъ переходить на татарскій берегъ. На югѣ за Окой всегда можно было ждать нашествія крымцевъ. При Иванѣ III Литва была въ союзѣ съ Золотой Ордой, а Москва дружила съ Крымомъ; эта дружба и позволила Ивану III избавиться отъ нашествія Ахмата, избавиться и отъ ига Золотой Орды, и сама Золотая Орда была разрушена крымцами. Но при Василіи III Крымъ былъ въ союзѣ не съ Москвою, а съ Литвой и Казанью; враги съ трехъ сторонъ полукольцомъ сдавливали русскую землю. Когда Иванъ IV

взялъ Казань и Астрахань, крымскій ханъ Девлетъ Гирей вторгся въ русскіе предѣлы, сжегъ Москву.

Борьба съ Крымомъ не прекращалась; надо было безъ конца воевать, безъ конца откупаться. «Теперь у меня дочери двѣ—три на выданьѣ»,—писалъ Ивану IV Девлетъ Гирей;—«для этого намъ рухлядь и товаръ надобенъ; чтобы купить эту рухлядь, мы у тебя просимъ 2000 рублей, учини дружбу, не отнѣтываясь, дай». И московскій государь раскошеливался и платилъ; только старался уплатить поменьше: вмѣсто двухъ тысячъ Иванъ IV посылалъ двѣ сотни; это были «поминки легкіе». Крымцы этимъ не удовлетворялись и аккуратно каждый годъ раннею весной съ юга, изъ степи шли въ московскіе предѣлы; иной разъ приходили еще во второй разъ, во время жатвы. Тутъ на южной границѣ, приходилось обороняться изъ года въ годъ, безъ перерыва, и ни одного года не проходило безъ войны. Потому здѣсь вѣчно стерегли непріятеля, сторожа сидѣли на вершинахъ дубовъ и глядѣли въ степь, а внизу паслись кони, и какъ только замѣчали пыль, зажигали сигнальные костры, и скакали съ вѣстью отъ дуба къ дубу. Много нужно было войска, чтобы защищать одну южную границу; на Оку каждый годъ надо было выставлять болѣе 60 тысячъ; а всего требовалось тысячъ сто конныхъ, да тысячъ двадцать пять пѣшихъ. Войско набирали отовсюду, изъ бояръ и изъ князей удѣльныхъ, изъ литовскихъ и татарскихъ выходцевъ, изъ крестьянъ—простого всенародства, и даже изъ холоповъ. Каждый годъ выступало въ поле это воинство; а на знамени великокняжескомъ, какое брали съ собой полки, былъ изображенъ Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце.

Не всегда, однако, удавалось «остановить солнце». Не одинъ разъ татары доходили и до самой Москвы. Москва была настоящей крѣпостью. Уже Юрій Долгорукій окружилъ кремль деревянной стѣною. Иванъ Калита выстроилъ новыя стѣны, дубовыя. Дмитрій Донской разобралъ дубовыя стѣны и велѣлъ выстроить каменныя, съ зубцами, башнями, полубашнями, огненнымъ боемъ, пушками и тюфяками (ружьями), съ осадными стоками—отверстіями въ стѣнѣ, чтобы лить на врага смолу и кипятокъ, съ воротами, обитыми желѣзомъ. При Иванѣ III итальянскіе мастера возвели изъ камня новыя кремлевскія стѣны, шириной отъ 6 до 8 аршинъ, съ подземными кладовыми для ядеръ и пороха, съ подземными переходами. При Иванѣ IV окружили деревянной, а потомъ и каменной стѣной

Китай городъ. При Федорѣ Ивановичѣ каменной стѣной обнесли Бѣлый городъ—стѣна шла по теперешней линіи бульваровъ— съ воротами Никитскими, Арбатскими и другими. При томъ же Федорѣ Ивановичѣ, когда грозили Москвѣ крымскіе татары, оградили деревянной стѣной Земляной городъ; деревянная стѣна съ башнями и воротами поспѣла въ одинъ годъ; она шла по линіи Садовыхъ и продолжалась въ Замоскворѣчьѣ; позднѣе стѣну замѣнили валомъ. Съ юга, откуда всегда ждали татаръ, шла кремлевская стѣна да рѣка Москва, да потомъ въ Замоскворѣчьѣ выросла деревянная стѣна; этого всего съ юга было мало, и монастыри съ этой стороны стали крѣпостями. Новодѣвичій, Донской, Даниловъ, Андреевскій, Покровскій, Симоновъ стерегли непріятеля съ вышины своихъ дозорныхъ башенъ-колоколенъ и грозили ему пушками и пищалями, кипяткомъ и смолой со своихъ крѣпкихъ каменныхъ стѣнъ.

Въ августѣ 1382, при Дмитріи Донскомъ, Москвѣ пришлось обороняться отъ Тохтамыша съ его татарами. Черезъ два года послѣ Куликовской битвы, новый ханъ Золотой Орды пошелъ къ Москвѣ; ему нужно было показать татарамъ, что Москвы нечего бояться. Тохтамышъ напалъ на московскаго князя врасплохъ; у Дмитрія войско не было готово, и онъ уѣхалъ въ Кострому собирать полки, а Москву и въ Москвѣ свою княгиню Евдокію, митрополита и большихъ бояръ и всѣхъ жителей оставилъ безъ войскъ и безъ себя, на произволъ судьбы. Татары перешли Оку, взяли Серпуховъ и подошли къ Москвѣ. Москвичамъ нужно было самимъ подумать объ оборонѣ. Зазвонили во всѣ московскіе колокола, чтобы собрать скорѣе единственное въ исторіи Москвы вѣче. Московскій князь со своею княгиней, которую насилу выпустили изъ Москвы, укрывался въ Костромѣ; митрополитъ спасся въ Тверь.

Въ Москвѣ вѣче должно было замѣнить князя; а военное начальство надъ москвичами принялъ не московскій князь, а выходецъ изъ Литвы, какой-то князь Остей. Остей укрѣпилъ кремль и умѣлъ защищать его съ москвичами; Тохтамышу не удалось взять его силой. Татарамъ пришлось прибѣгнуть къ хитрости и къ обману, чтобы взять Москву. Съ ними были двое князей нижегородскихъ, шурья Дмитрія Донского; они увѣрили москвичей, что царь (Тохтамышъ) пришелъ не на нихъ, а на князя Дмитрія, а ихъ москвичей хочетъ жаловать, и проситъ только поглядѣть Москву. Родичи московскаго князя клялись москвичамъ, что царь имъ не сдѣлаетъ никакого вреда...

Москвичи, наконецъ, повѣрили, отворили ворота,—и начался татарскій погромъ Москвы. Князь Остей былъ убитъ татарами—и забытъ русскими; а о Дмитріи Донскомъ, великомъ князѣ московскомъ, говорится въ сказаніи, что онъ «стражу земли русской мужествомъ своимъ держалъ», — «и во всемъ мірѣ славенъ бысть, яко кедръ въ Ливанѣ умножися, и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте», и что «похваляетъ его вся русская земля».

Въ маѣ 1572 г. подъ стѣнами Москвы явился крымскій ханъ Девлетъ Гирей со 120,000 войска. Неизвѣстно гдѣ онъ переправился черезъ Оку; станичники со сторожевыхъ постовъ ничего не дали знать въ Москву; татары нагрянули внезапно и опять застали врасплохъ. У Оки были русскіе полки; но татары отрѣзали царя Ивана IV, который сбился съ дороги, по словамъ Флетчера, даже съ намѣреніемъ, сомнѣваясь въ своемъ войскѣ и не смѣя вступить въ битву; царь отступилъ къ Бронницамъ, потомъ къ Александровской слободѣ, наконецъ, въ Ростовъ; воеводы царскіе съ войсками приготовились и ждали татаръ у самой Москвы, въ предмѣстьяхъ. На другой же день пришли татары, подожгли предмѣстья, и въ какіе-нибудь три часа сгорѣла вся деревянная Москва—уцѣлѣлъ одинъ кремль. Русскіе, войска и народъ, бросились спасаться въ кремль; въ кремль ихъ не пустили; тамъ затворились большіе бояре съ митрополитомъ; митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ укрылись въ Успенскомъ соборѣ. Погибло множество народа; татары перебили столько, что трупы запрудили рѣку; полтораста тысячъ увели въ плѣнъ; много сгорѣло въ огнѣ, много погибло отъ давки, спасаясь въ ворота кремля; иностранцы насчитывали погибшихъ до восьмисотъ тысячъ человѣкъ.

Царю Ивану Девлетъ Гирей прислалъ, какъ говорятъ, ножъ, чтобы ему въ такомъ отчаянномъ положеніи зарѣзаться, и грамоту, въ которой писалъ: «Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани... Я пришелъ къ тебѣ, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я московскій государь!... Желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ». Иванъ Грозный писалъ въ отвѣтъ, что онъ Астрахань хочетъ уступить, только скоро этого сдѣлать нельзя: — «до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ срокъ, и земли нашей не воевалъ». Но Астрахани Иванъ Грозный, какъ извѣстно, не отдалъ.

IV.

Московскіе государи, какъ ихъ предки, удѣльные князья московскіе, попрежнему считали все государство своею вотчиной. «Вся русская земля, Божіей волей, изъ старины отъ нашихъ прародителей — наша вотчина», говорилъ Иванъ III. Такимъ же государемъ-вотчинникомъ признавалъ себя и Иванъ IV: — «Родителей своихъ благословеніемъ, свое взялъ, а не чужое похитилъ» — говорилъ онъ о себѣ. А воюя съ Ливонскими нѣмцами, онъ уже называлъ своей отчиной Лифляндскую землю. И жители этой царской вотчины попрежнему были частными слугами государя, — только прежде это были слуги вольные, а теперь стали невольными, такъ какъ уйти имъ было уже некуда: на всей Руси остался одинъ хозяинъ. И государи стали называть своихъ слугъ холопами; такъ Иванъ IV говорилъ: — «Жаловати есмы своихъ холопей вольны, и казнити ихъ вольны же есмы». Въ государевой вотчинѣ, населенной государевыми холопами, единственно, что могло имѣть значеніе и съ чѣмъ слѣдовало считаться, былъ интересъ государя. «Государь государства больше», — говорилъ самъ Иванъ IV. Когда бѣжавшій въ Литву бояринъ князь Курбскій въ письмѣ къ царю выставлялъ на видъ, сколько военныхъ дѣлъ совершилъ онъ, Курбскій, и сколько своей крови пролилъ царю во славу, Грозный отвѣчалъ, что это «смѣха достойно», что онъ и долженъ былъ проливать кровь свою за него, Грознаго, иначе не былъ бы онъ христіаниномъ. Образцомъ добраго подданнаго царь выставляетъ Курбскому раба его, Ваську Шибанова, который благочестіе свое соблюлъ, при смертныхъ вратахъ стоя, отъ Курбскаго не отрекся и былъ готовъ за него умереть. «А ты подобное тому совершить для твоего владыки отказался». Но этого мало: Курбскій долженъ былъ проливать свою кровь безропотно не только за царя, но и отъ руки царя, если тому такъ вздумается. — «Почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?» — спрашивалъ царь Курбскаго. Сообразно съ этимъ и Курбскій въ своей «Исторіи» объясняетъ отношеніе Грознаго къ боярамъ до и послѣ взятія Казани. Курбскій вкладываетъ въ уста царя фантастическую рѣчь къ боярамъ и такъ излагаетъ мысль Грознаго: — «Пока стояла Казань, я не могъ васъ мучить, потому что вы мнѣ потребны были всячески; а нынѣ» — Казань взята, и — «уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывать».

Всѣмъ московскимъ людямъ было важно обороняться отъ непріятеля, защищать отъ врага самихъ себя и свое добро. Это былъ интересъ общій. Только каждый хотѣлъ бы сдѣлать такъ, чтобы для него эта оборона была устроена какъ можно получше, а обошлась бы какъ можно подешевле. Все это зависѣло отъ того, кто стоялъ во главѣ дѣла. Еще на Куликовомъ полѣ во главѣ другихъ князей стоялъ московскій великій князь. И теперь во главѣ всего дѣла обороны стоялъ московскій государь. Онъ и могъ устроить дѣло такъ, какъ ему было всего удобнѣе, какъ было всего лучше для защиты его вотчины. Извѣстно, какъ тяжелы были для населенія военная служба и податное тягло.

Служба начиналась съ 15 лѣтъ, когда недоросль становился новикомъ, верстался въ службу и получалъ землю; верстали въ службу особыя лица—окладчики. Служба была безсрочная. Раненые, поправившись отъ ранъ, должны были вернуться на службу; освобождались только дряхлые старики, калѣки и умершіе. Если кто еще могъ служить, а оказывался въ нѣтяхъ, у такого нѣтчика отбирали помѣстье. Когда бывалъ сборъ служилымъ людямъ, — дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, — брали всѣхъ сполна, за поруками; укрывшихся сыскивали и высылали на службу, наказавъ кнутомъ. Эта дворянская служба, служба изъ-подъ кнута, осложнялась иногда дополнительными повинностями.

При Иванѣ Грозномъ два года подъ рядъ брали служилыхъ людей съ Новгорода и съ пригородовъ новгородскихъ. Въ первый разъ взяли тысячи двѣ конныхъ, да столько же пѣшихъ, всего четыре тысячи; у тѣхъ и другихъ должны были быть свои пищали и свой порохъ—«зелье»—и свинецъ на ядра; на всѣхъ людяхъ должны быть однорядки или сермяги крашеныя; посылали ихъ изъ Новгорода въ Нижній, а суда, чтобы везти кормъ и запасъ, они должны были готовить на свой счетъ. На другой годъ опять наборъ,—потребовали еще людей, еще свинца и еще зелья; если кто не умѣлъ варить зелье, посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники—указывать. Людей взяли на этотъ разъ сначала по человѣку съ пяти дворовъ, да потомъ еще съ каждаго двора по человѣку, да съ десяти священниковъ по одному жъ.

Собирая свою казну, правительство старалось, чтобы его доходамъ «истери не было». На сѣверѣ, гдѣ обороняться было не отъ кого и жили на казенной землѣ почти одни тяглые

крестьяне (такъ называемые черносошные), правительство накладывало на этихъ крестьянъ большія подати, и принимало мѣры, чтобы крестьянъ отсюда не выпустить, прикрѣпить ихъ къ землѣ. Частнымъ владѣльцамъ запрещалось принимать къ себѣ крестьянъ изъ княжескихъ отчинъ; если въ такомъ «пріемѣ» повиненъ будетъ архимандритъ, то крестьянъ взять назадъ – и только, а если кого приметъ «приказчикъ архимандрита,—ино казнити». Казна зорко слѣдила, чтобы и самыя земли не достались въ руки лицъ, свободныхъ отъ тягла,—«бѣломѣстцевъ» (служилыхъ, духовныхъ), но когда нужно было набрать новое войско и дать новому войску новыя земли, то и черныя земли жаловались служилымъ людямъ, и черносошные крестьяне оказывались сидящими уже на землѣ частныхъ владѣльцевъ, которымъ и поручали сборъ съ крестьянъ казенныхъ налоговъ. И на помѣщичьей землѣ крестьяне не могли совсѣмъ свободно располагать собою, не могли свободно передвигаться, такъ какъ въ платежѣ податей были связаны круговой порукой. Требуя податей и увеличивая ихъ размѣры, правительство нимало не сообразовалось съ платежными силами крестьянъ. Въ концѣ XVI вѣка казнѣ нужно было увеличить доходы. Съ богатыхъ людей взять что-либо было трудно, — они бы не согласились; крестьянъ подчинить было гораздо легче. И хотя какъ разъ въ то время по разнымъ причинамъ крестьяне и безъ того были разорены и ихъ хозяйство въ упадкѣ, — казна стала брать съ крестьянъ подати въ 3½ раза больше прежняго. Послѣ этого, у кого изъ крестьянъ бывали остатки,—остатки совсѣмъ исчезли, а гдѣ и раньше доходы не покрывали расходовъ, убытки выросли тоже въ 3½ раза. Когда пріѣзжали въ село государевы писцы для описи крестьянъ и ихъ хозяйства и для наложенія налоговъ, крестьяне убѣгали въ лѣса, и писцы должны были записать земли «въ пустѣ». На сѣверѣ черносошные крестьяне добровольно отказывались отъ казенной земли,—«не изнемогши съ той земли службы великому князю служити и хлѣба ему сыпного въ житницы сыпати и давати всякихъ разрубовъ земскихъ»;—но нужно было найти вмѣсто себя другого крестьянина, который всѣ эти обязанности согласится взять на себя. Крестьяне нерѣдко совсѣмъ разбѣгались, и пустѣли цѣлыя деревни. Въ одной изъ областей сѣвера осталось 123 жилыхъ деревни и опустѣло въ какихъ-нибудь сто лѣтъ 967 деревень,—опустѣли которыя отъ мора и голода, кото-

рыя отъ непріятеля, а больше все—«отъ государевыхъ податей и подводъ». Отъ тѣхъ же причинъ пустѣли посады. Люди того времени замѣчали, что «царямъ и великимъ князьямъ слѣдуетъ изъ міра всякіе доходы свои съ пощадою собирать и всякія дѣла дѣлать милосердно». Царь Грозный съ своей стороны жаловался, что въ Устюжскихъ волостяхъ (на сѣверѣ) «на посадахъ многіе крестьянскіе дворы, въ уѣздахъ деревни и дворы позапустѣли, и наши дани и оброки сходятся не сполна».

Обязанности, наложенныя государствомъ, и для служилыхъ и для тяглыхъ были тяжелы, а права, какими они взамѣнъ пользовались, были зато совсѣмъ непрочны. Служилый человѣкъ получалъ за службу помѣстье, но не могъ его ни продать, ни подарить, ни завѣщать, ни заложить, но всегда могъ по усмотрѣнію государя совсѣмъ лишиться; посадскій человѣкъ, когда въ посадъ ставили военный гарнизонъ, долженъ былъ уступать служилымъ свои дворы и лавки, амбары и огороды; крестьяне совсѣмъ были принесены въ жертву и, теряя землю, получали въ помѣщикѣ новаго хозяина и начальника. Многіе, и служилые и тяглые предпочитали продаться въ холопы, заложиться за монастырь, чтобы только уйти отъ тягла или службы. Но правительству это было невыгодно, и оно съ этимъ боролось. Въ судебникѣ Ивана IV установлено: «А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которыя не служивали, въ холопы не принимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставилъ».—„А торговымъ людямъ городскимъ въ монастыряхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворахъ; а которые торговые люди начнутъ жити въ монастыряхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити... А на монастыряхъ жити нищимъ, которые питаются милостыней отъ церкви Божіей».

Англичанинъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, со свойственной ему рѣзкостью отмѣтилъ характерныя черты московскаго военнаго и финансоваго устройства: «Русскій царь»,—говоритъ Флетчеръ,— «надѣется больше на число, нежели на храбрость своихъ воиновъ или на хорошее устройство своихъ силъ». Это войско оказывается не въ силахъ бороться со шведами и поляками и даже съ татарами... Зато гораздо искуснѣе московское правительство въ собираніи своей казны. Флетчеръ цѣлую главу посвящаетъ разсказу «о мѣрахъ къ обогащенію царской казны имуществомъ подданныхъ». Къ числу такихъ мѣръ Флетчеръ относитъ, напримѣръ, слѣдующія:—«Не препятствовать насиліямъ, поборамъ и всякаго рода

взяткамъ, которымъ князья, дьяки и другія должностныя лица подвергаютъ простой народъ въ областяхъ, но дозволять имъ все это до окончанія срока ихъ службы, пока они совершенно насытятся; потомъ ставить ихъ на правежъ за ихъ дѣйствія, и вымучить изъ нихъ всю или большую часть добычи, награбленной ими у простого народа, и обратить ее въ царскую казну, никогда, впрочемъ, не возвращая ничего настоящему владѣльцу...—Показывать иногда публичный примѣръ строгости надъ должностными лицами (грабившими народъ), если кто изъ нихъ особенно сдѣлается извѣстнымъ съ дурной стороны, дабы могли думать, что царь негодуетъ на преступленія, дѣлаемыя народу, и такимъ образомъ сваливать всю вину на дурныя свойства его чиновниковъ.»

Въ такихъ чертахъ рисуетъ Флетчеръ знакомую уже намъ картину вотчинныхъ порядковъ, выросшихъ въ удѣлахъ. Въ заключеніе Флетчеръ разсказываетъ, что иногда царь Иванъ, чтобы получить нужныя ему деньги, прибѣгалъ еще къ такой мѣрѣ: требовалъ отъ своихъ подданныхъ чего-нибудь завѣдомо невозможнаго, и потомъ штрафовалъ ихъ за отказъ исполнить требованіе. Такъ, онъ велѣлъ однажды прислать ему изъ Вологды ливанскихъ кедровъ, и когда ихъ тамъ не могли найти, оштрафовалъ вологжанъ за отказъ 12-ю тысячами. А съ Москвы онъ взялъ семь тысячъ рублей штрафу за ослушаніе, когда тамъ не сумѣли наловить для него, какъ онъ требовалъ, колпакъ живыхъ блохъ для лѣкарства, да еще отвѣтили, что если ихъ и наловить, онѣ распрыгаются.

V.

И въ судѣ и въ управленіи московскаго государства сохранялись старыя удѣльныя привычки. Московскій государь хозяйничалъ попрежнему въ своей вотчинѣ, только вотчина его во много разъ выросла, и хозяйство государево осложнилось. Старые порядки надо было приспособлять къ новымъ болѣе труднымъ и сложнымъ задачамъ; приспособленіе не всегда удавалось.

Въ старину удѣльный князь совѣтъ держалъ въ боярской думѣ со своими боярами—дворцовыми приказчиками; теперь новыя задачи были возложены на старый совѣтъ приказчиковъ, только совѣтъ этотъ сильно расширился. Въ болѣе важныхъ случаяхъ боярской думы уже не хватало, и созывались другія, чрезвычайныя, совѣщанія и соборы.

Правительство созывало своихъ агентовъ и предлагало имъ обсудить тотъ или другой вопросъ. При Иванѣ III и Иванѣ IV, въ 1471 и 1551 гг. собирались вмѣстѣ боярская дума, духовныя власти, военное начальство. Иванъ III «мыслилъ» съ ними «не мало» о предстоявшемъ походѣ на новгородскихъ крамольниковъ и вѣроотступниковъ; Иванъ IV—о церковныхъ непорядкахъ, монастырскомъ хозяйствѣ и о новомъ судебникѣ. Въ 1566 г. собирались боярская дума, духовныя власти, военное начальство и торговые люди, сборщики казенныхъ доходовъ и рѣшали вопросъ, можно ли продолжать неудачную ливонскую войну и есть ли для этого нужныя средства. Въ 1571 г. въ особую комиссію специалистовъ приглашали свѣдущихъ людей, и обсуждали переустройство охраны южной границы. Во всѣхъ этихъ соборахъ, собраніяхъ и комиссіяхъ не было ни разу ни одного выборнаго отъ населенія народнаго представителя; это были чисто-правительственныя совѣщанія, не желавшія считаться съ народными интересами и прибѣгать къ народному уму.

Каковы же были результаты этихъ правительственныхъ совѣщаній? Новгородъ при Иванѣ III удалось взять. При Иванѣ IV Стоглавый соборъ пришелъ на бумагѣ къ очень радикальнымъ рѣшеніямъ,—но они всѣ такъ и остались на бумагѣ: духовенство не подчинилось, кормленщики не были обузданы. Первый земскій соборъ рѣшилъ продолжать ливонскую войну, и война кончилась неудачей и потерей владѣній. Въ 1571 г. говорили о лучшей охранѣ южной границы отъ татаръ; а въ 1572 г. татары перешли южную границу, никѣмъ не замѣченные, неизвѣстно гдѣ перешли Оку, врасплохъ напали на самаго Грознаго, и отрѣзали его отъ русской арміи, такъ что царь долженъ былъ спасаться и отступать; врасплохъ была застигнута и Москва.

Судъ и управленіе вѣдали приказы въ центрѣ и кормленщики въ областяхъ. Прежде царь поручалъ дѣла отдѣльнымъ приказчикамъ: боярину князю Куракину, или дьяку Щелкалову, или дьяку Варѳоломею Иванову. Теперь приказчику надо было давать помощниковъ, заводить при немъ цѣлую канцелярію, и приказчикъ выросталъ въ приказъ; но порядки всѣ здѣсь были старые. Такъ же мало перемѣнъ произошло и съ кормленщиками. Каковы были приказные въ центрѣ и кормленщики въ областяхъ, можно видѣть изъ тѣхъ мѣръ, какими само правительство московское пыталось обуздать усердіе своихъ агентовъ.

Мѣры эти принимались подъ сильнѣйшимъ давленіемъ снизу, подъ градомъ жалобъ и челобитныхъ,—но оставались почти всегда безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1497 уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и съ боярами о судѣ, какъ судити боярамъ и окольничимъ. Въ первыхъ же статьяхъ Судебника, составленнаго въ боярской думѣ, предписывается—«всякому судіѣ посула отъ суда не имати никому; а судомъ не мстити, ни дружити никому.—Жалобниковъ отъ себя не отсылати, а давати всѣмъ жалобникамъ управу во всемъ, которымъ пригоже». Цѣлый рядъ статей регламентируетъ всевозможныя судебныя пошлины, устанавливаетъ въ точныхъ цифрахъ, что имати, а что не просити и не имати. Противъ недѣльщиковъ, то-есть судебныхъ приставовъ, принимаются сугубыя строгости: «А пошлютъ котораго недѣльщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому; а изымавъ татя, не отпустити, ни посула взяти; а опришныхъ ему людей не имати. И имъ истцовъ и отвѣтчиковъ не волочити». Въ то же время велѣно «прокликать по торгамъ, на Москвѣ и во всѣхъ городахъ московской земли и новгородской земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула въ судѣ не сулилъ». Такъ по всей Руси трезвонили о достоинствахъ московскаго правосудія. Насколько всѣ эти мѣры имѣли успѣхъ, показываетъ второй Судебникъ царя Ивана IV, изданный спустя полвѣка. Трезвонъ о посулахъ судьямъ и приставамъ пришлось повторить полностью. Всѣ статьи обузданія пришлось не только повторить, но и дополнить угрозой опредѣленной кары. Если судья въ судѣ посулъ возьметъ и обвинитъ кого не по суду,—взять съ него истцовъ искъ, а пошлины взять втрое. Если судья жалобнику управу не учинитъ, быть ему отъ государя въ опалѣ. А возьметъ кто лишекъ, и на томъ взяти втрое. Если дьякъ возьметъ посулъ и сдѣлаетъ подлогъ въ судебномъ «спискѣ»,—штрафовать его противъ боярина вполы, да вкинути его въ тюрьму. А если то же самое сдѣлаетъ подъячій, и того подьячаго казнити торговой казнью, бити кнутьемъ. А недѣльщика, если онъ будетъ татямъ и разбойникамъ норовить и посулъ брать,—то на немъ и истцовъ искъ доправить, и въ тюрьму его вкинуть, и кнутьемъ бить.

Такія же мѣры принимались и для обузданія областныхъ кормленщиковъ. Въ 1488 Иванъ III далъ жителямъ бѣлозер-

ской земли уставную грамоту, по которой грамотѣ должны были у нихъ намѣстники „ходить". Грамота тщательно устанавливала, каковы дожны быть кормы, больше чего они не должны быть. Вступая въ должность, намѣстникъ получаетъ дары,—но „кто что принесетъ, то и взяти": требовать большаго нельзя. На Рождество намѣстнику везутъ полоть мяса, десять хлѣбовъ, бочку овса, возъ сѣна; на Петровъ день—барана и десять хлѣбовъ. Кормы сбирать кормленщики не могутъ,—это дѣлаютъ выборные отъ населенія люди, сотскіе. Сотскіе присутствуютъ и на судѣ, и безъ нихъ и безъ „добрыхъ людей" не могутъ намѣстники и тіуны „судъ судить". Чтобы доводчикъ не слишкомъ объѣдалъ населеніе, ему предписано ѣздить по стану безъ парубка, „а гдѣ доводчикъ ночевалъ, тутъ ему не обѣдать, а гдѣ обѣдалъ, тутъ не ночевать". Наконецъ, тіунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незванымъ не ходити, а кто пріѣдетъ незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно".

То, что раньше было сказано бѣлозерцамъ, въ судебникѣ 1497 распространяется на всю страну: намѣстникамъ и волостелямъ безъ выборныхъ отъ населенія „лучшихъ людей" не судить.

Въ царскомъ судебникѣ 1551 тѣ же требованія повторены и еще прибавлено, чтобы протоколы суда писались земскимъ дьякомъ, а „противень", „слово въ слово", намѣстничьему дьяку переписывать; наконецъ, запрещено ковать въ желѣзо кого-либо, не предъявивъ сначала мѣстнымъ выборнымъ, а эти выборные получали право тѣхъ „людей вынимать", то-есть освобождать изъ оковъ. Но все это нисколько не помогало; жалобы на кормленщиковъ не прекращались.

При Василіи III только что покоренные псковичи жаловались на московскіе порядки:—«У намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много было отъ нихъ зла, потому что они были немилостивы до псковичей, а псковичи бѣдные не знали правды московской... И начали намѣстники надъ псковичами силу великую чинить, а пристава ихъ начали отъ поруки брать по 10 рублей, и по 7 рублей, и по 5 рублей, и кто изъ псковичей сошлется на великаго князя грамоту, по чемъ отъ поруки брать велѣно, и они того убьютъ, а говорили:—то де тебѣ, смердъ, великаго князя грамота!» И тѣ намѣстники и ихъ тіуны и люди пили изъ псковичей крови много, и отъ ихъ налоговъ и насиль-

ства многіе разбрелись по чужимъ городамъ, покинувъ женъ и дѣтей. А иноземцы, что жили во Псковѣ, разошлись въ свои земли; знать не въ мочь жить во Псковѣ — только одни псковичи остались: земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть». — Новгородцы при томъ же Василіи жаловались, что — «намѣстники въ Великомъ Новгородѣ судятъ сильно, а тіуны ихъ судятъ по мздѣ».

При Иванѣ IV тѣ же бѣлозерцы, о которыхъ позаботился еще Иванъ III, били въ Москву челомъ, что разбойники у нихъ села и волости разбиваютъ, а отъ государевыхъ обыщиковъ и недѣльщиковъ, присланныхъ противъ разбойниковъ, жителямъ большіе убытки и волокита великая. Въ 1552 г. черезъ годъ послѣ изданія царскаго судебника съ рѣки Ваги прибыла въ Москву депутація; 20 слишкомъ человѣкъ выборныхъ привезли царю челобитную: — «Важане, Шенкурцы и Вельскаго стана посадскіе люди и всего Важскаго уѣзда становые и волостные крестьяне били челомъ и сказывали, что у нихъ на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ, доводчиковъ, обыскныхъ грамотъ, отъ лихихъ людей, татей, разбойниковъ, костарей; что важскаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить имъ нельзя; и отъ того у нихъ въ станахъ и волостяхъ многія деревни запустѣли; крестьяне у нихъ отъ того насильства, продажъ, татебъ, съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ, а изъ становъ и волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные разбрелись безвѣстно кой-куда. На оставшихся посадскихъ людяхъ и крестьянахъ намѣстники и тіуны ихъ берутъ свой кормъ, а праветчики и доводчики свой поборъ сполна, и посадскимъ людямъ и крестьянамъ впредь отъ намѣстниковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей, отъ продажъ, всякихъ податей тянуть сполна нельзя». Въ 1555 г. царь Иванъ писалъ въ грамотѣ крестьянамъ Устюжскихъ волостей. — «Прежде мы жаловали бояръ своихъ, князей и дѣтей боярскихъ, давали города и волости имъ въ кормленья; и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели, праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего указнаго жалованья, чинятъ имъ продажи и убытки великіе».

Въ 1556 г. царь Иванъ IV говорилъ въ боярской думѣ о кормленіяхъ и о службѣ: — «По сіе время, — говорилось въ засѣданіи, — князья, бояре и дѣти боярскія сидѣли по кормле-

ніямъ, по городамъ и по волостямъ для расправы людямъ и всякаго землямъ устроенія и себѣ отъ службъ для покоя и прокормленія».—«И вниде въ слухъ благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учинились, намѣстники и волостели изъ многихъ мѣстъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ на нихъ дѣлъ учинили, и не были имъ пастыри и учители на благое, но сдѣлались какъ бы волки, гонители и разорители»...—Такова была безпощадная оцѣнка, произведенная царемъ и думой старой московской администраціи. Очевидно, старая московская администрація прибытка своего смотрѣла и никакой надзоръ выборныхъ «лучшихъ» людей, старостъ и цѣловальниковъ, не могъ прервать эту эксплоатацію населенія кормленщиками.

Отъ непосильныхъ казенныхъ поборовъ жители разбѣгались въ лѣса, бросали пашню, продавались въ холопы; отъ военной службы изъ-подъ кнута бѣгали точно такъ же. Отъ «волковъ, гонителей и разорителей» населеніе тоже бѣгало—и учинялись пусты многіе города и волости,—или било челомъ царю, или, придя въ отчаяніе, само принимало мѣры. Жалобы не всегда достигали цѣли. Та же администрація «отбивала міръ съ челобитными», а если жалобы и доходили до царя, то бывало еще того хуже. Въ 1547 г. семьдесятъ псковичей пріѣхали въ Москву жаловаться царю на намѣстника. Жалобщики чѣмъ-то разсердили Ивана, и семнадцатилѣтній царь далъ волю гнѣву: началъ обливать депутатовъ горячимъ виномъ, палилъ имъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею, и уже велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю... но въ эту минуту принесли извѣстіе, что упалъ съ колокольни большой колоколъ; царь бросилъ пытку, уѣхалъ на мѣсто происшествія,—псковичи были спасены. Дѣло доходило до открытой борьбы населенія съ администраціей. Въ 1555 г. въ грамотѣ Устюжанамъ царь жаловался: «отъ намѣстниковъ и волостелей, праветчиковъ и ихъ пошлинныхъ людей намъ докуки и челобитья многія, что посадскіе и волостные люди имъ подъ судъ и на поруки даются, кормъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ». А въ 1556 г. въ томъ же засѣданіи боярской думы, о которомъ говорилось выше, передавали вещи, еще болѣе ужасныя:—«Тако же тѣхъ городовъ горожане и волостей мужики многія коварства и убійства людямъ сдѣлали, и многіе намѣстники и волостели и стараго своего стяжанія лишилися, живота и отчизны избыша».

Московскіе люди говорили, что въ московскомъ царствѣ

«умалилась правда», что вельможи богатѣютъ отъ слезъ и отъ крови крестьянской, сборщики податей собираютъ деньги безъ пощады, мучатъ крестьянъ и берутъ на царя десять, а на себя сто, — и всѣми этими непорядками царь «напускаетъ лишнюю войну на царство». Война населенія съ администрацiей была, дѣйствительно, во всемъ разгарѣ; населеніе испробовало всѣ способы: било челомъ, не давалось подъ судъ и на поруки и не давало кормовъ, вооружалось и силой отнимало и стяжанія и жизнь,—но администрація не хотѣла уступать. Она уступила лишь тогда, когда населеніе, чтобы избавиться отъ кормленщиковъ, предложило выкупъ. Цѣлымъ рядомъ грамотъ кормленщики были по просьбѣ населенія упразднены, и всюду, гдѣ только готовы были откупиться, введены губныя и земскія учрежденія; судъ, управленіе и сборъ налоговъ переданы самому обществу, въ лицѣ его выборныхъ—губныхъ и излюбленныхъ старостъ, головъ и цѣловальниковъ. Царская вотчина какъ разъ въ то время, подчиняясь общему экономическому развитію, переходила къ денежному хозяйству, и казнѣ деньги были нужны; натуральныя повинности и подати перечислялись въ денежные оброки; выкупъ кормленій былъ выгоднымъ дѣломъ,—надо было только позаботиться, чтобы деньги платились исправно. Въ одной изъ грамотъ говорилось:— «Если же не привезутъ оброка въ срокъ, то царь посылаетъ за ними приставовъ, и доправливаетъ оброкъ вдвое съ ѣздомъ». И въ другой грамотѣ было написано: «И за намѣстничій доходъ оброкъ собрать умѣли бы, и къ нашей казнѣ на срокъ привозили бы безъ не добору». Правительство спѣшитъ еще оговориться, что всѣ старыя повинности населенія остаются по старому: «А сверхъ намѣстнича оброка платити имъ намъ оброкъ за бѣлку и за горностаи, и ямскія, и пищальныя, и полоняничныя деньги, и иные наши оброки, по писцовымъ книгамъ и по сохамъ давати, и городское дѣло дѣлати, и всякія тягла тянути, и подати давати по старинѣ, по тому жъ какъ давали прежде сего». Все это, собравъ съ населенія, разъ въ годъ вѣрные люди повезутъ въ Москву. На этомъ пути ничто не должно ихъ задерживать:— «А какъ поѣдутъ къ Москвѣ съ нашею казною, или съ Москвы назадъ, пошлинъ съ нихъ не емлютъ, а пропущаютъ ихъ добровольно, по сей нашей грамотѣ». Казна получила новую, и очень прибыльную, доходную статью; и надзоръ за этой новой доходной статьей поручается государевымъ

казначеямъ — Ивану Петровичу Головину, да Федору Ивановичу Сукину, съ дьякомъ Истомой Ноугородовымъ.

Что бы ни дѣлалъ Грозный, онъ никогда не забывалъ себя, не упускалъ изъ виду матеріальныхъ своихъ интересовъ. Въ 1563 г. отъѣхалъ въ Литву князь Курбскій, и началась съ нимъ жестокая переписка; въ декабрѣ 1564 года самъ царь оставилъ государство, изгнанный, какъ онъ говорилъ, самовольными боярами, и «поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ». Черезъ два мѣсяца онъ вернулся изъ Александровской слободы въ Москву и, какъ извѣстно, учредилъ опричнину. «Чего стоили самому Іоанну—пишетъ Соловьевъ—отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ, собственный отъѣздъ въ слободу, тревожное ожиданіе послѣдствій, какія будетъ имѣть посылка грамоты въ Москву, чего стоило ему все это,—видно изъ того, что когда онъ возвратился въ Москву, то нельзя было узнать его: волосы съ головы и съ бороды исчезли». Самъ царь жаловался Курбскому, что отъ злобы и утѣсненія боярскаго у него сдѣлалась боль въ поясницѣ. Такъ потрясенъ былъ нравственно и физически Грозный. Но это нисколько не повредило хозяйственной его распорядительности. Тотчасъ же, дрожащими еще отъ волненія руками, принялся онъ отбирать и отписывать у опальныхъ ихъ имѣнія себѣ въ казну, а издержки свои по поѣздкѣ въ Александровскую слободу и обратно покрылъ изъ средствъ Земскаго приказа, предназначенныхъ на мощеніе улицъ, тушеніе пожаровъ и охрану вообще тишины и спокойствія,—приказавъ взыскать съ Земскаго приказа за свой подъемъ сто тысячъ рублей.

VI.

Мы видѣли, что приносили съ собой на постройку московскіе государи. Такъ же, какъ и государи, думали объ этой постройкѣ и тѣ спальники, и конюшіе, приказные и кормленщики, дьяки и подъячіе, которые кормились доходами съ государевой вотчины. Но остальное населеніе хотѣло, чтобы при возведеніи зданія приняли во вниманіе и его интересы. Населеніе готово было приносить жертвы, но только такія, какія были дѣйствительно нужны для наилучшаго обезпеченія интересовъ самого населенія. Можно было не считаться съ этимъ населеніемъ и съ его интересами и желаніями въ старое удѣльное время, когда недовольнымъ легко было уйти въ другую княжескую вотчину. Но когда всѣ удѣлы объединились въ одну вотчину

московскаго государя, уйти недовольному было уже некуда, развѣ бѣжать за рубежъ, въ Литву,—это уже называли измѣной,—или бѣжать въ степь на Донъ, въ сосѣдство къ татарамъ,—это не всякому могло быть пріятно. Бѣгство въ Литву и на Донъ оставалось крайнимъ, послѣднимъ средствомъ. Кто не рѣшался на эмиграцію, тому приходилось устроиться дома, позаботиться на старомъ мѣстѣ о своихъ интересахъ. Рядомъ съ княземъ-хозяиномъ выросло цѣлое множество тоже хозяевъ, и у каждаго изъ нихъ былъ свой интересъ, каждому было важно, какъ и князю, получать какъ можно большіе барыши съ какъ можно меньшими затратами.

Интересы эти не у всѣхъ были одинаковы. Каждый общественный классъ имѣлъ свои интересы, и интересы эти были часто одинъ другому противоположны. Интересы различныхъ классовъ зависѣли отъ хозяйственнаго ихъ положенія. Московское государство стояло на рубежѣ натуральнаго и денежнаго хозяйства. Ростъ населенія заставляетъ всѣхъ и всегда изыскивать новыя средства существованія и итти впередъ въ развитіи хозяйства. Такъ было и здѣсь. Московскіе люди работали не только на себя, а и на продажу, на сбытъ. Въ Литву отправляли деревянныя чаши, сѣдла, копья, оружія, украшенія и палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ. Русскіе купцы ѣздили въ Любекъ, Антверпенъ и Копенгагенъ; въ Швеціи, когда началась война съ Москвой, шведы захватили въ плѣнъ 300 русскихъ купцовъ; торговала Москва и съ далекой Испаніей. Всего важнѣе была торговля съ Англіей, завязавшаяся при Грозномъ на Бѣломъ морѣ; въ Англіи возникла для торговли съ Москвой особая торговая компанія. За границу вывозили больше всего продукты скотоводства—кожи, масло, сало, соленое мясо, свинину, щетину и шерсть; изъ хлѣбовъ пшеницу и гречиху. Новгородскій архіепископъ отпускалъ за границу въ большомъ количествѣ ленъ. Жители крайняго сѣвера покупали въ Норвегіи хлѣбъ. Такъ захолустная Московія втягивалась въ кругъ мірового хозяйства. Параллельно развивалась и внутренняя торговля, покупатель находился и дома: разныя области начинали обмѣниваться товарами, деревня принялась торговать съ городомъ; возникли торжки и ярмарки, расширилась сѣть торговыхъ путей. Въ центральныхъ областяхъ крестьяне раннимъ утромъ, до свѣта несли въ сосѣдній городъ на продажу продукты своего несложнаго хозяйства. Священникъ торговалъ скотомъ, перегоняя его изъ селенія въ селеніе. Монахи од-

ного изъ монастырей на Онегѣ наблюдали купцовъ, ѣздящихъ мимо «сюду и овамо» (туда и сюда). Торговля развивалась, несмотря на то, что провозъ стоилъ дорого, и товары отъ Москвы до Архангельска повышались въ цѣнѣ на 3 четверти. Центръ и черноземная степь снабжали хлѣбомъ окраины: Пермь, Соловки, Новгородъ, Астрахань. Вологда торговала льномъ и хлѣбомъ, привезеннымъ съ юга; англичане разсказывали, что нѣтъ города въ Россіи, который не торговалъ бы съ Вологдой. Въ Москву по ярославской дорогѣ въѣзжало въ день по 700, по 800 возовъ съ зерномъ или рыбой; за 1000 верстъ пріѣзжали въ Москву съ сѣвера—продавать рыбу, мѣха, кожи и запасаться хлѣбомъ. Для хлѣбной торговли Ока была главной дорогой. Цѣлый рядъ ярмарокъ возникалъ по рѣкамъ; была уже Макарьевская (будущая нижегородская) ярмарка. Курбскій разсказываетъ, что въ Свіяжскѣ во время прохода русской арміи подъ Казань съѣхалось по рѣкамъ (приплыло)— «купцовъ великое множество съ различными живностями и со многими товарами, и было тамъ всего довольно, чего бы душа ни захотѣла, только нечистотъ тамъ нельзя было купить». Появился большой спросъ на деньги; теперь, когда многое можно было пріобрѣсти покупкой, деньги сдѣлались нужны всякому. И деньги появились въ оборотѣ и даже въ такомъ количествѣ, что скоро цѣна на нихъ стала падать. Въ кіевскія времена деньги давали въ ростъ подъ 50% годовыхъ, а 40% считалось нормой; теперь заемщики давали уже только 20%. Такъ шло и дальше, и въ сто лѣтъ цѣна денегъ уменьшилась больше, чѣмъ въ три раза; ясный признакъ, что денегъ теперь было много.

Очень выгоднымъ дѣломъ стала хлѣбная торговля. Она сулила большіе барыши; всѣ, кто могъ, бросились пахать и сѣять. Но чтобы получать барыши, надо было имѣть въ достаточномъ количествѣ землю, капиталъ и рабочія руки. Здѣсь было основаніе для классовой борьбы.

VII.

У бояръ были большія, и притомъ привилегированныя, вотчины. Бояринъ былъ полнымъ хозяиномъ своей вотчины, особенно, если это былъ бояринъ титулованный, бывшій князь удѣльный; такіе княжата имѣли даже свои полки, которые и приводили на московскую службу. Ихъ всего удобнѣе сравнить съ феодалами средневѣковой Европы. Курбскій въ своей „Исто-

ріи“ говоритъ о нихъ, что „еще тѣ княжата были на своихъ удѣлахъ и великія отчины подъ собой имѣли, а сколько тысячъ съ нихъ воинства было слугъ ихъ — не могу счесть; «Грозный— «того ради и погубилъ ихъ, завидуя имъ“. Бояре всѣми силами старались сохранить свои привилегированныя вотчины и еще увеличить. Увеличить ихъ бояре надѣялись на счетъ духовенства, владѣвшаго тоже громадными землями. Въ самомъ духовенствѣ, въ скитахъ заволжскихъ отшельниковъ-нестяжателей бояре нашли себѣ въ этой борьбѣ союзниковъ, дѣйствовавшихъ словомъ и перомъ. Еще при Иванѣ III началась борьба. Нилъ Сорскій и его послѣдователи настойчиво проповѣдывали секуляризацію. Иноки, по ученію Сорскаго, должны питаться исключительно своими трудами и даже подаянія могутъ принимать въ крайнихъ случаяхъ. Они должны „не точію не имѣть имѣнія, но ни желати его стяживати“. Даже въ храмахъ не зачѣмъ имѣть дорогіе золотые и серебряные сосуды; церкви должны быть чужды всякаго великолѣпія; чѣмъ жертвовать въ церкви, лучше раздать нищимъ. Ученики Нила рѣзко нападали на духовенство, на монастыри; монахи отреклись отъ міра, а владѣютъ волостями и крестьянами,—говорили они;—монахи наживаютъ богатыя палаты; они заботятся лишь о томъ, какъ украсить себя—„пестрыми и мягкими шелковыми тканями, золотомъ, серебромъ и бисеромъ добрымъ“. И бояринъ князь Курбскій, слѣдуя нестяжателямъ, не одинъ разъ упрекаетъ монаховъ, называя ихъ „любоимѣнными, богатолюбными монахами“; они стараются, по его словамъ, какъ бы „выманить имѣнія монастырямъ, или богатство многое“. Проповѣдь нестяжателей была какъ нельзя болѣе выгодна для бояръ; только нестяжатели говорили о раздачѣ церковнаго богатства нищимъ и убогимъ, а бояре понимали дѣло нѣсколько иначе. Но духовенство вышло побѣдителемъ изъ этихъ столкновеній: оно умѣло отстоять свои богатства.

Зато бояре успѣли воспользоваться малолѣтствомъ Ивана IV. Позднѣе Грозный не разъ жаловался на бояръ, что они въ то время казны его государскія расхитили, а прибытковъ казнѣ его государской никакихъ не прибавили; земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собой помѣстья и вотчины великія, получая жалованія государскія, кормленія, собрали себѣ великія богатства; дворы, села и имѣнія дядей его себѣ присвоили и водворились въ нихъ; а бояре князья Шуйскіе на казенный счетъ себѣ сосу-

ды золотые и серебряные выковали и написали на нихъ имена своихъ родителей, „будто это ихъ родительское стяжаніе“. А крамольные бояре за свои „злодѣйства“ были въ то время награждены государевыми землями и казной, какъ вѣрные слуги. Также и позднѣе во время Стоглаваго собора и Избранной рады, во время Сильвестра и Адашева, боярамъ были розданы вотчины, отнятыя у нихъ при Иванѣ III. Грозный все это ставитъ въ вину боярамъ; Курбскій за то же самое восхваляетъ эпоху Сильвестра и Адашева, когда отличившіеся въ битвахъ воеводы бывали почтены наградами—движимымъ и недвижимымъ, а паразиты или тунеядцы были отгоняемы. Вспоминая о томъ времени, Курбскій восклицаетъ: „О царю, прежде зѣло любимый отъ насъ!“

Борьба съ казной была для бояръ успѣшнѣе, чѣмъ борьба съ духовенствомъ. Но выросъ Грозный—и боярамъ пришлось убрать прочь протянутыя къ казнѣ руки.

Но и удачный грабежъ не пошелъ въ прокъ боярству. Хозяйство въ привилегированныхъ боярскихъ вотчинахъ было не блестяще. Боярскія фамиліи привыкли жить данями, пошлинами, кормами, пользоваться плодами чужого хозяйства, а сами хозяйничать не привыкли. Они продолжали жить по старому, кормиться тѣмъ, что принесутъ жители вотчинъ натурой; имъ нужны были не рабочія руки, а плательщики и кормильцы; денегъ у нихъ было мало, но когда они брали взаймы, то брали не капиталъ для предпріятія, а деньги для прожитія. Деньги давали въ ростъ монастыри; монастыри брали проценты и проценты на проценты, и этимъ доводили бояръ до разоренія. Нестяжатели и въ этомъ вопросѣ были союзниками бояръ, доказывая, что церковь давать взаймы можетъ, но только безъ процентовъ. Но и въ этомъ случаѣ побѣдителемъ вышло духовенство. Бояре должали все болѣе и болѣе и оказались подъ конецъ кругомъ въ долгу у „жидовиновъ-ростовщиковъ“, какъ они называли монаховъ. Боярскія вотчины были заложены; боярыня княгиня Шуйская заложила свое парадное платье; а князю Ивану Шуйскому, по словамъ Грознаго, не на что было сшить себѣ новую шубу, и онъ ходилъ въ старой, крытой полушелкомъ на куницахъ, да и тѣ ветхи. И Флетчеръ разсказываетъ о князьяхъ, готовыхъ служить у простолюдиновъ за пять или за шесть рублей въ годъ. Курбскій изъ Литвы билъ челомъ игумену псковопечерскаго монастыря „о потребныхъ животу“; онъ хотѣлъ взять взаймы, но монахи его „продали и отчаяли,

даже и милостыни ему не дали, а имѣли, что подать". Онъ и прежде бралъ деньги у монастыря и всегда платилъ; но „Iисусъ, „судья неумытный", заступится за него и покроетъ во всѣхъ прелютыхъ и нестерпимыхъ гоненiяхъ".

Тѣмъ временемъ у бояръ выросъ новый врагъ—помѣстное дворянство. Во время опричины боярству пришлось потерять большую часть своихъ земель. Дворяне-опричники, которыхъ Курбскiй называетъ кромѣшниками, паразитами, воистину татями и разбойниками, поотобрали у бояръ ихъ вотчины; а чего не успѣли взять опричники-дворяне, то подобрали въ свою пользу любостяжательные и вселукавые монахи. Бояре, какiе уцѣлѣли, получили, вмѣсто вотчинъ въ центрѣ, земли на окраинахъ.

Въ жестокой экономической борьбѣ, въ которой разорялось и падало боярство, врагами его были: казна, духовенство, дворянство. Казна, духовенство, дворянство естественно соединились въ общей борьбѣ съ боярствомъ. Правительство должно было стать на ту сторону, гдѣ стояла казна.

VIII.

Большiя вотчины были въ рукахъ чернаго духовенства: архiереевъ, монастырей; монастырей насчитывали до двухсотъ. Сотни имѣнiй принадлежали имъ; и такъ же, какъ у бояръ, это были привилегированныя, тарханныя земли. Монастыри вели крупную торговлю хлѣбомъ, особенно Троицкiй и Соловецкiй; архiепископъ новгородскiй, какъ мы знаемъ, торговалъ льномъ. Монастырь давалъ деньги въ ростъ, велъ большiя денежныя дѣла. Это не была уже та обитель, въ которой недоставало ладана и вина для богослуженiя, въ церкви служили при лучинахъ, книги писали на берестѣ, братiя голодала по 2 и по 3 дня безъ хлѣба, и самъ игуменъ нанимался строить келью брату-монаху за куски гнилого хлѣба, какъ это было съ преподобнымъ Сергiемъ. Теперь монастырь былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, крупнымъ банкиромъ и образцовымъ хозяиномъ; монахи сдѣлались, по выраженiю Флетчера, самыми оборотливыми купцами, и католическая симонiя процвѣтала и у православныхъ; «поставленiе на мздѣ» было здѣсь такъ же обычно, какъ и на Западѣ, и высшихъ въ духовенствѣ лицъ винили «въ святокупствѣ».

Симонiя и богатства церковныя и связанная съ этимъ веселая жизнь духовенства не остались безъ протеста; въ XIV вѣкѣ выступили съ обличенiями стригольники—еретики псков-

скіе и новгородскіе. Они открыто разорвали съ недостойной, по ихъ мнѣнію, церковью, и въ своей религіозной общинѣ подавали примѣръ аскетизма и нестяжанія. Въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ, а потомъ и въ Москвѣ выступили новые еретики—жидовствующіе. Всѣ эти вольнодумцы не давали духовнымъ отцамъ покоя, называя ихъ людоѣдами, винопійцами и друзьями грѣшниковъ. Наконецъ, ко всему этому хору обличителей присоединились изъ-за Волги голоса Нила Сорскаго и другихъ старцевъ. Сначала съ обличителями удавалось справиться. Со стригольниками справились въ XIV вѣкѣ: однихъ бросили въ тюрьмы, другихъ утопили въ Волховѣ. Жидовствующіе были сильнѣе; они нашли себѣ друзей при московскомъ дворѣ, гдѣ невѣстка великаго князя и нѣкоторые бояре приняли ихъ сторону, а митрополитъ и самъ Иванъ III ихъ не трогали. Но Геннадій, архіепископъ новгородскій, поднялъ на жидовствующихъ большую партію въ духовенствѣ; особыми посланіями онъ снесся съ другими архіереями, сплотилъ ихъ противъ общаго врага; въ лицѣ Іосифа Санина, игумена волоколамскаго, партія получила крупнаго дѣятеля и энергичнаго вождя. Заволжскіе старцы доказывали, что христіанскую истину можно распространять только мирнымъ путемъ; они были противъ религіозныхъ гоненій и печаловались за еретиковъ предъ государемъ. Партія Іосифа и Геннадія думала иначе. Іосифляне выставили боевую программу и обратили партію въ боевую организацію. Они добились собора для сужденія о ересяхъ; Геннадій писалъ собору, что онъ для того и собранъ, чтобы «еретиковъ казнити, жечи да вѣшати». Въ образецъ церковной политики онъ выставлялъ испанскаго короля, «очистившаго свою землю». Іосифъ Санинъ писалъ одному епископу, что—«не токмо еретиковъ осуждати велѣно, но и казнити и въ заточеніе посылати, точію смерти предати епископамъ не повелѣно есть;» — исполнять смертный приговоръ—это уже дѣло «царей благочестивыхъ». Царь долженъ «соблюдать стадо Христово отъ волковъ невредимо.» Если государь и теперь не подвигнется на еретиковъ, то придется «погибнути всему православному христіанству», какъ погибли царства: Ефіопское, Армянское и Римское. Государь долженъ еретиковъ «мечемъ посѣщи, а богатство ихъ на расхпщеніе предати». Государь— «первый отмститель Христу на еретиковъ;» если онъ не борется съ ересями, то—«слугу себя сатанѣ сотворяетъ». Наконецъ, голосъ Іосифлянъ былъ услышанъ; Иванъ III не захотѣлъ итти

въ услуженіе къ сатанѣ. Еретики были истреблены казнями; ихъ заточали въ тюрьмы, рѣзали имъ языки, жгли на ихъ головахъ берестовые колпаки и самихъ жгли въ клѣткахъ.

Такъ энергично боролось съ ересями іосифлянское духовенство. Оно умѣло защищать отъ обличеній и посягательствъ свое положеніе, свои богатства и привилегіи; особенно удобно было, если обличители вдавались въ ересь,—борьба съ ними обращалась въ защиту православія. Но бороться приходилось не съ ересями только; у церковнаго хозяйства были еще другіе враги. Еще въ XIV вѣкѣ митрополиты московскіе всякое посягательство на права духовенства называли великимъ грѣхомъ и обидой церкви и грозили церковнымъ проклятіемъ; въ доказательство правъ святительскаго суда, церковь ссылалась даже на подложные церковные уставы, приписывая ихъ св. Владимиру и Ярославу Мудрому. Въ концѣ XV вѣка великимъ грѣшникомъ и обидчикомъ оказался московскій государь Иванъ III, отбиравшій въ свою казну и затѣмъ раздававшій служилымъ людямъ—дѣтямъ боярскимъ—новгородскія земли монастырскія и архіерейскія. При дворѣ были сильны заволжскіе нестяжатели, одобрявшіе эту секуляризацію. На церковномъ соборѣ 1503 г. Нилъ Сорскій поставилъ даже ребромъ вопросъ о полной секуляризаціи монастырскихъ земель,— «чтобы у монастырей селъ не было, жили бы чернецы по пустынямъ, а кормились бы рукодѣліемъ». Со стороны іосифлянъ это вызвало сильнѣйшій отпоръ. Духовенство въ словахъ и поученіяхъ громило тѣхъ,—«кто въ вещи священныя движимыя и недвижимыя соборной церкви вступается и отнимать ихъ дерзаетъ», и доказывало, что государь—«пастыря своего съ вещьми церковными защищать долженъ», а пастырь долженъ охранять права церкви отъ посягательствъ свѣтской власти—«храбро, даже до своего кровопролитія». Противъ нестяжателей выступилъ и знаменитый игуменъ волоколамскій Іосифъ Санинъ, говорившій: «Аще у монастырей селъ не будетъ, какъ честному и благородному человѣку постричися?» Побѣдили іосифляне; соборъ рѣшилъ, что— «святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная — Божія суть». Съ тѣхъ поръ іосифлянское духовенство господствовало и свободно могло обдѣлывать свои матеріальныя дѣла; при Василіи III они были особенно въ силѣ. Этотъ государь былъ особенно близокъ съ волоколамскими монахами,

Однако, борьба не прекращалась. Въ «бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ» партія бояръ и нестяжателей выступила противъ іосифлянъ съ рѣзкой критикой. Авторъ «Бесѣды» упрекалъ царя, что онъ «инокамъ княжее и боярское мірское жалованье даетъ, какъ бы воинамъ, волости съ крестьянами». — «Господь иноковъ уставилъ на исполненіе десятаго ангельскаго чина; а малосмысленные цари, Христу противники, иноковъ жалуютъ и даютъ инокамъ свои царскія вотчины, города и села и волости съ крестьянами, отдаютъ завидное и все лучшее въ монастыри инокамъ». Иноки «трудами своими питаться не хотятъ, а хотятъ быть сыты отъ царя». Владѣніе монастырей землями и крестьянами авторъ «Бесѣды» прямо называетъ ересью, а царямъ грозитъ, что они «на своихъ степеняхъ царскихъ не возмогутъ держаться и почасту перемѣняться будутъ за свою царскую простоту и за иноческіе грѣхи».

На Стоглавомъ соборѣ нестяжатели дали іосифлянамъ генеральную битву. Самъ соборъ былъ, какъ думаютъ, созванъ по почину нестяжателей; изъ нестяжателей на соборъ попалъ одинъ Вассіанъ, постриженный бояринъ, въ міру князь Патрикѣевъ; но на соборѣ были на ряду съ духовными и «бояре и вои», и битву собственно давали іосифлянамъ не послѣдователи Нила Сорскаго, а бояре и служилые люди. Опять ребромъ былъ поставленъ вопросъ о секуляризаціи и о запрещеніи монастырямъ давать деньги въ ростъ. Соборъ постановилъ вотчинъ духовенству безъ вѣдома и доклада государю не пріобрѣтать, неправильно пріобрѣтенныя или заложенныя монастырямъ вернуть, деньги и хлѣбъ давать взаймы только безъ процентовъ. Но это все были уступки только на бумагѣ; исполненіе соборныхъ рѣшеній было возложено на тѣхъ же іосифлянъ, — и «все пошло по старому, какъ бы и совсѣмъ не было собора».

Затѣмъ на историческую авансцену выступила и противъ духовенства и противъ боярства новая сила—служилое дворянство. Духовенству пришлось и терять и выигрывать. Во время опричнины, когда дворянство отбирало у бояръ ихъ вотчины, этимъ крушеніемъ боярства воспользовались и монастыри и подобрали въ свои руки обломки боярскаго землевладѣнія. Когда же въ 1570 г. опричники во главѣ съ царемъ громили Новгородъ, были разграблены и дворъ архіепископа, и его казна, и ризница Софійскаго собора, и всѣ новгородскіе церкви и монастыри; то же повторилось потомъ

и въ Псковѣ, гдѣ забрали монастырскую и церковную казну, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Затѣмъ опять выплылъ вопросъ о секуляризаціи; на этотъ разъ его выдвинули не бояре, а дворяне Въ 1580 г. этотъ вопросъ былъ рѣшенъ и опять удовлетворительно для іосифлянъ: духовенство отказалось на будущее время отъ права пріобрѣтать вотчины, но выговорило себѣ право—брать на поминъ души не землями, а деньгами; прекращался ростъ земельныхъ владѣній церкви, въ то же время увеличивался ростъ церковныхъ капиталовъ. Кромѣ того церковь сохранила за собой неприкосновенными всѣ уже бывшія въ ея рукахъ вотчины. Черезъ 4 года іосифлянамъ опять пришлось защищаться; дворянство требовало отмѣны тархановъ; эти привилегіи привлекали къ церковнымъ землямъ массы поселенцевъ и рабочихъ рукъ, и отъ того страдали непривилегированные землевладѣльцы—дворяне:—„Сего ради"—говорили они,—„многое запустѣніе за воинскими чинами въ вотчинахъ ихъ и помѣстьяхъ". При царѣ Федорѣ въ іюлѣ 1584 г. тарханы были отмѣнены; но духовенство было еще сильно — и въ октябрѣ тарханы были вновь возстановлены. Такъ умѣло іосифлянское духовенство отстаивать свои интересы.

Это пышно расцвѣтшее монастырское и архіерейское хозяйство вызывало жестокую критику со стороны другихъ классовъ и партій. Богатая жизнь монаховъ давала много матеріала для критики вольнодумцамъ-еретикамъ; Заволжскіе нестяжатели съ своей стороны не уставали обличать іосифлянъ. Максимъ Грекъ, аѳонскій монахъ, ученикъ Савонароллы, разбиравшій государеву библіотеку и сблизившійся съ нестяжателями,—яркими чертами изобразилъ монастырское хозяйство. По его словамъ, монахи совѣтывали богатымъ людямъ—„не давать имѣнія аще и убогимъ сродникамъ, а давать монастырямъ, за что святые умолятъ у Бога царствіе небесное". Они не брезговали ничѣмъ, чтобы захватить въ свои руки земли; Максимъ Грекъ утверждаетъ даже, что они для этого прибѣгали къ подлогамъ. Это было настоящее собираніе русской земли, и въ концѣ концовъ, 2/5 всѣхъ земель кругомъ Москвы сосредоточилось въ рукахъ монаховъ.

Тотъ же Максимъ Грекъ рисуетъ картину банковыхъ операцій монастыря. Монахи свое серебро даютъ въ ростъ и проценты на проценты истязуютъ отъ убогихъ, а у неоплатныхъ должниковъ расхищаютъ худыя стяжаньица, послѣднее, что оста-

лось отъ нищеты. Задолжавшихъ крестьянъ монахи морятъ безпрестанно и всяческими монастырскими работами или продаютъ въ рабство; сиротъ и вдовицъ безщадно и безмилостивно расхищаютъ. Монахи кормятся крестьянскими слезами, заявляли нестяжатели. Максимъ Грекъ называлъ монаховъ—„наставниками всякаго безчинія". Бояре, также попадавшіе въ руки чернецовъ-банкировъ, называли ихъ съ своей стороны „сребролюбцами ненасытными" и утверждали, что и въ царяхъ рѣдко встрѣтить такое свирѣпство, какъ въ инокахъ Иноки „строятъ каменныя ограды съ палатами и съ позлащенными узорами, съ травами многоцвѣтными", жаловался авторъ „Валаамской бесѣды".—«Украшаютъ себѣ кельи, какъ царскіе чертоги, и вездѣ у нихъ лучшее и завидное все, и покоятъ себя пьянствомъ и брашномъ... Возлюбятъ пьянство, блудъ, нечистоту, свирѣпство и немилосердство... Угождаютъ мамонѣ, а не душѣ своей... Сверхъ казны монастырской еще крадутъ и себѣ въ собину собираютъ золота и серебра,—и міръ слезятъ".

Съ безконечной ненавистью говорилъ о нихъ Курбскій. По его словамъ, эти „презлые осифляне подобны во злости" Василію III; „они его лютости скорые послушники, во всякомъ злѣ потаковники, паче же еще и подражатели".—„Урегордые, лютые и вселукавые мнихи, глаголемые осифлянскіе", только о томъ и стараются, какъ бы „выманить имѣніе монастырямъ или богатство многое, и жить въ сладострастіяхъ скверныхъ, какъ свиньи питаясь, не говорю ужъ—въ калѣ валяясь". Таковы эти „человѣкоугодники прескверные", какъ ихъ называетъ Курбскій. И самъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ говорилъ, что — „въ монастыряхъ иные постригаются ради покоя тѣлеснаго, чтобы постоянно бражничать, и по селамъ ѣздятъ для удовольствія — прохлады для; —„въ кельи жонки и дѣвки приходятъ,—монахи, монахини и міряне живутъ вмѣстѣ".

Но монахи готовы были всѣми способами защищать свои интересы. Когда старецъ Феодоритъ, основатель Троицкой на Колѣ обители, запретилъ монахамъ въ своемъ уставѣ пріобрѣтать имущество и держать женщинъ, иноки „сложились съ дьяволомъ", какъ разсказываетъ Курбскій,—и „возненстовствовали; взяли старца святого и били нещадно, изъ монастыря его выволокли и изъ страны той, какъ врага, выгнали". Почти то же случилось въ то время и въ Троице - Сергіевскомъ монастырѣ, когда игуменъ хотѣлъ „превратить чернецовъ на

Божій путь, на молитву, постъ и воздержаніе“; изъ-за этого въ обители преподобнаго Сергія—„вышелъ мятежъ многій“, и монахи хотѣли даже убить игумена. Вѣрные іосифлянскимъ завѣтамъ, иноки готовы были защищать свои права „храбро“, даже до „кровопролитія“, и готовы были проливать кровь не только свою, но и чужую. И самъ Грозный, указавшій Стоглавому собору непорядки церковной жизни, принялъ на себя, въ концѣ концовъ, защиту іосифлянъ отъ нестяжательскихъ обличеній. Курбскій жаловался, что царь нестяжателей „наказуетъ“, да еще,—«не наказуетъ любезно, но со всякою яростью и лютостью звѣрской».

IX.

Служилое дворянство не имѣло ни столь большихъ земель, ни такихъ капиталовъ; тѣмъ не менѣе оно дѣлало все возможное, чтобы втянуться въ хлѣбную торговлю и расширить свое хозяйство. Даже тѣ небольшія денежныя суммы, какія давались служилому человѣку изъ казны въ придачу, помѣщикъ спѣшилъ вложить въ хозяйство. И дворянское хозяйство неуклонно росло. Вначалѣ за дворяниномъ числилось полсела, треть деревни, шесть или семь крестьянскихъ дворовъ; но дворянинъ не хуже инока монастырскаго умѣлъ позаботиться о себѣ. При этомъ постоянно приходилось нарушать чужіе интересы, и возникала борьба. Только эту борьбу дворяне вели больше оружіемъ, чѣмъ перомъ и словомъ. Въ отличіе отъ шумныхъ диспутовъ боярско-иноческихъ дворяне больше дѣлали свое дѣло молча. Жертвами хозяйственнаго развитія дворянства становились, одни за другими, крестьяне, посадскіе, бояре и духовенство. Когда дворянинъ получалъ помѣстье, на землѣ, данной ему, онъ находилъ мирно хозяйничавшихъ крестьянъ; крестьяне считали своимъ неотъемлемымъ правомъ пахать на себя эту землю; теперь являлся помѣщикъ, бралъ землю себѣ и обезземеливалъ крестьянъ. Согнанные съ земли крестьяне должны были или арендовать землю, или наниматься въ бобыли - рабочіе, или уходить совсѣмъ, куда глаза глядятъ. Такъ было дѣло въ уѣздѣ; если ставили дворянскій гарнизонъ въ городѣ, въ посадѣ, то страдали посадскіе торговопромышленные люди; дворяне брали себѣ ихъ дворы, лавки, амбары и огороды и выживали посадскихъ вонъ изъ посада, обезземеливали и ихъ. При Иванѣ III, когда производился разгромъ новгородскаго церковнаго землевладѣнія, служилые, дѣти боярскія,

расхватали много церковныхъ земель. При Иванѣ Грозномъ особенно процвѣло служилое дворянство. Служилая тысяча, набранная въ 1550 г., получила въ помѣстья свыше полутораста тысячъ десятинъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ набраны одна за другой новыхъ шесть тысячъ, и эти дворянскіе полки, получившіе названіе опричниковъ, произвели грандіозный разгромъ боярскаго землевладѣнія. Это была настоящая классовая борьба изъ-за земли; такъ какъ казна была враждебна боярству, и сверхъ того боярство было заподозрѣно въ измѣнѣ и въ крамолѣ, то дворянство получило въ этой борьбѣ отъ правительства чрезвычайныя полномочія, дискреціонную полицейскую власть. Покончивъ съ боярами, дворянство направило новый рядъ ударовъ на церковь. Въ самый разгаръ несчастной Ливонской войны, когда служилые люди особенно нужны были правительству, эти служилые люди потребовали большого земельнаго обезпеченія—на счетъ церкви. Въ 1573 г. митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ боярской думой, по государеву приказу, приговорили: въ большіе монастыри вотчинъ на поминъ души не давать, а вновь отданныя передать въ помѣстья служилымъ людямъ, чтобы въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила бы. Въ 1580 г. тѣ же церковныя власти съ боярской думой совѣщались снова. На этотъ разъ церковь сильнѣйшимъ образомъ укрѣпила за собой всѣ имѣвшіяся уже въ ея рукахъ земли, объявивъ торжественно, что и впредь эти земли остаются въ рукахъ церкви неприкосновенно. Но — „ради надлежащаго варварскаго прещенія", когда всѣ враги — „соединились ярымъ образомъ, какъ дикіе звѣри, надмились гордостью и хотятъ истребить православіе", – рѣшено новыхъ вотчинъ церкви совсѣмъ не давать, а давать ей за поминъ души, вмѣсто вотчинъ, деньгами; все это «ради того, чтобы воинскій чинъ ополчался крѣпко на брань противъ враговъ креста Христова». Насильственная экспропріація, такъ удавшаяся дворянамъ въ борьбѣ съ сиротами-крестьянами и съ крамольными боярами, очевидно, не была возможна въ отношеніи церкви: церковь была слишкомъ могущественна, съ нею надо было считаться, и приходилось довольствоваться (пока) полюбовнымъ дѣлежомъ добычи.

Всего ярче обнаружилась дѣятельность дворянства въ исторіи опричнины. На ней стоитъ остановить вниманіе. Соціальная революція, произведенная дворянствомъ въ союзѣ съ царемъ, поразила ужасомъ умы бояръ. «Воскурилось гоненіе великое,—

говорилъ Курбскій: — сынъ дьявольскій всѣялъ искру безбожную въ сердце царя православнаго, и отъ этой искры во всей Святорусской землѣ пожаръ лютъ возгорѣлся. Полкъ дьявольскій, паразиты, тати и разбойники, кромѣшники кровожадные, горшіе палачей», — иначе Курбскій не называетъ опричниковъ. «Попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши возъярился царь Иванъ Васильевичъ на все православіе», — пишетъ другой современникъ. Въ боярскомъ освященіи фигура самого царя, перваго среди опричниковъ, выдвигается слишкомъ впередъ и получаетъ трагическій видъ: «А самъ царь и ходилъ и ѣздилъ въ черномъ платьѣ, и всѣ съ нимъ, и была туга и ненависть на царя въ міру, и кровопролитіе и казни учинились многія». «Боярскія фамиліи», — разсказываетъ Курбскій, — «съ женами и дѣтьми ихъ, сосущими отъ сосцовъ матернихъ, не пощадилъ царь съ кромѣшниками своими». И Василій III превзошелъ Нерона лютостью своею, а Иванъ IV, этотъ «новоявленный звѣрь» и «клевретъ сатаны», учинилъ гоненіе, неслыханное и у поганскихъ царей. Но эти казни обыкновенно приписываютъ больше самому Грозному, чѣмъ служившему у него въ опричникахъ дворянству; пора дворянству раздѣлить съ царемъ его «грозную» репутацію. Грозный царь говорилъ о себѣ, что онъ изгнанъ боярами отъ своего достоянія, и скитается по странѣ; но скитался онъ не одинъ, а вмѣстѣ съ дворянами-опричниками, съ ними дѣлилъ и опасности и добычу; «царь – скиталецъ» былъ поистинѣ первымъ дворяниномъ своего времени.

Опричнина была торжествомъ дворянства надъ боярствомъ; жертвы опричнины легли въ фундаментъ будущей дворянской Россіи. Жертвъ этихъ было немало.

Знаменитый синодикъ царя Ивана Васильевича, присланный имъ въ Кирилловъ монастырь для поминанія, заключаетъ въ себѣ 3248 именъ; эти имена — жертвы не столько личнаго гнѣва царя, сколько хозяйственной политики благороднаго россійскаго дворянства. Среди множества другихъ именъ здѣсь находимъ: „Князя Владиміра со княгінею и здочерью“, безчисленныхъ Петровъ, Романовъ, Ивановъ и т. д. „зженой и ссыномъ“, „зженою и ссестрой и стещею“, „сматерью, и зженой, іссыномъ, іздочерью“, и цѣлый рядъ безыменныхъ – трехъ человѣкъ, семь человѣкъ, семнадцать человѣкъ, тысячу пятьсотъ пять человѣкъ (новгородцевъ), и какихъ - то „двупадцати человѣкъ и с' старицами“. Курбскій изображаетъ самыя

казни опричнины. Князя Петра Щенятева было велѣно „на сковородѣ, огнемъ разженной, жещи и за ногти иглы бити“; князю Никитѣ Одоевскому — сорочку продернули сквозь грудь и дергали изъ стороны въ сторону; Колычевы были взорваны порохомъ; князей Мещерскихъ — Андрея, Никиту и Григорія, — убили уже въ бою татары, опричники ихъ разыскивали, и найдя, рѣзали ихъ трупы; а когда жгли боярина князя Михайлу Воротынскаго, самъ первый дворянинъ земли русской, царь Иванъ, подгребалъ подъ него жезломъ уголья. Въ Новгородѣ въ 1570 г. заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ жителей, топили въ Волховѣ, и чтобы никто не могъ спастись, дѣти боярскія и стрѣльцы ѣздили по рѣкѣ на лодкахъ съ рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплывалъ наверхъ, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали въ воду; это продолжалось подъ рядъ пять недѣль; а потомъ оставшимся въ живыхъ новгородцамъ было объявлено, что вся эта кровь взыщется на самихъ перебитыхъ «измѣнникахъ», велѣли имъ «жить въ Новгородѣ благодарно» и молить Бога объ одолѣніи другихъ такихъ же «измѣнниковъ видимыхъ и невидимыхъ».

Въ пріобрѣтательской своей дѣятельности дворяне - опричники заботливо устраняли съ пути всѣ препятствія, всѣ помѣхи, и когда ставился въ митрополиты Филиппъ, съ него была взята запись: „въ опричнину ему и въ царскій домовой обиходъ не вступаться, а послѣ поставленія, за опричнину и за царскій домовой обиходъ митрополіи не оставлять“. Митрополиту такимъ путемъ связали руки, зажали ротъ, да еще приковали къ митрополичьей каѳедрѣ. Филиппъ далъ запись, но потомъ не выдержалъ, и обличалъ опричнину. Въ лицо царю въ храмѣ онъ говорилъ: „у татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ даже сострастія къ невиннымъ и правымъ; здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская“, — и не далъ царю благословенія. Дворяне-опричники поспѣшили убрать неудобнаго святителя; онъ былъ заточенъ въ монастырь, и думный дворянинъ Малюта Скуратовъ задушилъ его тамъ подушкой. Святитель, причтенный церковью къ лику святыхъ, былъ принесенъ въ жертву на алтарѣ дворянскихъ интересовъ. Дворянскій родъ Скуратовыхъ числится и теперь въ родословныхъ дворянскихъ книгахъ губерній Тамбовской и Тульской.

X.

Такъ шла борьба изъ-за земли и капитала между боярами, духовенствомъ и служилыми дворянами. Были классы совсѣмъ ничего не выигрывавшіе и только терявшіе въ этой борьбѣ. Крестьяне теряли и ту землю, на которой сидѣли, и капитала не получали; холопы работали на другихъ на чужой землѣ, и сами были въ чужихъ рукахъ капиталомъ.

Холопами можно было свободно распоряжаться. Холопъ былъ полной собственностью господина, его можно было купить, продать, завѣщать, дать въ приданое; его можно было не только уморить трудомъ и голодомъ, но и прямо убить; нельзя было только убить чужого холопа.

Число холоповъ росло; и хозяева широко пользовались ихъ трудомъ: ставили въ пастухи, въ приказчики, наполняли ими кухню, дворню, кузницу, брали съ собой, когда отправлялись „конны, людны и оружны“ на царскую службу. Чѣмъ болѣе развивалась хлѣбная торговля, тѣмъ болѣе на дворянскихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ земляхъ росла барская пашня, и тѣмъ больше сажали холоповъ на эту пашню; въ центральныхъ областяхъ и на степномъ черноземѣ всю почти барскую пашню пахали холопы. Были, впрочемъ, холопы не совсѣмъ лишившіеся свободы. Плѣнникъ оставался рабомъ до смерти господина, неоплатный должникъ поступалъ въ кабалу „до искупа“; но хозяева старались задержать ихъ и дольше срока, старались закабалить ихъ потомство. Чтобы умножить еще число своихъ холоповъ, чтобы получить лишнія рабочія руки, землевладѣльцы прибѣгали къ насилію надъ малолѣтними и надъ инородцами; вымогали у нихъ нужное согласіе, и беззащитныя сироты „били челомъ волею“ въ холопство. Были холопы и у духовенства. Монастыри по церковнымъ правиламъ не могли владѣть холопами; монастырскіе холопы назывались поэтому не холопами, а „дѣтенышами“.

Крестьяне, лишаясь земли и не имѣя капитала, шли въ наемные рабочіе, или арендовали землю, и въ такомъ случаѣ брали взаймы и капиталъ: сѣмена, орудія и „весь крестьянскій заводъ“ и домовую посуду. Въ томъ и другомъ случаѣ землевладѣльцы получали возможность эксплуатировать крестьянъ. Въ имѣніяхъ, гдѣ не хватало для барской пашни холоповъ, сажали на пашню наемныхъ крестьянъ-бобылей, или арендаторовъ-должниковъ по условію заставляли ходить на барщину; но гораздо больше накладывали на нихъ оброки.

Владѣльцы земель опутывали крестьянъ арендными условіями, долговыми обязательствами. Крестьяне обязывались: „деревня распахати, и поля огородити, и старыя хоромы починити, и новыя поставити, на дѣло (господское) ходити, какъ иные крестьяне ходятъ“; или „оброкъ хлѣбный давати, и пашню пахати, и рожь и солодъ молоти, и дрова привозити, и повозъ везти, и дворъ и гумна подѣлывати, и новыя хоромы ставити, и на дѣло (господское) ходити на солнечномъ восходѣ,— и приказчика слушати во всемъ“.

Не всегда въ условіяхъ точно обозначались обязанности крестьянъ, и рѣшеніе отдавалось на усмотрѣніе господина; крестьянинъ обязывался всякую страду господину — „со крестьяны страдати“, какъ тотъ ему „прикажетъ“, и платить оброкъ — „чѣмъ онъ его изоброчитъ“; и хозяева „свои подати на крестьянъ клали сами, сколько съ кого взяти“, да еще приказчикамъ своимъ разрѣшали — „всякіе поборы со своихъ крестьянъ, чѣмъ бы имъ поживиться“. Крестьяне скоро запутывались въ долгахъ, и, какъ неоплатные должники опускались въ положеніе кабальныхъ, въ ближайшее сосѣдство къ холопамъ. Кабальные не могли уже уйти; но и тѣхъ, кто еще не дошелъ до этого состоянія, землевладѣльцы старались прикрѣпить къ своему хозяйству, точь въ точь такъ же, какъ самъ московскій государь старался прикрѣпить къ своей землѣ крестьянъ черносошнаго сѣвера. Крестьянамъ позволялось уходить только разъ въ годъ, на осенній Юрьевъ день, когда сельскія работы кончены, да и то, если долги выплачены. Старожильцевъ, давно не уходившихъ, особенно старались не выпускать; говорили, что имъ уйти прошла давность. Обитель, основанная преподобнымъ Сергіемъ, еще отъ Василія Темнаго получила право — „со своихъ земель крестьянъ не выпускати ни къ кому“. Въ 1577 г. дворцовый приказчикъ собирался выводить крестьянъ съ земель Спасскаго монастыря въ царскую вотчину, а Спасскій архимандритъ возражалъ, что — „крестьяне въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ старожильцы, и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами“.

Чтобы крестьяне не убѣгали, съ нихъ брали записи поручныя, и поручители должны были отвѣчать за бѣглыхъ большой суммой, до тысячи рублей. Если крестьяне убѣгали, ихъ ловили, „мучили, грабили и въ желѣзо ковали“. Такимъ путемъ старались землевладѣльцы прикрѣпить къ себѣ крестьянъ-арендаторовъ и рабочихъ.

Въ то же время шла борьба изъ-за крестьянъ между различными классами землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы: бояре, монастыри, архіереи сманивали къ себѣ дворянскихъ крестьянъ, выкупали должниковъ, похищали; были люди, спеціально бравшіеся за такія операціи — они назывались отказчики. При этомъ различные классы не уставали обличать другъ друга въ томъ, что питаются крестьянскими слезами и крестьянской кровью. Боярскія привилегіи и особенно церковные тарханы мѣшали дворянству въ этой борьбѣ: крестьяне охотнѣе уходили на земли, болѣе другихъ свободныя отъ повинностей; служилые люди заявляли тогда, что имъ служить „не съ чего".

Терявшіе своихъ крестьянъ владѣльцы искали судомъ своихъ бѣглыхъ, и суды были завалены дѣлами о крестьянахъ. Правительство попробовало, подъ давленіемъ дворянъ, отмѣнить тарханы; черезъ 5 мѣсяцевъ пришлось въ угоду духовенству ихъ снова возстановить. Тогда правительство попробовало просто сократить число дѣлъ, чтобы облегчить работу судовъ; указомъ 1597 г. запрещено было искать крестьянъ, убѣжавшихъ болѣе, чѣмъ за 5 лѣтъ до указа, — (этотъ указъ записанъ былъ въ указную книгу приказа холопьяго суда, какъ если бы крестьяне были уже холопы). — Когда царемъ сдѣлался Годуновъ, былъ изданъ новый указъ (1601 г.), выгодный для дворянства. Для борьбы съ привилегированными землевладѣльцами дворяне сами получили особую привилегію: крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено свозить крестьянъ къ себѣ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ — дворянъ. Дворянство торжествовало. Крестьяне опускались все ниже и ниже, и уже бичъ гулялъ по крестьянской спинѣ невозбранно.

Холопы и крестьяне, безсильные и разбросанные на большихъ пространствахъ, не могли защитить свои интересы, свою свободу; имъ оставалось или терпѣть, или уходить. Кому было не въ терпежъ, тѣ уходили — выселялись на Волгу, на новую окраину, поступали на Донъ въ казаки, шли на большую дорогу въ разбойники. Уйдя на новую окраину, переселенцы заводили свое мелкое хозяйство и пахали черноземъ на себя, пока и на этотъ черноземъ не налетали новые помѣщики-дворяне. На Дону русскіе эмигранты заводили свои, не московскіе порядки.

На Москвѣ царила частная собственность, земли и капиталы были въ частныхъ рукахъ, и крестьяне съ холопами оказались сами частной собственностью. На Дону всѣ угодья

были въ общемъ владѣніи, земля принадлежала цѣлой казацкой общинѣ, частной земельной собственности не было совсѣмъ. На Москвѣ холопы и крестьяне страдали отъ московскаго неравенства, на Дону не дѣлали различій; первое время всѣ были равны. На Москвѣ вся страна была вотчиной государя; на Дону власть была въ рукахъ всей казацкой общины, всего круга, все казачество чувствовало себя хозяиномъ.

Но не всѣмъ удавалось уйти туда, на Донъ или на Волгу. Внутри страны развились нищенство и разбои. У воротъ монастырей толпились: „нищіе и сироты, мразомъ и гладомъ тающіе, горько плачущіе скудости своея ради“. На дорогахъ и въ лѣсахъ грабили разбойники—и на Волгѣ, и подъ Стародубомъ, и въ лѣсахъ Муромскихъ, и подъ Можайскомъ. Грозному царю не разъ били челомъ—съ Бѣлоозера, и съ Ваги, и отъ Троицы Сергія, что у нихъ — „въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ много людей грабятъ, разбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ“.

Все это было неудобно для землевладѣльцевъ, а разбои и для всѣхъ вообще собственниковъ. Отъ ухода рабочихъ и арендаторовъ земли пустѣли; на протяженіи сотенъ верстъ встрѣчались однѣ полуразвалившіяся избы, тянулись заброшенныя полосы, а дороги поросли такой травой, что и не продерешься; церкви стояли безъ пѣнія, пашни поросли лѣсомъ.

Землевладѣльцы, борясь между собой, всѣми мѣрами боролись и противъ этого ухода, ловя бѣглыхъ и вводя крѣпостное право. Когда руки, работавшія на барщинѣ и приносившія оброки, протягивались за милостыней, сытые монахи съ „горькими“ ругательствами гнали нищихъ прочь, „кинувши кусъ хлѣба гнилого“. Когда эти руки превращались въ разбойничьи кулаки и грозно поднимались къ лицу и кошельку, собственники принимались сами „лихихъ людей разбойниковъ обыскивати“, а поймавъ, наказывати. Старыя областныя власти—кормленщики недостаточно принимали къ сердцу интересы мѣстныхъ собственниковъ и хозяевъ; собственники и хозяева били царю челомъ—и получили отъ царя право самимъ взяться за это дѣло. Такъ возникли губныя учрежденія.

Бѣлозерцамъ и Каргопольцамъ въ губной грамотѣ было пи-

сано: «Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто у себя ихъ держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко; а допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертью». Галичанамъ было писано: «Въ которые дворы какіе - люди съ чѣмъ-нибудь пріѣдутъ, покупать ли соль, или проѣзжіе люди, объявляйте этихъ людей десятскимъ; и пусть этихъ людей осматриваютъ и записываютъ. Остановятся на дворахъ люди проѣзжіе незнакомые, и станутъ сказываться не по именамъ и непутно—такихъ людей брать и приводить къ городовымъ приказчикамъ, и съ городовыми приказчиками обыскивать вправду, безъ хитрости, какіе они люди. Обыщете, что они люди добрые, то перепишите ихъ и отпустите безъ задержки. Если же окажутся лихіе люди, то пытайте ихъ накрѣпко съ городовыми приказчиками... и уличеннаго разбойника, бивъ кнутомъ по всѣмъ торгамъ, казните смертью». Въ поискахъ лихихъ людей выборные старосты и цѣловальники ѣздили по всей волости, собирали сходки и требовали, чтобы имъ указывали лихихъ людей. Достаточно было, чтобы на такомъ «лихованномъ обыскѣ» оговорили кого, довольно было даже однихъ слуховъ — «молвки» о лихости, — чтобы такого человѣка сажать въ тюрьму, пытать, бить кнутомъ, казнить смертію. Если спрошенные на обыскѣ не могли указать лихихъ людей, а потомъ обнаруживались татьбы и разбои,— убытки взыскивали съ «обыскныхъ людей», и ихъ самихъ наказывали кнутомъ. Выборные получали громадныя полицейскія и, можно сказать, военно-полевыя полномочія, и самый откровенный и безграничный терроръ былъ орудіемъ этой «усиленной охраны» XVI-го вѣка,—охраны, которую не правительство навязало обществу, а само общество выпросило себѣ у правительства.

XI.

Когда Иванъ III отбиралъ у новгородскаго духовенства земли и раздавалъ ихъ служилымъ людямъ—дѣтямъ боярскимъ, духовенство было въ оппозиціи; «правительственную партію» составляли бояре и дѣти боярскіе, жидовствующіе и заволжскіе нестяжатели. Курбскій говорилъ впослѣдствіи объ этомъ времени, что государь - «много совѣтовался съ мудрыми синклитами, былъ любосовѣтенъ и ничего не починалъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта». Нилъ Сорскій на церковномъ соборѣ открыто предлагалъ полную секуляризацію церковныхъ

имуществъ, чтобы черницы «жили по пустынямъ, а питались бы рукодѣліемъ». Жидовствующіе были при дворѣ — невѣстка Ивана III княгиня Елена, дьякъ Курицынъ и др. Митрополитъ Геронтій «не докучалъ государю о еретикахъ», какъ жаловались іосифляне, а митрополитъ Зосима, хотя и не былъ еретикомъ, былъ противъ казней еретиковъ,—«питія непомѣрно держался, а церкви Божіей не радѣлъ». И о самомъ Иванѣ III говорилъ въ то время Іосифъ Санинъ, что онъ—прозабывъ дѣло Божіе во многихъ своихъ дѣлахъ царскихъ,—а «Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе». Царь долженъ быть Божьимъ слугой; если же надъ царемъ царствуютъ «скверныя страсти и грѣхи и злѣйшія всѣхъ—невѣріе и хула», то такой царь,—«не Божій слуга, но дьявольскій, и не царь, но мучитель». Государю, отбиравшему церковныя богатства, волоцкой игуменъ твердилъ, что сребролюбіе царское—служба дьяволу; только богатство еретиковъ можно и должно—«предать на расхищеніе». И онъ грозилъ «слугѣ дьявольскому», что онъ «во пса мѣсто будетъ сведенъ во адъ».

Борьба кончилась торжествомъ іосифлянскаго духовенства; положеніе партій перемѣнилось. Иванъ III сдѣлался «отмстителемъ Христу на еретики», какъ говорилъ Іосифъ, «мстителемъ неправдамъ», какъ говорилъ Грозный. Секуляризація была отвергнута: святители не благоволили отдать Божія «стяжанія». Жидовствующіе подверглись казнямъ, какъ «воинство сатанинское». Сынъ княгини Елены развѣнчанъ, сынъ гречанки Софьи вѣнчанъ на царство. Бояре жаловались, что Иванъ III «переставляетъ старые обычаи.» При Василіи III торжество іосифлянъ продолжалось. Максиму Греку въ его кельѣ бояре жаловались, что государь съ ними не совѣтуется, старыхъ людей не почитаетъ; «запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Мѣсто боярской думы занялъ небоярскій комитетъ; пять дьяковъ, да дворецкій Шигона Поджогинъ, оттѣснили бояръ отъ власти. За такія жалобы члену боярской думы Берсеню Беклемишеву отрубили голову, дьяку Федору Жареному, бивъ кнутомъ, отрѣзали языкъ; Максима Грека обвинили въ ереси и заточили въ монастырь: онъ пострадалъ - «по зависти Даніила митрополита, прегордаго и лютаго, и отъ вселукавыхъ мниховъ, глаголемыхъ осифлянскихъ»,—разсказываетъ Курбскій. Говоря о великомъ князѣ Василіи, Курбскій называетъ его «великимъ паче же въ гордости и въ лютости княземъ». Совершенно противоположную

оцѣнку даютъ Василію іосифляне. Митрополитъ Даніилъ называетъ его - всему народу „о благочестіи твердымъ поборникомъ“, а патріархамъ и священному собору—„благоразумнымъ согласникомъ“. Такому государю нужно было „отъ сердца воздавать любовь, и должное покореніе, и послушаніе, и благодареніе, и работать ему по всей волѣ, не какъ человѣку, а какъ Богу“,—какъ писалъ Іосифъ Санинъ. И въ монастырѣ, гдѣ Іосифъ Санинъ былъ игуменомъ, такъ любили Василія, что дьяконъ не могъ за него молиться безъ слезъ, и игуменъ съ братіей отъ любви тоже плакали.

Теряя значеніе и власть, боярство теряло и старинное право отъѣзда, которымъ оно такъ дорожило. При Иванѣ III и Василіи III больше отъѣзжало бояръ изъ Литвы въ Москву, чѣмъ наоборотъ; но московское правительство принимало свои мѣры противъ отъѣздчиковъ, и іосифлянское духовенство его въ этомъ, конечно, поддерживало. Бояре имѣли дерзость заявлять какія-то права,- какое-то право отъѣзда,—но московскій государь считалъ все государство своею вотчиною, весь народъ своими холопами; какія же могли быть права у холоповъ? И по мнѣнію іосифлянъ, бояре княжескаго и некняжескаго рода должны были предаться волѣ государя, и готовыми быть отъ него вся терпѣть, аще и смерти предастъ ихъ:—„Воленъ Богъ да государь“. Иванъ III бралъ со своихъ бояръ „проклятыя грамоты“. Такую грамоту взялъ онъ съ боярина князя Холмскаго, а боярина Воронцова заставилъ поручиться за Холмскаго большой суммой. При Василіи III грамоты о не-отъѣздѣ дали князья Шуйскій, Бѣльскіе, Воротынскій, Глинскій, Мстиславскій. Шуйскій клялся „отъ своего государя и отъ его дѣтей изъ ихъ земли въ Литву, также къ его братьямъ и никуда не отъѣхать до самой смерти“. За Мстиславскаго ручались митрополитъ и все духовенство, и онъ самъ цѣловалъ крестъ у гроба чудотворца Петра, и все-таки хотѣлъ отъѣхать къ Сигизмунду; и „государь по его винѣ опалу на него положилъ“, какъ разсказываетъ самъ Мстиславскій. Ручательства духовныхъ лицъ было мало; требовались ручательства бояръ и денежныя гарантіи: За Глинскаго ручались три боярина, да за этихъ трехъ еще 47 бояръ.

При Иванѣ IV произошло опять перемѣщеніе партій. Малолѣтствомъ его широко воспользовались бояре. У власти смѣняли другъ друга бояре Глинскіе, Бѣльскіе, Шуйскіе. Позднѣе Грозный жаловался Курбскому, что въ то время, „тѣ, кото-

рые должны быть подданными нашими, стали самоуправничать, ибо государство было безъ владѣтеля. Они ничего сообразнаго съ нашимъ благомъ не дѣлали, сами предались достиженію богатства и значенія“. Обращаясь ко всѣмъ боярамъ, Грозный обвинялъ ихъ, что они державу, данную ему Богомъ,— „подъ свою власть отторгли“. Когда въ 1547 г. Иванъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, женился и вѣнчался царемъ, боярамъ уже нельзя было дѣйствовать попрежнему, нельзя было править за царя, но можно было править съ царемъ. Не довольствуясь правомъ совѣта въ боярской думѣ, бояре еще иначе подошли къ власти. Они устроили для себя то же самое, за что раньше винили Василія III. Образовалась избранная рада, боярскій кружокъ съ Сильвестромъ и Адашевымъ во главѣ, и дѣла рѣшались государемъ опять „самъ третей у постели“, только не съ дьяками, а съ боярами. И на этотъ боярскій комитетъ Грозный жаловался Курбскому: —„Я хотѣлъ вами государить, а вы не хотѣли подъ моею властью быть, и я за то на васъ опалялся...—Вы сами государились, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ, я былъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ...—Вы хотѣли, чтобы я и вся русская земля у васъ были подъ ногами“. Совсѣмъ въ иномъ тонѣ вспоминаетъ объ этомъ времени Курбскій. „Се таковъ нашъ царь былъ, пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ, а не презлыхъ ласкателей“. Объ Адашевѣ Курбскій отзывается, что это былъ мужъ,—„отчасти въ нѣкоторыхъ нравахъ, ангеламъ подобный“. Сильвестръ — „отгонялъ отъ царя оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и человѣкоугодниковъ“. Оба, Сильвестръ и Адашевъ, —„собирали къ царю совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ“, и такъ ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояли, что безъ ихъ совѣту онъ ничего не устраивалъ и не мыслилъ“. Въ то время царь Иванъ былъ не меньше любимъ боярами, чѣмъ его отецъ—волоколамскими монахами.

Но на избранной радѣ оборвалось торжество бояръ. Впередъ опять выступили „презлые ласкатели“ іосифляне, а за ними «кромѣшники, нарицаемые опричниками». Тогда, въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы“. Царь принялся—„самого дьявола волю исполнять... Онъ избралъ себѣ пространный антихристовъ путь... Онъ отворилъ оба уха своимъ презлымъ ласкателямъ, а они ему клеветали и сикованціи въ уши шептали заочно“. Бывшій епископъ, жившій

въ Пѣсношскомъ монастырѣ на покоѣ, Вассіанъ Топорковъ — „прежній мнихъ изъ той лукавой іосифлянской четы“ — рекомендовалъ царю, „если онъ хочетъ быть самодержцемъ, не держать при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе его“. По мнѣнію Курбскаго, Вассіанъ на вопросъ царя — „какъ ему царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи“, долженъ былъ отвѣчать, что „самому царю слѣдуетъ быть, яко главѣ, а мудрыхъ совѣтниковъ своихъ любить, какъ члены своего тѣла“; вмѣсто того онъ „сошлелъ силлогизмъ сатанинскій“, и „царя прелютостью наквасилъ“.

При Грозномъ усилился отъѣздъ московскихъ бояръ въ Литву Царь Иванъ всѣхъ бояръ старался связать записями и круговой порукой. За князя Воротынскаго ручались ему 7 бояръ, да за нихъ 56; за князя Бѣльскаго 29, да за поручителей другихъ 120. Но отъѣздъ не прекращался. Этотъ самый князь Бѣльскій чуть было не убѣжалъ въ Литву, съ королемъ Сигизмундомъ уже „ссылался“ и „грамоту отъ него себѣ опасную взялъ“, и потомъ долженъ былъ бить челомъ за свою „измѣну“. Князь Курбскій, котораго царь называлъ „любимымъ своимъ“, отъѣхалъ въ Литву - и не билъ челомъ за свою измѣну, а вступилъ съ царемъ въ дерзостную переписку и отстаивалъ боярское право отъѣзда. Самого Курбскаго достать было нельзя; зато были казнены его совѣтники и единомышленники: князья Горбатый Шуйскій съ сыномъ, двое Ховриныхъ, князья Сухой Кашинъ, Шевыревъ и Горенскій. Брались новыя записи, принимались новыя крутыя мѣры противъ отъѣздчиковъ; „Ты затворилъ царство Русское“, упрекалъ царя изъ-за литовскаго рубежа Курбскій.

Въ 1564 г., изъ Москвы отъѣхалъ уже не бояринъ, а самъ царь Иванъ Васильевичъ. Исчезъ тотъ хозяинъ московской вотчины, который до тѣхъ поръ во всѣхъ комбинаціяхъ московской политики былъ всегда первой величиной. Населеніе само могло стать хозяиномъ, само могло взяться за государственную постройку, за самый планъ ея. Но царь, устранившись отъ власти, еще разъ спуталъ ходы. Черезъ мѣсяцъ, изъ Александровской слободы, онъ прислалъ въ Москву свои грамоты. Онъ объявилъ однимъ свою милость, другимъ свой гнѣвъ и свою опалу; это можно разсматривать, какъ попытку въ своихъ собственныхъ интересахъ поднять одну часть населенія на другую, или, вѣрнѣе, воспользоваться для себя классовой борьбой. Любопытно, какъ представлялась царю эта

борьба, и какую позицію онъ старался занять въ ней. Опалу и гнѣвъ онъ объявилъ одновременно и боярамъ и духовенству;—боярамъ за ихъ „измѣны", духовенству за печалованіе о боярахъ. На ряду съ боярами царь объявилъ своими врагами и тѣхъ дворянъ, которые будутъ потомъ его опричниками и съ метлой и собачьей головой у сѣдла будутъ рыскать по всей странѣ и выметать боярскую измѣну,—и тѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя будутъ прикалывать новгородскихъ бояръ, тонущихъ въ рѣкѣ Волховѣ. Грозный думалъ, что противъ него сложились бояре, духовенство, дворянство. Противъ нихъ, и, стало быть, за царя, стояли, по его мнѣнію, одни посадскіе люди, или, точнѣе, одинъ городъ Москва; и царь, думая такъ, сдѣлалъ попытку опереться на московскій посадъ. Московскіе посадскіе люди, дѣйствительно, оказались крайними монархистами; они стали рѣшительно за царя, говорили, чтобы „государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за государевыхъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ". Волками и лиходѣями были, конечно, бояре, которымъ и грозили истребленіемъ московскіе монархисты. Духовенство, неожиданно для самого себя, оказавшееся въ опалѣ, считало это, конечно, недоразумѣніемъ и хотѣло разсѣять недоразумѣніе и примирить съ собой царя. Дворянству, какъ и духовенству, быть можетъ, уже мерещился возможный разгромъ боярскихъ вотчинъ. И всѣ эти классы московскаго общества соединились, чтобы просить царя вернуться въ Москву на царство. Боярству оставалось только подчиниться,—и царь вернулся.

Тогда началась опричнина. Дворяне-опричники, какъ выражается Курбскій,—присягали Грозному „во всемъ только ему угождать и скверное его и кровоядное повелѣніе исполнять". Этотъ „полкъ дьявольскій" со своими метлами и собачьими головами торжествовалъ побѣду надъ боярствомъ. Духовенство іосифлянское тоже торжествовало, подбирая куски боярскихъ вотчинъ,—а при царѣ Федорѣ и правителѣ Годуновѣ – воздвигло рядомъ съ царемъ новый для себя оплотъ – патріарха. Одни посадскіе, которымъ всего больше обѣщалъ Грозный, остались, какъ будто, въ тѣни; и самая честь истребленія крамольниковъ досталась не московской буржуазіи, а благородному россійскому дворянству.

Боярамъ оставалось только протестовать безсильно противъ

этого оборота дѣлъ. Исходъ борьбы былъ не въ ихъ пользу,— и писатель боярской партіи давалъ волю своему гнѣву, обличая противниковъ и самого царя въ своей „Исторіи“ и въ своихъ „Посланіяхъ“, „Христіанскій, речешь, царь“? — восклицалъ съ паѳосомъ Курбскій.—„И еще православный, отвѣчаю тебѣ; христіанъ губилъ и отъ православныхъ людей рожденныхъ и сосущихъ младенцевъ не пощадилъ“. Но Курбскій все еще не хотѣлъ считать дѣло совсѣмъ проиграннымъ и изъ Литвы пытался вліять нравственно на Ивана. Два раза, въ 1579, онъ писалъ къ царю, призывалъ его опомниться, покорить въ себѣ звѣря, вернуться къ прежнимъ днямъ. Близокъ отвѣтъ на судѣ Божіемъ! — „Усмириться уже пора и укротиться твоему величеству и войти въ чувство: уже время“.— „Очнись и воспрянь! Не губи себя и дома своего“. Такъ писалъ царю Курбскій.

XII.

„Сказанія“ князя Курбскаго и анонимная „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ“ даютъ возможность вникнуть въ политическіе взгляды бояръ, выяснить ихъ политическія идеи. На эти ихъ взгляды и идеи налагало прежде всего печать все ихъ прошлое; они приносили съ собой въ Москву традиціи правъ, свободы и власти, и ихъ всего труднѣе было обратить въ безгласныхъ холоповъ государевой вотчины. Съ другой стороны, накладывала на ихъ взгляды печать классовая борьба, какую они вели съ дворянствомъ и духовенствомъ.

Понятіе Курбскаго о государствѣ и о власти государя совершенно расходится съ московскою вотчинною теоріей. Государство—не вотчина царская!—таковъ главный выводъ изъ разсужденій Курбскаго. „Сану царскому воистину приличны судъ праведный и оборона“, — пишетъ Курбскій; цари — „только того ради и существуютъ, чтобы прямо судить и царство, врученное имъ отъ Бога, оборонять отъ нахожденія варваровъ“. Для московскихъ государей долженъ былъ показаться нелѣпостью самый вопросъ о томъ, чего ради цари существуютъ; ихъ могъ скорѣе занимать другой вопросъ, — для чего существуютъ подданные? Курбскій говоритъ не о правахъ царской власти, а о ея обязанностяхъ, не объ обязанностяхъ подданныхъ, а о ихъ правахъ. Царь обязанъ оборонять страну и давать судъ прямой и праведный и не наказывать безъ суда; и подданные имѣютъ право всего этого отъ царя тре-

бовать, потому что только ради этого суда и обороны и существуетъ царская власть. Ни того ни другого Курбскій не находилъ въ московской дѣйствительности. Разсказывая о нежеланіи царя воевать съ крымцами и оборонить землю, Курбскій упрекалъ его, что онъ о своемъ помазаніи царскомъ не памяталъ и басурманамъ за кровь христіанскую не мстилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ окружили царя, вмѣсто совѣтниковъ разумныхъ ласкатели, царь великій христіанскій „передъ басурманскимъ волкомъ бѣгаетъ, сталъ бѣгунъ предъ врагомъ и хороняка, за лѣса забившись, трепещетъ и исчезаетъ“, когда за нимъ никто и не гонится. Въ другомъ мѣстѣ Курбскій разсказываетъ о разрывѣ царя съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Умерла царица Анастасія, и клеветники нашептали царю въ ухо, что „счаровали“ ее Сильвестръ и Адашевъ; и царь повѣрилъ. Сильвестръ и Адашевъ требовали надъ собою суда: — „Мы не отказываемся умереть, если будемъ повинны“, — говорили они; „но да будетъ судъ явственный передъ тобою и передъ всѣмъ сенатомъ твоимъ“. И ихъ судили, но судили заочно, не спросивъ и не выслушавъ, хотя и митрополитъ доказывалъ, что —„слѣдуетъ слышать, что они на то отвѣтятъ“. „Се царя нашего христіанскаго таковъ судъ!“ —заключаетъ свой разсказъ Курбскій. Такъ, безъ суда, погибли при Грозномъ не одни Сильвестръ и Адашевъ; вспоминая всѣ казни Грознаго, всѣхъ, кого царь—„различными смертями растерзалъ и всеродно погубилъ“, Курбскій подчеркиваетъ, что все это было сдѣлано „безъ суда и безъ права“. Такимъ образомъ, въ московскомъ государствѣ не оказывается ни суда ни обороны, ничего того, для чего существуетъ царская власть. Въ третьей главѣ своей „Исторіи“ Курбскій разсказываетъ о черемисскомъ царѣ. „Взяла себѣ Черемиса Луговая“, говоритъ онъ,—„царя изъ ногайской орды; потомъ же, когда разсмотрѣли, что мало имъ прибыли съ того царя, убили его и сущихъ съ нимъ татаръ, человѣкъ триста, и голову ему отсѣкли и на высокое древо воткнули, и говорили:—Мы было взяли тебя на царство съ дворомъ твоимъ, чтобы ты оборонялъ насъ; а ты и сущіе съ тобою не сотворили намъ помощи столько, сколько воловъ и коровъ нашихъ поѣлъ; а нынѣ голова твоя да царствуетъ на высокомъ колѣ!“

Бояре очень дорожили своей породой и хорошо знали въ ней толкъ. Они требовали, чтобы съ ихъ породой считались, и мѣстничались постоянно: — въ полкахъ, при дворѣ и за

царскимъ столомъ. Если въ Москвѣ не хотѣли знать ихъ породы и нарушали ихъ родословные счеты, или объявляли походъ безъ мѣстъ, бояре били челомъ въ безчестіи, говорили, что это имъ „поруха" или „потерка", и скорѣе соглашались сползать подъ столъ, чѣмъ сидѣть за столомъ не на своемъ мѣстѣ. Они никакъ не соглашались признать, что государева приговора достаточно, чтобы боярской чести и безъ мѣстъ порухи не было; они вѣрили, что ихъ честь не зависитъ отъ государева приговора, и стояли на своемъ, какъ ихъ ни выдавали другой сторонѣ головой и не били за излишнюю „честь" батогами. Не менѣе ревностно защищали бояре свое старое боярское право отъѣзда. Запрещая боярскій отъѣздъ, царь „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое", - говоритъ Курбскій.

Старая удѣльная вольность выводилась здѣсь изъ естественной свободы, изъ прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Грозный называлъ бояръ измѣнниками и клятвопреступниками, такъ какъ они нарушали отъѣздомъ свою присягу. Курбскій отвѣчалъ: „Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя поневолѣ крестъ цѣловать, какъ тамъ есть у васъ обычай, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертью". На это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ поневолѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, если даже и гоненія не было. Если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: Аще гонятъ васъ во градѣ, - бѣгайте въ другой; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ". Отстаивая право отъѣзда, Курбскій превращаетъ его даже, для подданныхъ московскаго государя, изъ права въ прямую обязанность, считая самоубійцами тѣхъ, кто не бѣгаетъ отъ царя, какъ, по его мнѣнію, Христосъ бѣгалъ отъ іудеевъ.

Курбскій не разъ упрекалъ царя, что онъ разстался со своими мудрыми совѣтниками. Эти мудрые совѣтники — бояре, боярская дума, или избранная рада. Ивана III онъ хвалилъ за то, что онъ вначалѣ былъ «любосовѣтенъ», хвалилъ и Ивана IV за его прошлое, когда онъ «безъ совѣта (бояръ) ничего не устраивалъ и не мыслилъ». «Царь аще и почтенъ властію, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только

у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ». Въ «Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ», отражающей взгляды той же боярско-нестяжательской партіи, не разъ указывалось, что «царямъ и великимъ князьямъ достоитъ... всякія дѣла дѣлать... со своими князьями и съ боярами и съ прочими мірянами», «царямъ съ боярами и съ ближними пріятелями о всемъ совѣтовати накрѣпко». И Курбскій и авторъ «Бесѣды» не ограничиваютъ кругъ царскихъ совѣтниковъ одними боярами, но допускаютъ въ этотъ кругъ и прочихъ мірянъ и всенародныхъ человѣкъ. Позднѣйшая приписка къ «Бесѣдѣ» добавляетъ, что царь долженъ имѣть при себѣ «вселенскій совѣтъ, изъ всѣхъ мѣръ людей погодно», и его «добре, добре распрашивать обо всѣхъ дѣлахъ»; такой порядокъ долженъ былъ «скрѣпить» всю администрацію отъ посуловъ и всякихъ «властелинскихъ грѣховъ», и оградить подданныхъ отъ произвола администраціи. Курбскій вообще сторонникъ соборнаго начала; одинъ разъ, вспоминая о временахъ избранной рады, Курбскій цитируетъ св. Писаніе: «якоже самъ Господь рече: идѣже собраны два или три во имя мое, ту азъ посреди ихъ». Боярскій совѣтъ освящается присутствіемъ въ немъ Самого Бога.

Но допуская въ царскій совѣтъ прочихъ мірянъ и всенародныхъ человѣкъ, бояре жестоко спорили противъ совѣтниковъ — іосифлянъ и опричниковъ, и противъ приказнаго элемента - дьяковъ съ подьячими. Не зачѣмъ еще разъ повторять тѣ громы, которые металъ Курбскій противъ презлыхъ ласкателей - мниховъ и кромѣшниковъ, опричниками нарицаемыхъ. Не менѣе суровъ онъ съ «писарями русскими, которымъ князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благороднаго, но наче изъ поповичей или изъ простого всенародства, и то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ». Этимъ поднявшимся къ власти изъ низшихъ слоевъ народа, съ самаго дна его, писарямъ Курбскій приписываетъ неудачи обороны противъ татаръ: писаря эти, «что было нужно таити, сіе всѣмъ велегласно проповѣдали»: по ихъ милости татары проникли въ тайны московской обороны, и приняли свои мѣры. Авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» особенно возставалъ противъ иноковъ. — «Гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, тамъ милости Божіей нѣтъ». Самодержавіе царское въ томъ и состоитъ, чтобы царю владѣть царствомъ не съ иноками, а со своими пріятелями - князьями и боярами; если же царь владѣетъ съ мо-

нахами, съ непогребенными мертвецами бесѣдуетъ, то пусть и не пишется самодержцемъ: не самъ царство держитъ, а съ пособниками. «Не съ иноками Господь повелѣлъ царямъ царство и грады и волости держать,—съ князьями и съ боярами и съ прочими мірянами, а не съ иноками. Инокамъ повелѣлъ Господь за царя и за великихъ князей въ смиренномъ образѣ Бога молить». Къ тому же иноки отреклись отъ міра и мірской суеты, и нельзя ихъ отъ душевнаго спасенія отвращать: это имъ «душевредство и безконечная гибель», и «лучше царю степень свою и жезлъ свой и царскій вѣнецъ отдать, и царскаго имени и престола не имѣть», чѣмъ инока душу погубить.

XIII.

Иноки, о спасеніи души которыхъ такъ заботились бояре, были на этотъ счетъ нѣсколько иного мнѣнія. Іосифляне выработали свою политическую теорію, боярской партіи во всемъ противоположную. Но вотчинная московская теорія не удовлетворяла и ихъ; они ставили власти свои задачи. Іосифъ Санинъ внушалъ одному изъ князей, что ему слѣдуетъ — „не только о своихъ пещися и своего только житія править, но и все обладаемое отъ треволненія спасать и отъ нужды и скорби и отъ бѣдъ избавлять“. Судъ, законъ и правду и Іосифъ Санинъ ставитъ задачей царской власти; но не забываетъ при этомъ спеціально-монашескаго интереса. „Праведный царь или князь ангельскій и святительскій иматъ чинъ, аще сохранитъ законъ и судъ и правду, и не обинется лица сильнаго на судѣ, ниже пріиметъ мзды, ни уповаетъ на неправду, и на восхищеніе не желаетъ“. Византійскіе императоры, которымъ рекомендуется подражать, во время голода великое попеченіе имѣли,—„да не измрутъ гладомъ сущій подъ ними нищій и убогій человѣцы“; подражая греческимъ царямъ, слѣдуетъ въ голодные года раздавать хлѣбъ изъ царскихъ житницъ. Къ обязанностямъ власти волоцкой игуменъ относитъ здѣсь, на ряду съ охраной суда и закона, нежеланіе царя восхищать чужое добро, - этимъ ограждаются церковныя имущества отъ секуляризаціи, а нищіе и убогіе, питающіеся отъ церкви Божіей, въ голодный годъ переводятся съ монастырскихъ хлѣбовъ на хлѣба изъ царскихъ житницъ. Въ борьбѣ съ секуляризаціей іосифлянское духовенство не разъ заявляло, что обязанности государя — „защищать пастыря своего съ вещь-

ми церковными", „въ вещи священныя соборной церкви, движимыя и недвижимыя, не вступаться и ихъ не отымать".

Но важнѣйшей задачей царской власти іосифляне ставили охрану того ученія, на которое только и могла опираться православная церковь: охрану православія. Это была старинная традиція русской церкви. Еще Владимиру Мономаху митрополитъ совѣтовалъ—«сохранити преданіе старое отецъ своихъ». Василія II Темнаго особенно выхваляла церковь за то, что онъ «Сидора прелестнаго», принявшаго флорентійскую унію, лишилъ митрополіи и заперъ въ Чудовъ монастырь. «Онъ поборолъ по Божіей церкви и по древнему благочестію», говорили о великомъ князѣ,—«разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святымъ своимъ прародителямъ». Богъ его вразумилъ «о православной святой вѣрѣ христіанской веліе попеченіе имѣти».—«Духомъ божественнаго закона распаляемъ, возревновалъ по Бозѣ и по св. закону благовѣрія и утверждалъ св. церковь непоколебиму отъ мысленныхъ волкъ, губящихъ вѣру истиннаго въ рустѣй земли возсіявшаго благочестія». Іона митрополитъ титуловалъ «въ православіи цвѣтущаго» Василія II Темнаго «православнымъ великимъ самодержствомъ, царемъ русскимъ». Василій II «только смиренія ради и благочестія... не зовется царемъ». Когда палъ Царьградъ и Москва стала третьимъ Римомъ, охрана православія стала для московскаго государя еще болѣе обязательной; московское духовенство не уставало внушать Ивану III, чтобы онъ «правилъ и окормлялъ Христову церковь и утверждалъ православную церковь». Восточныя духовныя лица, приходившія въ Москву, называли Василія III «святымъ царемъ», а Ивана Грознаго — «солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокѣ и сѣверѣ и озаряющимъ всю подсолнечную,—утвержденіемъ седми соборныхъ столповъ, украшеніемъ церковнымъ,—хоруговью христіанской», и внушая ему все это припадали «къ святымъ его стопамъ». Митрополитъ Макарій въ своихъ посланіяхъ поучалъ Ивана IV, что царю «подобаетъ подвизаться за благочестіе, за порученную ему отъ Бога паству,—да не расхитятъ безбожные волки порученныхъ ему овецъ... Подвизаться за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона». Во время самой коронаціи царя Ивана митрополитъ поучалъ его бороться съ ересями.

Ставя царской власти преимущественно церковныя задачи и разсчитывая пользоваться этой властью, какъ своимъ ору-

діемъ, іосифляне всѣми мѣрами усиливали эту власть. «Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу», — говорилъ Іосифъ Санинъ. Изъ Ефрема Сирина брали текстъ, въ которомъ цари называются прямо богами. Отъ Бога царь получилъ всю полноту власти: «милость и животъ положи у васъ и мечъ вышняя десница вручила вамъ». Царю Богъ далъ «и церковное, и монастырское и всего православнаго христіанства власть и попеченіе». „Царскій судъ святительскимъ судомъ не нарушается ни отъ кого“. Такъ создавалась іосифлянами теорія неограниченной царской власти, власти Божіей милостью, которой подчинена и сама церковная власть. Іосифляне не спорили, если государь вмѣшивался въ назначенія епископовъ и вручалъ митрополиту митрополичій жезлъ и посужалъ судъ святительскій; важно было одно, чтобы царь дѣйствовалъ при этомъ въ интересахъ церкви, чтобы онъ оставался ея орудіемъ. Такого царя надо было слушаться и ему покоряться, какъ самому Богу; еще Алексѣй митрополитъ говорилъ: „да будетъ изъ васъ всякъ скоръ на послушаніе, а медленъ на глаголаніе“. Если самый терминъ „самодержавіе“ понимали тогда, какъ независимость сверху отъ чужого ига, то московскіе іосифляне, несомнѣнно придавали этому самодержавію всѣ черты власти, и снизу ничѣмъ неограниченной. Внѣшніе атрибуты этой неограниченной царской власти были взяты изъ Византіи. Духовенство іосифлянское, всего ближе знакомое съ византійскими образцами, было при этомъ главнымъ передатчикомъ; византійская политическая теорія разрабатывалась подъ перомъ московскихъ іосифлянъ; Софья Палеологъ со своими традиціями попала въ самое русло этого движенія Тронъ, гербъ, обрядъ коронованія, самый царскій титулъ—все было взято у грековъ. Если Василій II послѣ флорентійской уніи, признанной въ Царьградѣ, отказался называть византійскаго императора царемъ русскимъ, говоря: „мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и имѣть не хотимъ“, — то теперь званіе русскаго царя съ удовольствіемъ взяли себѣ сами московскіе государи, и духовные писатели утверждали, что „христіанамъ невозможно имѣть церковь, но не имѣть царя“. Самому апостолу Андрею приписывали теперь, что онъ „жезломъ своимъ прообразилъ въ Руси самодержавное царское скифетро-правленіе“,—и ставили Калиту прямо послѣ „Рюрика, короля римскаго“; самую греческую имперію называли теперь „вотчиной“ московскихъ госу-

дарей. Византійскій царь, отъ котораго все это передавалось по наслѣдству въ Москву, въ свое время былъ персона довольно значительная. Во дворцѣ царьградскомъ тронъ царя стоялъ рядомъ съ трономъ Бога; Богъ, конечно, никогда не садился на свой тронъ, но вѣдь могъ бы и сѣсть, и тогда Богъ и царь сидѣли бы рядомъ. Въ Москвѣ это нѣсколько измѣнили Божія трона рядомъ съ царскимъ не ставили,—да это и не требовалось, такъ какъ церковь, обращаясь къ царямъ, говорила: „вы сами боги и сыновья Вышняго".

Но всѣ эти разсужденія имѣютъ силу лишь постольку, поскольку царь остается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ церкви. «Нѣсть власть, аще не отъ Бога»,—твердитъ духовенство, и даже ханъ золотой орды оказывается царемъ Божіей милостью,—но нѣтъ такой власти, которая не была бы отвѣтственной передъ Богомъ. Еще князьямъ русскимъ церковь грозила, что они «во пса мѣсто въ адъ сведены будутъ»; и цитируя святыхъ отцевъ, производила князьямъ жестокую критику: «Не добръ позоръ лисица въ курѣхъ и нелѣпо льву въ овцѣхъ паствити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; царю неправедну всѣ слуги подъ нимъ беззаконны суть». Когда при Иванѣ III въ Москвѣ торжествовали бояре, нестяжатели и еретики, и государь московскій казался орудіемъ въ ихъ рукахъ, Геннадій съ Іосифомъ не могли опираться на свѣтскую власть; Геннадій старался сплотить архіереевъ для общаго дѣла защиты православія и для борьбы съ секуляризаціей, и Іосифъ убѣждалъ епископовъ «отбросить всякое малодушіе и пострадать за благочестіе». Свѣтская власть дѣйствовала такимъ образомъ, что Іосифъ говорилъ, что такой царь «не божій слуга, а дьявольскій, не царь, а мучитель», и настаивалъ на правѣ сопротивленія: «И ты убо таковогo царя или князя да не послушаешь, на нечестіе и лукавство приводящаго тебя, аще мучитъ, аще смертію претитъ». Эти оговорки показываютъ лучше всего истинный смыслъ политической теоріи духовенства.

Сообразно съ этимъ, отъ государя церковь требовала послушанія себѣ, какъ отъ остальныхъ подданныхъ—послушанія государю. Еще Александра Невскаго хвалили за то, что онъ былъ „іереелюбецъ и мнихолюбецъ, митрополита и епископа чтилъ и слушался, какъ самого Христа", а о Михаилѣ Тверскомъ разсказывали, что онъ священниковъ, какъ слугъ божіихъ, называлъ князьями и считалъ „честнѣе себя". Іосиф-

ляне цѣликомъ усвоили и дальше развили эту теорію. Вассіанъ Рыло говорилъ Ивану III: „Наше дѣло, государь великій, вамъ напоминать, а ваше дѣло— насъ послушать". И когда Иванъ III не послушалъ Вассіана и не далъ битвы Ахмату на берегахъ Угры, Вассіанъ не постѣснялся назвать великаго князя „бѣгуномъ",—точь въ точь какъ позднѣе Курбскій называлъ Грознаго. Геннадій, новгородскій архіепископъ, внушалъ одному изъ удѣльныхъ князей: „Насъ поставилъ Христосъ пастырями и учителями",—съ правомъ самимъ государямъ „молити и запретити". Іосифъ Санинъ говорилъ Василію III, что ему, Іосифу, лѣпо напоминанія дѣлать „царскому остроумію и богопреданной мудрости", и что „такимъ моленіямъ и наказаніямъ святыхъ отцовъ благочестивые цари повиновались и еретиковъ и отступниковъ проклинать повелѣвали". „Подобаетъ покоряться властямъ, лишь Божіе повелѣніе творящимъ", „по закону Божію начальствующимъ",— повторялъ въ то же время волоцкой игуменъ.

Іосифляне всѣми способами добивались отъ царя послушанія, грозя ему судомъ Божьимъ и муками адскими, и «пущая въ него, по выраженію Курбскаго, другія подобныя «ужасновенія». Іосифляне и царю совѣтовали править подданными при помощи «ужасновеній». Система управленія, созданная іосифлянами, была система террора. Инокъ Зиновій доказывалъ, что безъ царя и безъ начальства нельзя обойтись христіанамъ: у безцарныхъ людей только несогласіе и мятежъ бываютъ. Другіе говорили, что люди, только «страхъ видѣвши, казни и Бога убоятся». Митрополитъ Даніилъ училъ, что власти устроены Богомъ,—«въ отмщеніе злодѣямъ, въ похвалу же благотворящимъ»,—да, боясь земныхъ начальствъ, не поглощаютъ другъ друга, яко рыбы».—«Страхъ причина намъ бываетъ ко благому житію»,— говорилъ Даніилъ,—и потому страхомъ «много благодѣйствуютъ намъ владущіе». И другія духовныя власти находили, что царь долженъ быть своему народу «страшенъ».

Флетчеръ въ своей книгѣ о государствѣ русскомъ дополняетъ эту программу духовенства еще одною чертой. Духовныя власти, по его словамъ, «будучи сами невѣждами во всемъ, стараются всѣми средствами воспрепятствовать распространенію просвѣщенія, какъ бы опасаясь, какъ бы не обнаружилось ихъ собственное невѣжество и понятіе. По этой причинѣ они увѣрили царей, что всякій успѣхъ въ образованіи можетъ произвести

переворотъ въ государствѣ, и, слѣдовательно, долженъ быть опаснымъ для ихъ власти».

Такъ, черта за чертой, слагалась московская политическая теорія. Эта теорія вышла изъ-подъ пера іосифлянскаго духовенства; ее усвоили и другіе классы, создавшіе царскую власть,— дворянство и посадскіе люди. Тѣ и другіе брались осуществлять теорію и на практикѣ. Когда царь уѣхалъ въ слободу и объявилъ свою опалу измѣнникамъ, московскіе посадскіе люди вызывались сами истреблять царскихъ лиходѣевъ; дворяне-опричники ихъ дѣйствительно истребляли. Подъ «клятвами страшными» опричники отрекались отъ семьи, отъ отца и отъ матери, и присягали «во всемъ царю угождать и скверное его и кровоядное повелѣніе исполнять», — какъ выражался Курбскій, — и грызть и выметать изъ страны крамолу.

Но принявъ іосифлянскую теорію самодержавной власти и террористическаго режима, дворянство разсчитывало повернуть эту власть и использовать этотъ режимъ въ своихъ интересахъ. Это видно изъ практической дѣятельности опричниковъ и изъ писаній публициста дворянской партіи, Ивашки Пересвѣтова. Онъ ставитъ царской власти еще новый рядъ задачъ. Царь долженъ служилыхъ людей къ себѣ допускать, челобитныя ихъ принимать, жалобы позлащать и сердца утѣшать. Все, что вредно для дворянскаго войска слѣдуетъ уничтожить; такой отмѣнѣ подлежитъ мѣстничество — привилегія бояръ, «ослабляющая» царево воинство. Царь долженъ обезпечить содержаніе служилыхъ людей, положить имъ изъ казны жалованье. Цѣною такихъ уступокъ, царь получитъ въ свои руки поддержку всего дворянства, и тогда ему можно будетъ осуществить полностью программу самодержавія, «быть грознымъ и самоупрямливымъ и мудрымъ безъ воспрашиванія», и «боярами своими тѣшиться, какъ младенцами».

XIV.

Московскіе государи усвоили себѣ всю іосифлянскую теорію, съ нѣкоторыми только оговорками. Наиболѣе яркимъ представителемъ этихъ идей на престолѣ былъ царь Грозный; онъ и далъ имъ офиціальное выраженіе.

Царь Грозный цѣликомъ сохранилъ отъ удѣльныхъ временъ свое понятіе о государствѣ, какъ о своей вотчинѣ, и о подданныхъ, какъ о своихъ холопахъ. Было бы ненужнымъ повтореніемъ еще разъ на этомъ настаивать. Съ этимъ должны

были сообразоваться и подданные въ своихъ обращеніяхъ къ верховной власти. Въ челобитныхъ, сохранившихся отъ того времени, челобитчики называютъ себя не иначе, какъ уменьшительными именами: Ивашка, Васюкъ, Олексѣйка, Ѳедька, Степанка, Ромашка, да Филька, да Ѳомка; подписываются всѣ царскими холопами, даже бояре княжескаго званія. Князь Стригинъ пишетъ «холопъ твой Олешка Стригинъ». Даже самъ царь Иванъ Васильевичъ, бія челомъ великому князю всея Руси Семену Бекбулатовичу и разыгрывая передъ нимъ холопа-подданнаго называлъ себя уменьшительнымъ: князь Иванецъ челомъ бьетъ.

Но на ряду съ этимъ старымъ представленіемъ о власти появляется и нѣчто новое; у московскаго государя есть уже и не хозяйственныя только задачи. Самъ Грозный въ отвѣтѣ Курбскому заявляетъ, что онъ «тщится со усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ Государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царства растлѣваются... Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престанутъ. Се убо злоба обычна: сама себѣ хапати.»

Все это взято у іосифлянъ. Оттуда же взялъ Грозный ученіе о неограниченности своей власти, объ отвѣтственности ея только передъ Богомъ—и неотвѣтственности передъ людьми. «Кто поставилъ судію и властеля надъ нами?»—спрашиваетъ Грозный.— «Никто не можетъ царямъ указъ чинить...—Я вѣрую, что о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ приму, какъ рабъ, и не только о своихъ грѣхахъ, но и о грѣхахъ подвластныхъ мнѣ дамъ отвѣтъ, если моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ». Но на землѣ давать отвѣтъ некому; «русскіе владѣтели доселѣ съ подвластными своими не судились ни передъ кѣмъ и вольны были ихъ жаловать и казнить». Долгъ подданныхъ безпрекословно повиноваться царю; Грозный цитируетъ апостола Павла: «Всякая душа властямъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога»,—и «рабы, господамъ своимъ повинуйтеся». Всѣ божественныя писанія, по словамъ царя, требуютъ, чтобы дѣти отцамъ и рабы господамъ не противорѣчили ни въ чемъ, кромѣ развѣ вѣры. «Укорять» царя не полагается. «Россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами;» государь не можетъ назваться самодержцемъ, если «не самъ строитъ». Царь долженъ все

одинъ строить: какъ бы ни были начальники «крѣпки, храбры и разумны», многоначаліе «женскому безумію подобно». А въ какую гибель пришли царства, въ которыхъ цари епарховъ и синклитовъ слушались! Только недостигшимъ совершеннолѣтія младенцамъ прилично слушаться чужихъ совѣтовъ и не самимъ строить; но онъ, Грозный, уже не младенецъ, и «подъ повелителями и приставниками быть ему не пригоже». Вспоминая времена Адашева и попа Сильвестра, царь Иванъ находитъ, что не боярамъ и не попамъ владѣть царствомъ. Царь долженъ и царствовать и управлять самъ, долженъ быть государемъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ, имѣть не одинъ почетъ царскій, но и власть царскую, и среди вельможъ быть не предсѣдателемъ только. Не подобаетъ рабамъ лукавымъ, злодѣямъ и измѣнникамъ царемъ повелѣвать, ига своего рабскаго отметаться, и поучать, и обличать, и учительскій санъ на себя брать; не подобаетъ и священникамъ царское творить, — это смѣху достойно, — царю попа слушаться! Любопытно слѣдить, какъ въ умѣ Грознаго сплетаются въ одно цѣлое возраженія иноковъ противъ боярскаго совѣта и возраженія бояръ противъ вліянія иноковъ. По мнѣнію Грознаго, самодержавная власть царя настолько сама собой держится, что людского совѣта царю совсѣмъ не нужно, ни отъ бояръ, ни отъ иноковъ; на что было бы похоже, если бы царь владѣлъ множествомъ народа, а разума требовалъ себѣ отъ своихъ подданныхъ? Потому царь совсѣмъ «отъ человѣкъ ученія не требуетъ».

Грозный всецѣло усвоилъ себѣ и всѣ аргументы іосифлянъ въ защиту террора. Въ перепискѣ съ Курбскимъ царь защищаетъ свое право казнить измѣнниковъ, понимая подъ измѣнниками и тѣхъ, кто его только «укоряетъ». «Доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованіемъ; которые окажутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ. Измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ». Царь вообще долженъ наводить страхъ. Царю подобаетъ быть когда кротчайшимъ, а когда ярымъ; «ко благимъ милость, ко злымъ же — ярость и мученіе; если же этого не имѣетъ, нѣсть царь». Цитируя апостола, царь пишетъ: — «Видишь ли, и апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасать». Терроръ, по ученію Грознаго, спеціальная принадлежность самодержавнаго режима: «царское правленіе», говоритъ онъ, «требуетъ страха и запрещенія, и обузданія, и конечнѣйшаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ».

Себя самого Иванъ Грозный ставитъ очень высоко въ ряду другихъ государей. Онъ не такой государь, какъ другіе. Онъ государь наслѣдственный, а не избранный и самодержавный, а не ограниченный. «Народился есми, Божіимъ изволеніемъ, на царствѣ», — говоритъ онъ о себѣ. А «который государь крѣпче, вотчиный или посаженный, сами разсудите». Грозный —государь «Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго народа хотѣніемъ»; польскій же король—«посаженный государь, а не вотчиный и какъ его захотѣли паны его, такъ ему въ жалованье и дали». Потому Курбскій и бѣжалъ не къ кому другому, а къ королю польскому, что онъ «искалъ себѣ государя по своему злобѣсному хотѣнію, государя безъ власти, худѣйшаго изъ рабовъ худѣйшихъ, никѣмъ не повелѣвающаго, но повелѣваемаго всѣми». Вообще въ другихъ государствахъ государи «царствами своими не владѣютъ, но какъ имъ повелятъ рабы ихъ, такъ и владѣютъ». Сравнивая свою власть съ ихъ властью, московскій государь говоритъ: «Нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство, великимъ государямъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ и укажутъ». Сыну шведскаго короля о его отцѣ царь Иванъ говорилъ: «А отецъ твой у нихъ (у шведовъ) въ головахъ, какъ бы староста въ волости». Ядовитыя насмѣшки вызывали у Грознаго государи съ ограниченной властью, хотя бы и не выборные, а наслѣдственные. Елизаветѣ англійской онъ писалъ: «мы думали, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь а у тебя люди владѣютъ, и не только люди, а мужики торговые, — а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ, какъ есть пошлая дѣвица». Потому и въ сношеніяхъ съ другими государями московскій государь считался породой и честью и мѣстничался съ ними, какъ мѣстничались между собой бояре. При Василіи III въ Москвѣ явился посолъ отъ индійскаго Бабуръ паши; что это былъ за паша, никто не зналъ, — и потому индійскому пашѣ о братствѣ писать не приказали, такъ какъ невѣдомо, самодержавный онъ государь или ограниченный, «государь ли онъ или простой урядникъ»? Иванъ IV считалъ для себя возможнымъ называть братьями только султана турецкаго, кесаря римскаго, короля польскаго, да крымскаго хана. О шведскомъ королѣ царь Иванъ съ ужасомъ разсказывалъ, что онъ рода мужичьяго, страдникъ, раньше животиною торговалъ; шведскій король возражалъ, что король

польскій зоветъ его братомъ, – а царь Иванъ велѣлъ отвѣчать на это: «что братъ нашъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому королю равнымъ, то это его дѣло, хотя бы водовозу своему назвался братомъ». Да и польскаго короля, съ тѣхъ поръ, какъ королемъ сталъ Баторій, Грозный не хотѣлъ «ради его родства низости», звать братомъ, а называлъ просто «сусѣдомъ». Не таковъ породой былъ московскій царь. Самодержавства своего начало онъ считалъ отъ святого Владимира, а родъ свой велъ отъ Пруса, брата Августа, кесаря римскаго; недаромъ восточные иноки уже супругу Василія III называли по новому Августіею. Въ конечномъ счетѣ оказывалось, что «Божіимъ милосердіемъ ни которое государство намъ высоко не бывало», а самому московскому государю могъ быть ровней только султанъ турецкій: «кромѣ насъ да турецкаго султана — говорилъ Грозный - ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ черезъ 200 лѣтъ»; а московскій родъ царствовалъ еще втрое дольше, шесть столѣтій подъ рядъ.

Но приходилось московскому государю иной разъ поступаться своей честью и бывать «безъ мѣстъ». Когда въ Польшѣ были выборы, Иванъ IV очень хлопоталъ, чтобы выбрали его или его сына; а литовцамъ онъ прямо давалъ обѣщаніе, что правъ и вольностей ихъ переставлять и убавлять ни въ чемъ не будетъ, и какъ прежде у нихъ велось по старымъ обычаямъ, такъ и онъ вести будетъ, и крестнымъ цѣлованіемъ по договору затвердитъ. Такъ, для польско-литовской короны царь Иванъ не брезговалъ властью выборной и даже ограниченной. Этого мало. Въ своей собственной московской вотчинѣ онъ нашелъ людей, которые «ига своего рабскаго отметались» и хотѣли царствомъ владѣть; царь, въ концѣ концовъ, побѣдилъ и «боярами своими тѣшился, какъ младенцами»; но въ этой борьбѣ онъ облысѣлъ, у него сдѣлалась, какъ онъ жаловался Курбскому, боль въ поясницѣ. У царя развилась даже настоящая манія преслѣдованія, и въ завѣщаніи, составленномъ за 12 лѣтъ до смерти, онъ училъ дѣтей своихъ, какъ—«людей держать и жаловать и отъ нихъ беречься», и о себѣ говорилъ, что бояре его выгнали и заставили скитаться по странамъ; онъ подыскивалъ себѣ на всякій случай убѣжище за границей и велъ объ этомъ тайные переговоры съ Англіей, – съ той самой страной, гдѣ царствуетъ «пошлая дѣвица Елизавета» и царствомъ — «торговые

мужики владѣютъ». Грозный не надѣялся, что его дѣтямъ удастся сохранить московскій престолъ, и просилъ ихъ въ своей духовной молиться за него, «если даже они въ гоненіи и изгнаніи будутъ». Такъ дорого обошлось самому царю его исконное самодержавіе.

Мы прослѣдили происхожденіе русскаго абсолютизма въ московскомъ государствѣ XV и XVI вѣковъ. Въ результатѣ долгой и сложной классовой и политической борьбы, уже въ тогдашней Москвѣ созрѣлъ тотъ порядокъ, отдѣльные элементы котораго были позднѣе объединены въ тріединой формулѣ—«самодержавіе, православіе, народность». (Народность въ смыслѣ національнаго учрежденія—крѣпостного права). Все это уже тогда не только въ жизни, но и въ теоріи соединялось съ терроромъ; терроромъ противъ «крамолы», терроромъ противъ ересей, терроромъ въ защиту собственности; царь долженъ быть страшенъ, долженъ страхомъ народъ спасать, чтобы подданные не поглотали другъ друга, какъ рыбы, по обычной злобѣ сами себя не схапали, такъ говорили въ Москвѣ, и иначе не представляли себѣ правительства, какъ въ видѣ настоящей боевой террористической организаціи. Основанное на страхѣ, на ужасновеніяхъ, самодержавіе московскихъ государей не было мягкимъ самодержавіемъ. Монтескье назвалъ бы московское государство не монархіей, но деспотіей. Московскій эмигрантъ XVII вѣка, Котошихинъ, писалъ о царѣ Иванѣ, что онъ «правилъ государство свое въ ярости и въ злобѣ сильной, тиранскимъ обычаемъ... Когда ему не случалось быть съ окрестными государствами въ разрывѣ, и въ войнѣ, тогда бралъ въ плѣнъ подданныхъ своихъ, единовѣрныхъ христіанъ, и многія мучительства надъ князьями и боярами своими людьми показалъ; понеже и сына своего смирилъ на тотъ свѣтъ, пробивши его коломъ своимъ». И самъ благонамѣренный Карамзинъ называлъ Грознаго царя тираномъ. Тираническимъ и похожимъ на турецкое называлъ московское правленіе при царѣ Ѳедорѣ, бывшій въ Москвѣ англичанинъ Флетчеръ; наблюдая московскую жизнь, онъ прямо предсказывалъ «всеобщее возстаніе», которымъ неминуемо должно кончиться дѣло: «такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримиримую ненависть—низкая политика и варварскіе поступки» царя Ивана. И въ этомъ «всеобщемъ возстаніи» и «переворотѣ», которые неминуемо произойдутъ, какъ только пресѣчется царствующая династія, дѣло не обойдется

безъ вмѣшательства сосѣдей; положеніе народа такъ безнадежно, что это его заставитъ мечтать о «вторженіи какой-нибудь внѣшней державы, которое (по мнѣнію его) одно только можетъ его избавить отъ тяжкаго ига такого тиранскаго правленія». Флетчеръ начертилъ въ этихъ строкахъ исторію смуты.

XV.

Въ смутное время, когда пресѣклась династія московскихъ государей, и престолъ сдѣлался выморочнымъ имуществомъ, московское населеніе само выступило на мѣсто исчезнувшаго хозяина, и стало по своему распоряжаться судьбами бывшей царской вотчины. Не всѣ классы имѣли въ этомъ дѣлѣ одинакій успѣхъ. Боярамъ не удались ни царь Борисъ ни царь Дмитрій, а «боярскій» царь Шуйскій не былъ даже выбранъ боярами, а московскими «купцами, сапожниками и пирожниками». Не имѣли успѣха и низшіе классы, крестьяне, холопы, мелкіе посадскіе люди и донскіе казаки, которые клиномъ врѣзались здѣсь въ московскую исторію. Соціальная революція, поднятая ими и грозившая собственности имущихъ классовъ, была неудачна. Она была сильна, пока съ нею заодно дѣйствовали дворянство, или поляки, и терпѣла крушеніе, когда отпадали эти союзники: такъ было и съ Болотниковымъ и съ Тушинскимъ воромъ. Правительство Шуйскаго тоже оказалось безъ чужой помощи слишкомъ слабымъ, и, не сумѣвъ справиться съ революціей, призвало на помощь шведовъ; оно и пало жертвой своего безсилія. Когда москвичи всѣхъ чиновъ сводили съ престола Шуйскаго, они ему говорили, что онъ на царствѣ несчастенъ, что его воеводы, какъ выйдутъ въ поле, теряютъ битвы, и изъ-за него кровь христіанская напрасно льется.

Борьба съ революціей изъ рукъ царя Шуйскаго перешла въ другія руки. Впередъ выступили дворянство, духовенство, высшій слой посадскаго класса. По договору съ Владиславомъ, всѣ права и богатства церкви объявлялись, какъ и права и богатства всѣхъ другихъ чиновъ, неприкосновенными; обезпечивалась охрана православія, особенно важная при царѣ польскаго происхожденія; патріархъ долженъ былъ вѣнчать царя на царство. Извѣстна роль церкви, Троицкой Лавры и Гермогена, въ дальнѣйшей борьбѣ съ тушинцами и съ поляками. Неменьше духовныхъ отцевъ дѣйствовали посадскіе «лучшіе» люди. Во время отъѣзда Грознаго царя въ слободу москвичи

сами предлагали истреблять царскихъ враговъ, но съ тѣхъ поръ они пережили опричнину, и сажая на тронъ боярина Шуйскаго, связали его крестоцѣловальной записью. Они заставили его цѣловать крестъ, что онъ никого не будетъ предавать смерти, не осудивъ со своими боярами, не будетъ съ осужденными вмѣстѣ губить ихъ невинную родню «всеродно» и отбирать у этой родни вотчины и дворы, животы и лавки, не будетъ доносамъ давать вѣры, не сыскавъ «всякими сысками накрѣпко» и не ставивъ «съ очей на очи». Московскіе посадскіе люди повторяли здѣсь старыя боярскія требованія суда и правды, на которыхъ настаивалъ еще Курбскій; боярская программа становилась посадской программой. Но гарантіи суда и правды пали вмѣстѣ съ царемъ Шуйскимъ, а потомъ открылась совсѣмъ иная борьба—уже не противъ царя, а противъ поднявшихся низшихъ классовъ. Въ этой борьбѣ громадную роль сыграло посадское населеніе сѣвера; посадскій царь Шуйскій поднималъ ихъ усиленно на тушинцевъ, желая сплотить противъ общаго врага всю русскую буржуазію; и города поднялись. Горожане сходились на думы, города пересылались грамотами, выбирали своихъ представителей для совѣщанія и руководства, снаряжали и посылали полки. Такъ дѣйствовали противъ тушинцевъ, отбиравшихъ богатства и земли, потомъ противъ поляковъ, отбиравшихъ земли и богатства. Усмирители революціи низшихъ классовъ преображались тотчасъ же въ патріотовъ, и Мининъ съ Пожарскимъ спасали святую Русь.

Но впереди всѣхъ, и въ патріотизмѣ, и въ усмиреніи, шло дворянство. Оно не задумывалось, когда это казалось выгоднымъ, соединяться съ «ворами» Болотникова, которыхъ потомъ и предало и само усмиряло; не задумалось, при всемъ своемъ патріотизмѣ, сулить русскій престолъ полякамъ. Дворянство осталось настоящимъ хозяиномъ положенія, смѣнивъ въ этой роли прежняго вотчиннаго хозяина. Насколько неуклонно боролось дворянство за свои интересы, настолько же разнообразны были въ эпоху смуты способы борьбы. Дворянскіе интересы должны были защищать равно самодержцы Борисъ и Дмитрій, «самодержавіе выше человѣческихъ обычаевъ устроя», и ограниченный въ своей власти королевичъ Владиславъ, который не могъ казнить смертію и налагать новые налоги безъ боярской думы, и законодательствовать безъ земскаго собора, и дворянскій земскій соборъ въ первомъ опол-

ченіи, взявшій верховныя права себѣ, а исполнительную власть поручившій выборнымъ и смѣняемымъ воеводамъ—Трубецкому, Ляпунову, Заруцкому, а во второмъ ополченіи—Минину и Пожарскому. Царь безъ земскаго сбора, царь съ земскимъ соборомъ и земскій соборъ безъ царя—всѣ три политическихъ порядка были испробованы дворянствомъ, и испробованы съ успѣхомъ. Самодержцы Борисъ и Дмитрій раздавали дворянамъ земли и закрѣпляли подъ ними крестьянъ. Когда при Борисѣ былъ голодъ, землевладѣльцы подняли цѣны на хлѣбъ, а холоповъ своихъ, не желая кормить въ голодный годъ, выгнали на улицу, не давъ отпускныхъ грамотъ, чтобы вновь вернуть ихъ къ себѣ послѣ голода. Царской казнѣ приходилось кормить сотни тысячъ голодныхъ, и казна дѣлала усилія, чтобы отбросить прочь лишніе рты; и Борисъ, и Дмитрій пытались остановить изгнаніе холоповъ, выдавая выгнаннымъ отпускныя грамоты изъ холопьяго приказа. Для дворянъ это было неудобно, и въ договорѣ съ Владиславомъ было сказано, что Владиславъ не только запретитъ переходъ крестьянамъ, но и не будетъ давать вольности холопамъ. А по соборному приговору перваго ополченія, въ которомъ были и казаки, несмотря на это было рѣшено казаковъ,—бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ,—возвратить неукоснительно къ прежнимъ ихъ господамъ, въ прежнюю зависимость и неволю.

По окончаніи смуты за новое строеніе государства принялись тѣ же люди, которые спасали отечество, усмиряли революцію, водворяли порядокъ. Они были теперь одни хозяевами положенія. Имъ не за чѣмъ было считаться съ интересами государя-вотчинника, ихъ новый царь былъ не вотчинный, а избранный, и избранный въ интересахъ земли соборомъ Не надо было обращать вниманія и на боярскіе интересы,—боярство давно потеряло силу. Но и интересы низшихъ классовъ, крестьянъ, мелкихъ посадскихъ людей, холоповъ, можно было не брать въ разсчетъ,—ихъ дѣло было проиграно во время смуты.

Строителями новаго московскаго государства были дворянство, духовенство, посадскіе «лучшіе» люди. Постройка велась по старому плану. Въ фундаментъ опять были заложены низшіе классы. Посадскіе меньшіе людишки жаловались, что торговля ихъ отъ податей оскудѣла, что лучшіе люди перекладываютъ на нихъ, меньшихъ, податное бремя, «пишутъ ихъ въ службѣ безъ череды, по вся годы, безъ престани», отчего

они и «обнищали до конца»; были посады, въ которыхъ не оставалось совсѣмъ жителей; въ Алексинѣ былъ всего одинъ, да и тотъ умеръ. И крестьяне жаловались, что «оскудѣли нынѣ и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, и отъ подводъ, что мы сироты твои, давали тебѣ Государю въ смоленскую службу... и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей. И отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ». Такія жалобы слышались на соборахъ; и на соборѣ же 1649 г. окончательно введено крѣпостное право, и Уложеніемъ окончательно прикрѣплены всѣ крестьяне, по закону, общему для всей страны, и при томъ наслѣдственно — «съ племенемъ вмѣстѣ». Затѣмъ началась и торговля крестьянами безъ земли, а въ распоряженіи помѣщика оказались тюрьма и кандалы, колодки, кнутъ и батоги. Крестьяне все больше опускались на «дно», къ холопамъ. Опустилось со своихъ верховъ и стало въ ровень съ дворянами и боярство, потерявшее при Θеодорѣ право мѣстничаться; боярскія честь и порода были отнынѣ пустыя слова, всѣмъ было велѣно быть «безъ мѣста», всѣ мѣста стали царскими. И судьба хотѣла, чтобы представитель падавшаго внизъ боярства первый выступилъ на защиту падавшихъ внизъ крестьянъ: князь Василій Васильевичъ Голицынъ говорилъ при Софьѣ о крестьянской свободѣ, объ освобожденіи крестьянъ съ землей.

Новая монархія была больше всего дворянская. Дворянство принялось за работу рука объ руку съ избранникомъ земскаго собора царемъ Михаиломъ. Ограничительныя и республиканскія идеи дворянъ, обнаружившіяся во время смуты, оказались мимолетной накипью и исчезли съ окончаніемъ смуты. Выбравъ новаго царя, дворянство его формально, повидимому, не ограничило, думая, вѣроятно, что первое мѣсто за дворянствомъ и безъ того обезпечено (объ ограниченіи царя Михаила говорятъ глухо лишь нѣкоторые источники); не стало оно ограничивать и слѣдующихъ царей. И дѣйствительно, царь Михаилъ правилъ въ согласіи съ земскими соборами, которые при немъ созывались 12 разъ, а первыя 9 лѣтъ засѣдали почти непрерывно; и царь Алексѣй 4 раза созывалъ соборы. Дворянство такъ было увѣрено въ своей силѣ, что, когда одному изъ выборныхъ на одномъ соборѣ не удалось провести всѣ желанія его избирателей курскихъ дво-

рянъ, онъ могъ опасаться съ ихъ стороны серьезнаго себѣ преслѣдованія, и просилъ у царя охранной грамоты, чтобы царь взялъ на себя его защиту. И какъ законодательнымъ памятникомъ эпохи Грознаго былъ царскій судебникъ, такъ плодомъ эпохи соборовъ явилось соборное уложеніе. Рядомъ съ дворянствомъ цвѣло и возвышалось духовенство. Патріархи Филаретъ и Никонъ были вторыми великими государями. Филаретъ устраивалъ и земскія, и ратныя дѣла, и былъ такъ «властителенъ», что самъ царь его боялся. Никонъ обязалъ клятвой всѣхъ и самого царя, чтобы его, Никона, во всемъ слушались, «яко начальника, пастыря и отца краснѣйшаго». Значеніе патріарховъ возвышалось еще тѣмъ, что Филаретъ былъ отецъ государя, а Никонъ — «собинный другъ» царя.

Согласіе, бывшее сначала между строителями, скоро нарушилось, и равновѣсіе не сохранилось. Дворянство, господствуя въ центрѣ, на земскомъ соборѣ, распространяло свое вліяніе и на области; губныя учрежденія оно цѣликомъ захватило въ свои руки, устранивъ отъ выборовъ посадскихъ, и посадскіе люди жаловались, не хотѣли признавать губныхъ старостъ, въ которыхъ «выбору ихъ не было», и кричали, что отъ нихъ посадскимъ людямъ «убытки и погибель въ конецъ». У посадскихъ съ дворянами борьба велась на мѣстахъ, въ областяхъ; въ центрѣ кипѣла борьба у духовенства съ дворянствомъ.

Въ Соборномъ уложеніи 1649 г. дворянство задумало нанести церкви сильный ударъ. Оно било челомъ на соборѣ объ отобраніи церковныхъ земель и о раздачѣ ихъ служилымъ дворянамъ; это была бы полная секуляризація. Правительство не рѣшилось на такую мѣру, и только подтвердило старое запрещеніе духовенству пріобрѣтать новыя вотчины. Зато духовенству былъ нанесенъ другой ударъ: оно было отнынѣ подчинено не церковному суду, а свѣтскому, суду монастырскаго приказа. Это вызвало цѣлую бурю; Никонъ называлъ Уложеніе «проклятою» книгою, полною всякихъ «беззаконій», и сумѣлъ добиться отъ тишайшаго царя прекращенія земскихъ соборовъ, оказавшихся столь опасными для церковныхъ привилегій. Разъединеніе общественныхъ силъ, строившихъ государство, развязало руки новому правительству, и оно поспѣшило этимъ воспользоваться. Дворянство лишилось своего политическаго органа — земскаго собора, и

тщетно потомъ напоминало царю о возможности, о желательности, о необходимости «созвать на Москвѣ изо всѣхъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей». Но и церковь отъ этого мало выиграла. Монастырскій приказъ уцѣлѣлъ, изъ столкновенія патріарха съ царемъ побѣдителемъ вышелъ царь, и краснѣйшій отецъ, признававшій царскую помощь для себя «негодной и ненадобной», и желавшій, по собственному его выраженію, на царскій совѣтъ «плевать и сморкать», потерялъ власть, а черезъ полвѣка послѣ земскаго собора упраздненъ былъ и патріаршій санъ. Послѣднюю побѣду собиралась церковь одержать надъ расколомъ, но расколъ, несмотря на гоненія, уцѣлѣлъ.

Работая долго рука объ руку съ царемъ, общество, главнымъ образомъ дворянство, помогало ему возстановлять его царское самодержавіе, вводить вновь и усиливать приказную администрацію, усиливать и улучшать войска, наполнять казну. Царскому правительству приготовлена была прочная опора. Скоро сказались плоды всего этого общаго строительства. Земскіе соборы и патріархъ выковали вновь самодержавіе, и потомъ были имъ отброшены прочь за ненадобностью; крѣпостное право и приказные порядки расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ. Таково было государство, выстроенное вновь самимъ населеніемъ, въ его собственныхъ интересахъ, въ интересахъ «общаго блага». Каковы были эти порядки, и въ какой мѣрѣ служили они общему благу, легко видѣть изъ слѣдующаго ряда фактовъ. Въ 1619 году, черезъ 6 лѣтъ по окончаніи смуты, царю Михаилу пришлось уже учреждать новый приказъ для пріема жалобъ на администрацію,—«приказъ, чтобы на сильныхъ людей челомъ бьютъ». Въ 1642 г. на земскомъ соборѣ царю жаловались, что «дьяки и подьячіе, обогатѣвъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, накупили многія вотчины и палаты себѣ выстроили каменныя, такія, что неудобьсказаемыя. Московскіе же люди разорены пуще татаръ и басурманъ московскою волокитой по разнымъ приказамъ. Главный судья земскаго приказа при Алексѣѣ, тишайшемъ царѣ, «безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простого народа», какъ выражается Олеарій; «подарками не насыщался, но, когда тяжущіеся приходили къ нему въ приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими». Когда лѣтомъ 1648 г. московскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, дождался на улицѣ проѣзда

государя и подалъ таки ему жалобу, вельможи, какъ только государь проѣхалъ, «начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ изъ среды его кнутьями по головамъ, а иныхъ даже сшибли съ ногъ на землю». Народъ отвѣчалъ градомъ камней; вельможи спаслись бѣгствомъ во дворецъ; судью земскаго приказа и другихъ ненавистныхъ людей пришлось выдать народу, а воспитателя своего, боярина Морозова, головы котораго тоже требовалъ народъ, царь спасъ только тѣмъ, что при всемъ народѣ публично расплакался. Такъ на произволъ и злоупотребленія администраціи народъ, преимущественно посадскіе люди, отвѣчалъ мятежами и волненіями. Волновались и другіе посады; царю была отъ челобитныхъ «докука великая», и однимъ словомъ, какъ говорили тогда на Москвѣ, «весь міръ качался». Земскіе соборы тогда еще не были упразднены, и для успокоенія умовъ былъ созванъ земскій соборъ; тотъ самый, который своимъ Уложеніемъ закрѣпостилъ крестьянъ, и освятилъ систему приказовъ.

Котошихинъ, русскій эмигрантъ временъ Алексѣя Михайловича, разсказываетъ о московскомъ мятежѣ 1662 г. изъ-за мѣдныхъ денегъ. Много мелкихъ воровъ, фальшивыхъ монетчиковъ было казнено, а «которые воры были люди богатые» и они отъ своихъ бѣдъ откупались, давали посулы большіе боярину Милославскому и думному дворянину Матюшкину. На Милославскаго царь былъ только гнѣвенъ, Матюшкина только отставилъ отъ приказа, «а казни имъ не учинилъ никакой». Съ этого и начался мятежъ: московскій народъ требовалъ казни главныхъ виновниковъ, по всей Москвѣ были расклеены прокламаціи, и въ Коломенское, гдѣ тогда находился царь, пошли изъ Москвы «многіе люди, безъ ружья, съ крикомъ и шумомъ». Царица съ царевичемъ во дворцѣ попряталась, а царь московскихъ людей принялъ и уговаривалъ ихъ «тихимъ обычаемъ», чтобы они возвратились въ Москву, а онъ, царь, дослушавъ обѣдню, тотчасъ будетъ къ Москвѣ, и въ томъ дѣлѣ «учинитъ сыскъ и указъ». И тѣ люди «говорили царю и держали его за платье, за пуговицы: чему де вѣрить?—и царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ, и пошли къ Москвѣ». На первый разъ царь не велѣлъ имъ «чинить ничего», но когда они, не дождавшись въ Москвѣ царя (разстояніе было семь верстъ), пришли во второй разъ и говорили царю «сердито и невѣжливо, съ угрозами»,—царь далъ

приказъ стрѣльцамъ и дворянамъ, чтобы «всѣхъ тѣхъ людей били и рубили до смерти и живыхъ ловили». Погибло при этомъ свыше 7000 человѣкъ, изъ нихъ, по замѣчанію Котошихина, только 200 виновныхъ, а прочіе всѣ были «правые», пришедшіе только зрителями, посмотрѣть, что будетъ, изъ любопытства. Такая же экзекуція произведена была и въ Москвѣ, когда царь, наконецъ, пріѣхалъ для „сыска и указа"; москвичей вѣшали прямо у воротъ. При этомъ разыскивали иноземныхъ, особенно польскихъ интригъ и провокацій; но какъ не старались, ничего не нашли,—„не сыскано въ томъ дѣлѣ ни единаго человѣка, кромѣ русскихъ".

Въ 1670 г. поднялся грандіозный бунтъ Стеньки Разина. Люди московскіе, бѣжавшіе на Донъ и на нижнюю Волгу отъ московскаго казеннаго гнета, приказной администраціи, крѣпостного права и холопства, когда имъ заперли выходъ въ море, опрокинулись назадъ внутрь московскаго государства со всей своей злобой и ненавистью противъ московскихъ порядковъ; бунтъ запылалъ по всему Поволжью, разлился по Окѣ, перекинулся къ сѣверу до Бѣлаго моря—до Соловковъ. Астрахань, Царицынъ, Саратовъ были обращены въ казачьи республики. Крестьяне, холопы, посадскіе вездѣ приставали къ несшимъ имъ волю и облегченіе казакамъ; въ усадьбахъ рѣзали господъ, въ городахъ воеводъ и приказныхъ. Разинъ своихъ враговъ прямо жегъ въ печи, какъ дрова. Дворянству опять пришлось выступить въ привычной ему роли усмирителя революціи. Бунтъ Разина былъ подавленъ военной силой, подавленъ съ страшной жестокостью; дворянское правительство тишайшаго царя Алексѣя, производя усмиреніе, жгло села и деревни, умерщвляло жителей безъ разбора, обращало ихъ въ рабство. Кромѣ казненныхъ потомъ по суду, погибло безъ суда до ста тысячъ. Плѣнниковъ казнили безъ суда; воевода князь Барятинскій повѣсилъ и четверталъ 600 плѣнныхъ, также поступили со своими плѣнниками Щербатовъ и Леонтьевъ. Князь Долгорукій повѣсилъ попа и сжегъ вѣдьму. Патріархъ, съ своей стороны, торжественно предалъ Стеньку анаѳемѣ.

Крижаничъ, южный славянинъ, гостившій въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ, а потомъ сосланный изъ Москвы въ Тобольскъ, называлъ московскіе порядки „людодерствомъ". Онъ предлагалъ желающимъ „спросить всѣхъ королей на свѣтѣ, какъ они понимаютъ свои обязанности;—много", говорилъ онъ,—

„найдешь такихъ, которые не смогутъ объяснить отчетливо, зачѣмъ Богъ создалъ на свѣтъ королей, и зачѣмъ далъ имъ власть надъ народомъ. Мнятъ короли, что не они созданы ради королевства и народовъ, а королевства ради нихъ. Мнятъ короли, что ихъ дѣло только господствовать, повелѣвать и пользоваться удовольствіями, а не промышлять день и ночь о народномъ благѣ“. Самъ Крижаничъ былъ сторонникомъ самодержавія, только мягкаго и направленнаго къ народному благу.

XVI.

Плодомъ тѣхъ обширныхъ строительныхъ работъ, какія предприняло послѣ смуты само московское населеніе, явилось, въ концѣ концовъ, полицейское государство Петра Великаго. Петръ воспользовался всѣми реальными силами, какія создалъ для него XVII вѣкъ, и еще усилилъ средства правительства своими финансовыми, военными, административными и иными реформами. Правительство вооружилось всѣми нужными ему орудіями — арміей и флотомъ, казной и бюрократіей. Всѣ силы, сколько нибудь независимыя, исчезли. Боярство слилось со всѣмъ дворянствомъ и разсыпалось по графамъ табели о рангахъ; прекратилось существованіе боярской думы. Черезъ полвѣка почти послѣ послѣдняго земскаго собора, отошелъ въ вѣчность послѣдній патріархъ, и новый поставленъ не былъ, потому что - «простой народъ единаго правителя духовнаго почитаетъ вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ, или еще и больше его, и когда услышитъ между ними распрю, то болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю, сочувствуетъ»; взамѣнъ того церковь подчинилась власти синода и усмотрѣнію оберъ-прокурора, — «изъ офицеровъ добраго человѣка». Монастырскому приказу былъ порученъ не только судъ, но и все веденіе церковнаго хозяйства, съ передачей всѣхъ доходовъ въ казну; Донское казачество, попавъ въ кольцо владѣній Петра, потеряло свои вольности, лишилось выборныхъ атамановъ. Попытка Мазепы поднять Малороссію и отложиться не удалась, и запорожское казачество также стало терять права. Изъ всѣхъ работниковъ, самостоятельно строившихъ государство, остался самостоятельнымъ одинъ—работникъ на тронѣ.

Отъ времени, когда самъ народъ, или по крайней мѣрѣ высшіе его классы, строили для себя государство, самодержавіе Петра наслѣдовало новую задачу: общее благо, или

вѣрнѣе - благо этихъ высшихъ классовъ. Но эту задачу всю цѣликомъ самодержецъ бралъ на себя, предоставляя другимъ быть только исполнителями его предначертаній. Это былъ абсолютизмъ западнаго, а уже не византійскаго и не вотчиннаго образца, политическій типъ, всего шире распространенный въ то время въ Европѣ; и внѣшнюю оболочку, и нужныя политическія идеи государство Петра взяло съ Запада. Идеи были заимствованы у Гроція, у Пуффендорфа, опредѣленіе въ уставахъ царской власти переведено со шведскаго, и самъ царь зачисленъ въ ряды европейскихъ монарховъ своего вѣка—Бурбоновъ, Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ. Самъ Петръ опредѣлилъ характеръ своей власти и ея задачи. Въ его уставахъ читаемъ: «Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять».

Въ одномъ изъ своихъ манифестовъ Петръ говорилъ о своемъ намѣреніи «государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе». Задача государя—„трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ", „отъ чего облегченъ бываетъ народъ". Отъ чиновниковъ своихъ Петръ требовалъ, чтобы они „сыскивали новые токи (источники) прибыли безъ тягости народа"; къ себѣ самому онъ примѣнялъ правило, что брать жалованье и не служить стыдно. Но народное благо и облегченіе Петръ понималъ и хотѣлъ понимать по своему, не требуя разума отъ своего народа, какъ выражался еще Грозный, и правя Россіей не для себя, а для Россіи, хотѣлъ одинъ оставаться полнымъ хозяиномъ судебъ Россіи, „по своей волѣ и благомнѣнію своему", въ виду полной „глупости и недознанія невѣждъ" его подданныхъ. Объ этихъ подданныхъ Петръ говорилъ, что ихъ еще нужно обратить въ людей.

Обращая ихъ въ людей и заботясь одинъ обо всѣхъ ихъ интересахъ, Петръ, какъ хорошій рачительный хозяинъ, вмѣшивался во всѣ ихъ отношенія, въ весь ходъ ихъ жизни. Царь самъ переводилъ и печаталъ книги, изобрѣталъ шрифты, устанавливалъ для ткачей ширину холстовъ, требовалъ, чтобы пеньку въ городъ на торгъ мокрую и съ лапками не возили, хлѣбъ жали не серпами, а косами, и по Невѣ ѣздили не на

веслахъ, а на парусахъ, хотя бы на парусахъ ѣздить не умѣли и тонули, и чтобы печи въ домахъ дѣлали не съ пола, а съ фундамента, и трубы были бы широкія, такъ чтобы человѣку пролѣзть можно было, а потолки были бы съ глиною, а не бревенчатые, чтобы въ церковь ходили и у исповѣди бывали, епископы во время литургіи упражнялись бы въ богомысліи, а коровъ, козъ, свиней и другихъ въ Петербургѣ всякаго чина люди безъ пастуховъ изъ своихъ дворовъ не выпускали, понеже оная скотина, ходя по улицамъ и другимъ мѣстамъ, портитъ дороги и деревья. Неудивительно, что, какъ признавалъ самъ Петръ, нельзя было «одному человѣку, ниже ангелу, за такъ многими усмотрѣть». Гораздо большее значеніе, чѣмъ народу, Петръ придавалъ полицейской дѣятельности правительства. Полиція, по его словамъ, не только обезпечиваетъ безопасность и внѣшнее благоустройство и города и улицы „сочиняетъ“, но и „добрые порядки и нравоученія рождаетъ, принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу, приноситъ довольство во всемъ, потребномъ въ жизни человѣческой, по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ, и запрещаетъ излишекъ въ домовыхъ расходахъ... Вкратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности“.

Въ громадномъ хозяйствѣ Петра Великаго дѣло велось широко, въ крупномъ масштабѣ; работа кипѣла, тѣмъ болѣе, что самъ хозяинъ поспѣвалъ всюду, и даже вельможъ съ депешами принималъ гдѣ-нибудь на верфяхъ, на верхушкѣ мачты, гдѣ, стоя на веревочной лѣстницѣ, нельзя было даже сдѣлать привычный реверансъ. Но это крупное хозяйство работало несвободнымъ трудомъ. Рядомъ съ потерею правъ шло усиленіе обязанностей. Войны, которыя непрерывно велъ Петръ, требовали крайняго напряженія всѣхъ силъ—военныхъ и тяглыхъ. Пришлось заводить всесословную регулярную армію, строить флотъ, усиливать даже службу дворянства; всѣ служилые люди съ земли служатъ,—говорилъ Петръ,—а даромъ землями никто не владѣетъ; и сравнивая дворянство съ остальнымъ „подлымъ народомъ“, Петръ находилъ, что дворянство только „ради службы благородно и отъ подлости отлично“; и повышая дворянъ въ рангѣ только по мѣрѣ службы, Петръ „для знатной породы никому никакого ранга

не позволялъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ и за то характера не получатъ". Тяглые люди были лучше прежняго уловлены въ мелкую сѣтку подушной подати; гулящіе люди, холопы, поповичи и излишніе церковно-служители обложены налогами на ряду съ крестьянами и на ряду съ крестьянами расписаны за помѣщиками для удобства сбора казенныхъ податей. Въ то же время обложены пошлинами бани, бороды, религіозныя вѣрованія (раскольничьи), а продажа табаку и дубовыхъ гробовъ сдѣлана казенной монополіей. При Петрѣ еще труднѣе стало, чѣмъ при Грозномъ, „работнымъ людямъ" отъ своей работы „отметаться". Даже святые должны были на ряду съ царемъ-плотникомъ потрудиться, и самъ старецъ Митрофанъ, Воронежскій чудотворецъ, собиралъ для царя деньги „на флотъ и на ратныхъ". Царская усадьба Питербурхъ, которую самъ Петръ называлъ своимъ Парадизомъ, строилась, какъ египетскія пирамиды, подневольнымъ трудомъ. Каждый годъ сорокъ тысячъ рабочихъ въ три смѣны являлись со всей Россіи на царскую барщину въ устьяхъ Невы; туда же на стройку высылали ссыльныхъ и пойманныхъ дезертировъ; десятками тысячъ брали на Петербургъ деньги, скобели, топоры; а съ извозчиковъ и барочниковъ на заставахъ—камни для петербургскихъ мостовыхъ. Для заселенія этого Парадиза тамъ заставляли селиться и строиться на болотѣ вельможъ и дворянъ, у которыхъ домы тряслись отъ всякаго проѣхавшаго экипажа, и ссылали въ этотъ „Рай" на житье безсрочно недорослей, къ дѣламъ и къ службѣ и для науки въ школѣ неопредѣленныхъ, мастеровыхъ всѣхъ художествъ, непомнящихъ родства и незаконнорожденныхъ.

Насколько на самомъ дѣлѣ всѣми этими реформами, полицейскими мѣрами и крѣпостнымъ трудомъ обезпечивалось благо народное и облегченъ былъ народъ, видно изъ слѣдующаго небольшого подсчета. Иностранцы современники замѣчали, что Петръ всего болѣе заботился объ одномъ, чтобы у флота и арміи было довольно денегъ, лѣса, рекрутъ, матросовъ, провіанта и амуниціи, и первыя 30 лѣтъ своего царствованія почти или вовсе не думалъ объ улучшеніяхъ во внутреннемъ государственномъ строѣ. Корабельное дѣло было самымъ любимымъ дѣломъ Петра, онъ, кажется, больше всего корабли строилъ. Но весь флотъ, построенный для Азова, пришлось забраковать; а онъ обошелся безъ малаго въ мил-

ліонъ (весь бюджетъ былъ тогда въ 2—3 милліона); когда понадобился флотъ для завоеванія Финляндіи, оказалось всего 6 кораблей вмѣсто восьмидесяти, которыми хвалился Петръ. Изъ 200 слишкомъ фабрикъ и заводовъ, открытыхъ по приказу Петра, черезъ полвѣка уцѣлѣло только 80. Въ академическомъ университетѣ, открытомъ по плану Петра его преемницей, профессора были выписаны изъ Германіи, и слушателей, за неимѣніемъ русскихъ студентовъ, выписали оттуда же; 17 профессоровъ нѣмцевъ читали лекціи 8 студентамъ нѣмцамъ. Сама Академія учреждалась „для славы среди иностранцевъ", чтобы украсить горшкомъ цвѣтовъ то окно, которое Петръ прорубилъ въ Европу, какъ выразился одинъ историкъ. Таковы были плоды правительственной опеки надъ народомъ. Административныя реформы, введеніе „коллежскаго обряда", должны были измѣнить и улучшить порядки и нравы московской администраціи. Но все это были плоды того же творчества, той же опеки. Каковы были эти плоды, тому намъ свидѣтель самъ Петръ. О сенаторахъ своихъ онъ говорилъ, что вмѣсто возложеннаго на нихъ дѣла они въ сенатѣ — „зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды". Главный сотрудникъ Петра, Меншиковъ, по словамъ царя, „въ беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ родила его мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы". „Говорю тебѣ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды",—писалъ ему Петръ. Ягужинскому въ Сенатѣ Петръ приказывалъ: „Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ"; Ягужинскій отвѣчалъ Петру: „Государь, неужели вы хотите остаться императоромъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой". Прокуроры и фискалы, назначенные спеціально надзирать за администраціей, сами „являлись въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ", и оберъ-фискалъ Нестеровъ попалъ подъ судъ за преступленія по должности. Въ провинціи Петръ, подобно Карлу Великому, посылалъ своихъ ревизоровъ—гвардейскихъ офицеровъ, унтеръ офицеровъ и простыхъ солдатъ съ полномочіемъ производить ревизію, „губернаторамъ непрестанно докучать, и за ноги ковать, и на шею полагать цѣпи, и по то время не освобождать, пока они, чего слѣдуетъ, не изготовятъ". Калужскаго

вице-губернатора Воейкова унтеръ офицеръ Пустошкинъ держалъ съ другими калужскими властями „въ цѣпи и въ желѣзахъ не малое время“, но и то безполезно: „и за тѣмъ одержаніемъ ничего не учинили“.

Народъ, о благѣ и облегченіи котораго столько заботился Петръ, не вѣдалъ о какомъ благѣ шла рѣчь, а облегченія большого не замѣчалъ. Всѣ классы, и даже дворянство, хорошо замѣтили усиленіе обязанностей; низшіе классы почувствовали еще и усиленіе крѣпостного права. На ряду съ помѣщичьими крестьянами появились крестьяне поссесіонные, приписанные къ купеческимъ фабрикамъ; а дворянство, воспользовавшись случаемъ, сумѣло обратить свои помѣстья въ вотчины и крѣпостныхъ въ холоповъ. «Крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу до гола», говорили помѣщики, по словамъ Посошкова. И крестьяне отвѣчали на это посвоему. Они били челомъ царю на своихъ помѣщиковъ, которые «яко львы челюстями своими пожираютъ ихъ и яко зміи ехидніи разсвирѣпся напрасно попираютъ, яко же волци свирѣпіи, бьютъ ихъ яко немилостивіи Пилаты», и просили царя смиловаться и пожаловать свободствомъ, чтобы имъ больше въ Содомѣ и Гоморрѣ не мучиться. О реформахъ Петра тяглые люди говорили только: «тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы»,—и толковали въ разныхъ углахъ о Петрѣ-Антихристѣ; стрѣлецкіе мятежи смѣнялись хованщиной и казачьимъ бунтомъ, и усиливалось выселеніе за границу, въ аристократическую Польшу. Среди отцовъ духовныхъ Өеофанъ Прокоповичъ былъ теоретикомъ самодержавной власти; зато другой архіерей, Өеодосій Яновскій, называлъ отношеніе царя къ церкви тиранствомъ, сулилъ явленіе новаго Филиппа митрополита, который не пощадитъ своей крови за церковь, и соглашался молиться за царя лишь очень неохотно: «Служить буду: боюсь, чтобы въ ссылку не сослали; только услышитъ ли Богъ такую молитву?»

XVII.

Время послѣ Петра было вѣкомъ дворянской монархіи. Духовенство, ослабленное еще раньше, при Екатеринѣ II потеряло совсѣмъ и земли, и крестьянъ и не было даже приглашено прислать представителей въ коммиссію 1767 г. Городской классъ получилъ жалованную грамоту, самоуправленіе его было преобразовано, уменьшена была стѣснительная опека

надъ торговлей и промышленностью, но купечество при Петрѣ III и Екатеринѣ II лишилось права пріобрѣтать крестьянъ. Купцы въ комиссіи 1767 г. доказывали, что имъ владѣть крестьянами «крайняя надобность, чтобы не приплачивать денегъ наемнымъ», и что если имъ дать крѣпостныхъ, то отъ этого «вреда никому не предусматривается». Такого же права владѣть крѣпостными просилъ въ комиссіи для духовенства святѣйшій синодъ. Но дворянство сумѣло отстоять свою рабовладѣльческую монополію и широко ею воспользовалось, выстроивъ цѣлый рядъ дворянскихъ фабрикъ. Вообще дворянство осуществило до конца свою програму, избавившись отъ обязанностей и умноживъ свои привилегіи. При императрицѣ Аннѣ дворянство добилось сокращенія службы до 25 лѣтъ, Петръ III объявилъ дворянскую службу вольной (манифестомъ 18 февраля 1762 г.) и выразилъ только увѣренность, что дворяне и впредь, по своей волѣ, будутъ служить съ неменьшимъ усердіемъ, а неусердныхъ дворянъ, буде таковые окажутся, велѣлъ «презирать» и запретилъ имъ пріѣздъ ко двору. Увѣренность эта не оправдалась; дворяне «всѣ вспрыгались почти отъ радости»; но при Екатеринѣ II оказалось, что манифестъ 18 февраля все еще «стѣсняетъ дворянскую свободу болѣе, нежели отечественная польза того требуетъ», и жалованной грамотой 1785 г. дворянскія вольности, права и привилегіи были еще расширены. Между прочимъ, дворянство одно получило право обращаться со своими ходатайствами прямо къ верховной власти. Если же въ усадьбу помѣщика являлись агенты самой этой верховной власти, помѣщикъ иной разъ встрѣчалъ ихъ, какъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ, «собрався со своими крестьяны». Воронежскій помѣщикъ графъ Девіеръ изъ двухъ пушекъ перестрѣлялъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. Дворяне хотѣли, чтобы въ ихъ усадьбы, какъ въ старину въ боярскую вотчину, никакіе чиновники „не въѣзжали ни почто". Царь могъ еще приказывать помѣщику, но приказывать его крестьянамъ не могъ уже ни въ какомъ случаѣ; въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ помѣщикъ чувствовалъ себя самого „царемъ" и „земнымъ Богомъ".

Дворянская монархія XVIII вѣка опиралась всего болѣе на крѣпостной крестьянскій трудъ. Дворянство сдѣлало владѣніе землей и крестьянами исключительно своей привилегіей. При Екатеринѣ за 36 лѣтъ ея царствованія дворяне получили вновь

800,000 душъ, при Павлѣ въ 5 лѣтъ 600,000. Крѣпостное право распространилось на Малороссію, которая вѣкомъ раньше отдалась Москвѣ, чтобы уйти отъ польскаго крѣпостного права, и на вновь присоединенную Бѣлоруссію, такъ какъ должны же были бѣлорусскіе помѣщики пользоваться тѣми же правами, какъ дворяне великорусскіе, и потому „не можно у нихъ отнять свободы въ продажѣ людей безъ земли“. Дворяне доказывали, что право дворянъ на крестьянъ важно не только для дворянства, но и для всего отечества; управляя рабами, дворяне научатся управлять и частями имперіи, и крѣпостная деревня послужитъ школой и разсадникомъ правителей для всего русскаго государства. Крестьяне въ самомъ законѣ были объявлены движимой собственностью, въ отличіе отъ недвижимой. Это было время, когда въ вѣдомостяхъ публиковали о продажѣ дѣвки за 25 рублей и борзого щенка за 3000, а за крѣпостную актрису платили 5000, она стоила почти двухъ щенковъ. Помѣщики жаловались, что крестьяне своей лѣнью пустятъ господъ по міру,—а безпристрастнымъ зрителямъ казалось, что съ барскихъ раззолоченныхъ каретъ, запряженныхъ шестеркой, „течетъ кровь невинныхъ земледѣльцевъ“. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ судебную, финансовую, полицейскую власть надъ крѣпостными, получивъ право ссылать ихъ въ Сибирь на поселеніе и на каторгу, помѣщики составляли для нихъ иной разъ цѣлыя уложенія о наказаніяхъ и карали за опрокинутую солонку палками, за подаваніе худыхъ сливокъ лишеніемъ хлѣба на недѣлю, за другія преступленія—сотнями плетей и тысячами розогъ. Помѣщики Шеншинъ и Карташевъ и помѣщица Козловская любили сами наказывать и сѣчь крестьянъ; а помѣщица Салтыкова въ 7 лѣтъ отправила на тотъ свѣтъ 139 душъ; 22 раза поднималось объ ней дѣло, и 21 разъ было прекращено. Сѣченіе розгами не всегда, впрочемъ, бывало наказаніемъ; была помѣщица, которая за обѣдомъ не могла ѣсть супъ съ аппетитомъ, если передъ ней не сѣкли розгами ея крѣпостную кухарку.

Крестьяне больше, чѣмъ когда-либо, были принесены въ жертву. Но борьба не прекращалась. Крестьяне отвѣчали, какъ могли, на крѣпостной гнетъ. Они поняли значеніе комиссіи 1767 года, и отозвались на нее стихами: „Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ; холопей въ депутаты затѣмъ не выбираютъ“.—Когда въ томъ же году императрица каталась по Волгѣ, крестьяне подали ей свыше 600 жалобъ на помѣ-

щиковъ. Не дождавшись справедливости, крестьяне убѣгали на новую окраину или эмигрировали за границу—въ Польшу. Убійства помѣщиковъ сдѣлались такъ часты, что „многіе помѣщики учинились жертвою (крестьянской) свирѣпости“; въ пять лѣтъ было убито 30 помѣщиковъ. Вся восточная окрайна еще въ началѣ 60-хъ годовъ волновалась; 50,000 заводскихъ крестьянъ и 150,000 помѣщичьихъ и монастырскихъ были „въ явномъ возмущеніи“. Въ 70-хъ годахъ разразилась наконецъ пугачевщина. Подъ желтыя и красныя знамена «Ампе-радора Петра Ѳедаровича» стекались казаки, раскольники, инородцы, крѣпостные; движеніе охватило Уралъ и Волгу до Казани; крѣпости сдавались, помѣщиковъ крестьяне грабили и убивали, какъ противниковъ царской власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ; сельское духовенство становилось вездѣ на сторону крестьянъ. Программа движенія выражена въ манифестахъ и воззваніяхъ Пугачева. „Всему свѣту извѣстно“, говорилось въ этихъ воззваніяхъ,—„сколько во изнуреніе приведена Россія, отъ кого жъ—вамъ самимъ то не безъизвѣстно: дворянство обладаетъ крестьянами, и хотя въ Законѣ Божіемъ и написано, чтобы они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами; компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утруждали, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ“. Своихъ „вѣрноподданныхъ“ Пугачевъ жаловалъ не только вольностью, не только обѣщалъ имъ, что „дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ, понеже каждый восчувствуетъ прописанную вольность и свободу“; онъ обѣщалъ отмѣну подушной и другихъ податей и набора рекрутъ, предполагая составить войско изъ „вольножелающихъ“.

Но дворянская монархія не только до конца осуществила рабство, она сумѣла и защитить его. Немногочисленнымъ заступникамъ крѣпостныхъ отвѣчали, что „помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ“, и что „крестьяне часъ отъ часу богатѣе и благоденственнѣе становятся“, что „господами они защищены“, и что тѣ „о хорошемъ состояніи ихъ пекутся“; умноженіе же крестьянскаго благополучія „сверхъ мѣры“ можетъ во вредъ обратиться. Когда случилось, что одинъ молодой помѣщикъ самъ заговорилъ крестьянамъ о свободѣ, другіе помѣщики на него, куда слѣдуетъ,

пожаловались, и молодой человѣкъ былъ признанъ сумасшедшимъ. Когда же крестьяне сами хотѣли заявить истину и подавали жалобы, ихъ допрашивали съ пристрастіемъ, кто имъ челобитную писалъ и сочинялъ, и виновныхъ драли плетьми публично, на площади, съ барабаннымъ боемъ, а крестьянъ наказывали кнутомъ и каторгой; крестьяне должны были оказывать помѣщикамъ „безмолвное повиновеніе". Волненія крестьянъ подавлялись плетьми и каторгой, штыками и пушками; сенатъ объявлялъ „работниковъ" подлежащими „наижесточайшей смертной казни". Когда пугачевщина, сначала казавшаяся неопасной, выросла въ грозную силу, правительство послало генераловъ, войска и пушки; дворянство казанское, симбирское, пензенское снарядило свои дворянскіе корпуса; императрица приняла званіе „казанской помѣщицы". Съ большимъ трудомъ усмиривъ рабовъ, побѣдители учинили надъ оставшимися въ живыхъ экзекуцію: взятыхъ въ плѣнъ крестьянъ сѣкли въ оградѣ церквей, прогоняли сквозь строй, засѣкали до смерти кнутомъ, сбрасывали съ высокаго крыльца въ ровъ; самого Пугачева, поймавъ, привезли въ клѣткѣ въ Москву, и четвертовали; Яикъ переименовали въ Уралъ и Яицкихъ казаковъ въ уральскихъ, чтобы изгладить изъ памяти пугачевщину, а во время слѣдствія старались найти слѣды заграничныхъ интригъ, но ничего не нашли, — пугачевщина выросла на русской почвѣ.

Въ концѣ царствованія Екатерины началось гоненіе на вольныя идеи, распространявшіяся въ литературѣ и опасныя для существующаго крѣпостного строя; извѣстна судьба, постигшая въ то время Радищева и Новикова. Радищевъ въ своей книгѣ взывалъ, обращаясь къ дворянству: „звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? — то, чего отнять не можемъ, — воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не только даръ земли: хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. — Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно. Съ одной стороны, почти всесиліе, съ другой — немощь беззащитная... Се жребій заклепаннаго въ уздѣ, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ"... Казанская помѣщица въ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Радищева, напротивъ, утверждала, что — „лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣту во всей вселенной", и прибавляла съ ироні-

ей объ авторѣ: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“.

Добывая себѣ вольности и привилегіи, закрѣпощая крестьянъ, вооруженной рукой усмиряя ихъ революцію, дворянство дѣйствовало рука объ руку съ Екатериной. Старинный союзъ дворянства съ монархіей не нарушался. Этимъ опредѣлялась политическая программа дворянства, программа дворянской монархіи. Послѣ Петра I отъ дворянства зависѣла судьба престола, и возводя государей на тронъ то избраніемъ, то дворцовымъ переворотомъ, дворянство могло быть увѣрено въ своихъ ставленникахъ, и не нуждалось въ формальномъ ихъ ограниченіи. Напротивъ, первую льготу дворянамъ, сокращеніе срока службы, дала императрица Анна, когда было возстановлено ея самодержавіе; на Петра III, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, вліяли дворяне вельможи, и Воронцовы, напримѣръ, не уставали твердить ему о вольной дворянской службѣ. Ни при комъ не было такъ сильно дворянство, какъ при самодержицѣ Екатеринѣ.

Самодержавіе и дворянство взаимно опирались другъ на друга; потому и были такъ неудачны всѣ попытки ограничить самодержавіе. При избраніи императрицы Анны князь Д. М. Голицынъ сказалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что надобно „и себѣ полегчить“, и были составлены кондиціи, обязывавшія Анну безъ согласія Верховнаго Тайнаго Совѣта войны не начинать, миру не заключать, вѣрныхъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать, у шляхетства живота, имѣнія и чести не отнимать, государственные доходы въ расходъ не употреблять. Дворянство, не желавшее подчиняться восьми верховникамъ, выставило свои проекты ограниченій; но все это нисколько не помѣшало Аннѣ и кондиціи разорвать, и дворянскихъ требованій не исполнить, и возстановить свое самодержавіе. Дворянство подчинилось обстоятельствамъ—и получило льготы отъ императрицы самодержавной. Точно такъ же проектъ дворянской палаты, найденный въ бумагахъ Волынскаго, погубилъ и довелъ до казни только самого Волынскаго.

Такъ же мало осуществились при Екатеринѣ II конституціонные планы Никиты Панина и его заговоръ въ пользу цесаревича Павла, съ ограниченіемъ его дворянскимъ сенатомъ съ законодательной властью; все было готово, и Павелъ уже присягнулъ конституціи, но заговоръ былъ раскрытъ— и монархія осталась неограниченной. Это было въ 1774 году,

когда одновременно Екатеринѣ грозилъ въ Петербургѣ - родной сынъ Павелъ съ дворянской конституцией, а съ восточной окраины подвигался съ крестьянской революцией „Ампе-радоръ Петръ Ѳедаровичъ". Но съ дворянскимъ заговоромъ было справиться легче, чѣмъ съ крестьянскою революцией.

Екатерина еще въ своемъ „Наказѣ" дала оцѣнку тому самодержавію, которое ей пришлось отстаивать. По ея словамъ, самодержавіе наиболѣе соотвѣтствуетъ и расположенію русскаго народа, и естественной вольности, и изъ всѣхъ государственныхъ порядковъ является для народа наименѣе вреднымъ и самымъ неразорительнымъ. Многіе дворяне не отказались бы при Екатеринѣ подписаться подъ такою оцѣнкой самодержавія; съ своей стороны и самодержцы не скупились на похвалы дворянству. Петръ III называлъ дворянское сословіе „главнымъ въ государствѣ членомъ"; Екатерина II производила дворянскія фамиліи „отъ начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами". Но сами дворяне, давали себѣ еще болѣе блестящую характеристику. Князь Щербатовъ доказывалъ, что Россія дворянамъ обязана своей свободой и вольностью (отъ татарскаго ига), и выражалъ удивленіе, что русскій народъ не приписываетъ дворянамъ божественнаго происхожденія, не признаетъ ихъ потомками боговъ.

Вѣкъ дворянской монархіи, вѣкъ Екатерины, окруженъ небывалымъ блескомъ въ литературѣ. Извѣстны оды, въ которыхъ казанскую помѣщицу воспѣвалъ казанскій дворянинъ Державинъ. Еще въ молодыхъ годахъ, „возгнушавшись самимъ собою" за пустую жизнь своей юности, онъ рѣшилъ исправиться — и отправился добровольцемъ усмирять пугачевскій бунтъ. Въ 1782 году, изъ почтительнаго отдаленія воспѣвая Фелицу, Державинъ восклицалъ: „О, коль счастливы человѣки тамъ должны быть судьбой своей,—гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный, сокрытый въ свѣтлости порфирной, съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить"... Называя ее кроткимъ ангеломъ, поэтъ восхваляетъ ее за то, что будто завсегда возможно говорить ей правду, и за то, что она стыдится быть страшной и нелюбимой; „медвѣдицѣ прилично дикой животныхъ рвать и кровь ихъ пить". Ея законъ „даетъ и милости и судъ", и у ея трона обитаютъ совѣсть и правда. „Фелицѣ слава – слава Бога", — восклицаетъ, наконецъ, восхищенный Державинъ. Совсѣмъ изъ другого угла Европы Екатеринѣ расточались не

меньшія похвалы. Вольтеръ, тотъ самый Вольтеръ, который по выраженію Байрона, „тронъ покачивалъ слегка", въ своемъ увлеченіи идеей просвѣщеннаго абсолютизма, писалъ Екатеринѣ, что она выше Солона, Ликурга и Ганнибала, выше Петра I и Людовика XIV; что она „благотворительница рода человѣческаго"; онъ называлъ ее святою, ангеломъ, равной Богородицѣ, „пресвятою владычицей снѣговою", пѣлъ ей гимны — „Тебе Екатерину, поемъ, тебе хвалимъ", и заявлялъ, что „передъ ней надо людямъ молчать благоговѣйно", что „гдѣ она — тамъ рай",—и „жить подъ ея законами—блаженство".

Людямъ, жившимъ подъ ея законами, это не всегда казалось такимъ блаженствомъ. Самъ пѣвецъ Фелицы, приблизившись ко двору Екатерины, не находилъ уже тамъ того божественнаго, что видѣлъ издалека, и не могъ уже писать ей одъ въ родѣ Фелицы, когда она сама его объ этомъ „прашивала"; онъ находилъ теперь, что она „управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ больше по политикѣ, чѣмъ по святой правдѣ". Плодомъ этого было то, что онъ „наскучилъ императрицѣ и остудился въ ея мысляхъ".

Администрація, которую Екатерина застала, вступивъ на престолъ, описана самой императрицей въ одномъ изъ первыхъ ея указовъ. Екатерина „уже отъ давняго времени слышала, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣла, до какой степени въ государствѣ лихоимство возросло". Суды заражены сей язвой. „Ищетъ ли кто мѣста - платитъ; защищается ли кто отъ клеветы — обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто - всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ деньгами". Судьи „обращаютъ суды въ „торжище" и званіе судьи считаютъ , пожалованнымъ имъ для поправленія дома доходомъ". Чиновники на должности назначаются не для исправленія дѣлъ, а „какъ бы неимущіе въ богадѣльню, для одного только пропитанія". Медленность въ рѣшеніи дѣлъ была въ этихъ „богадѣльняхъ" страшная. Въ юстицъ коллегіи оказалось 6000 дѣлъ, не рѣшенныхъ въ теченіе полвѣка. Черезъ пять лѣтъ въ дворянскихъ наказахъ депутатамъ, ѣхавшимъ въ комиссію, избиратели писали, чтобы правительство обязало чиновниковъ присягой, чтобы они „ко взяткамъ не касались", а виновные въ этомъ „проклятомъ лакомствѣ" подвергались бы „натуральной смертной казни". Время шло, производились реформы, - порядки оставались тѣ же. Въ литературѣ сохранилась блестящая картина административныхъ и судебныхъ нравовъ того вре-

мени. Въ комедіи Капниста: „Ябеда“ изображены, какъ на подборъ, дѣятели россійскаго правосудія: предсѣдатель палаты „есть сущій истины Іуда и предатель; онъ безъ наличнаго дохода дѣлъ не судитъ“. Прокуроръ оказывается „существеннѣйшимъ воромъ:“ — „вотъ прямо въ точности всевидящее око: гдѣ плохо что лежитъ, тамъ мѣтитъ онъ далеко... И даже онъ беретъ съ колодниковъ оброкъ“. Таковъ же и секретарь суда: „хоть голъ будь, какъ соколъ, онъ что-нибудь да схватитъ“. Когда же, наконецъ, надъ всѣмъ этимъ судейскимъ міромъ разражается гроза, всѣ герои правосудія возмущены: „Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры?“ Эту пьесу дали при Павлѣ 4 раза, а на пятый разъ запретили. У Фонвизина совѣтникъ говоритъ сыну: „Паче всего изволь читать уложеніе и указы; кто ихъ, будучи судьей, толковать умѣетъ, тотъ нищимъ быть не можетъ...—Я самъ былъ судьей. Виноватый, бывало, платитъ за свою вину, а правый за свою правду, и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ“. У Пушкина въ „Капитанской Дочкѣ“ встрѣчается такой рецептъ правосудія екатерининскаго времени: „разбери, кто правъ, кто виноватъ: да обоихъ и накажи“. Гоголь возвелъ этотъ міръ въ перлъ созданія. Весь блестящій сонмъ обитателей „губернскаго Олимпа“ и весь штатъ уѣздныхъ властей съ городничимъ во главѣ, каменѣющіе подъ грозой „идущаго вдали закона“, созданы реформами Великой Императрицы. Великолѣпный герой екатерининскаго вѣка, Потемкинъ, получилъ въ литературѣ міровую извѣстность; это о немъ выразился лордъ Байронъ, что онъ „попиралъ и совѣсть и приличья“, и сравнивалъ его при этомъ съ саранчей, опустошительницей полей. Русскій писатель Радищевъ, посланный императрицей на казенный счетъ учиться за границу, и потомъ сосланный ею же въ Сибирь за идеи, какимъ онъ за границей научился, изображая въ своей книгѣ „чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй“; онъ нарисовалъ картину, какую могла бы показать во снѣ царю одна Истина: если снять бѣльма съ глазъ царя, онъ увидитъ своихъ солдатъ, умирающихъ отъ голода и болѣзней, свои суда, разваливающіяся отъ негодности, своихъ министровъ и полководцевъ, расхищающихъ казну, свой народъ разоренный, угнетенный и бѣдствующій. И — можно бы прибавить: — защитниковъ этого народа — одного въ крѣпости (Новиковъ), другого — въ Сибири (Радищевъ).

XVIII.

Съ конца XVIII вѣка началась новая ступень въ развитіи дворянской монархіи. При Екатеринѣ II сложился русскій старый порядокъ; предстояло охранять его отъ дальнѣйшихъ измѣненій.

Дворянство вело борьбу за сохраненіе своихъ привилегій, земель и крестьянскаго труда. Закрѣпощенные крестьяне не переставали волноваться, число убитыхъ помѣщиковъ повышалось съ каждымъ годомъ. Новая пугачевщина мерещилась и дворянамъ и правительству; правительство начинало вмѣшиваться въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, начиная съ указа о 3-дневной барщинѣ Павла I-го,—„чтобы три дня барину потѣли, а три дня жали свой загонъ“, какъ выразился одинъ поэтъ. Александръ I говорилъ своимъ сотрудникамъ, что „надо удовлетворить массу народа, которая, волнуясь и сознавъ свою силу, можетъ стать опасной“; и онъ поручалъ губернаторамъ „секретное“ наблюденіе за помѣщиками, и запрещалъ, и преслѣдовалъ особенно яркія проявленія помѣщичьей власти. Экономисты твердили, что государство не можетъ быть прочно при угнетеніи класса классомъ, и что Пугачевы и Разины возможны и бываютъ вездѣ, гдѣ есть рабство. Сами помѣщики начали говорить объ отмѣнѣ крѣпостного права, чтобы предупредить новыя „насильственныя и по жестокости своей ужасныя внутреннія возмущенія“. Флигель-адъютантъ Киселевъ въ запискѣ, поданной императору Александру, писалъ, что „надо предупредить требованія, которымъ отказать будетъ трудно или невозможно“, а генералъ-интендантъ Канкринъ въ своей запискѣ удивлялся, какъ можно, не подозрѣвая опасности, покоиться на огнедышащей горѣ.

Въ самомъ дворянствѣ произошелъ расколъ. Въ комиссіи 1767 г. дворяне и купцы спорили за право владѣть рабами; теперь нѣкоторые передовые дворяне и фабриканты находили, что вольнонаемный трудъ выгоднѣе крѣпостного, что для развитія земледѣлія и промышленности необходима отмѣна крѣпостного права. Геттингенскій студентъ Андрей Кайсаровъ доказывалъ по-латыни въ своей диссертаціи, что свобода крестьянскаго труда нужна для процвѣтанія фабрикъ, ut fabricae vigeant. Польскій магнатъ графъ Стройновскій, тиранъ своихъ крестьянъ, ратовалъ противъ крѣпостного права, и до-

казывалъ въ своей книгѣ, что если освободить крестьянъ безъ земли, то это только умножитъ дворянскія корысти: помѣщикъ будетъ вправѣ сильнѣе эксплуатировать крестьянъ, „требовать болѣе отъ своего содержателя". Въ то время, съ развитіемъ денежнаго хозяйства, крѣпостной трудъ падалъ въ цѣнѣ, а цѣна, на землю, дававшую большіе барыши, поднималась: передовымъ хозяевамъ былъ прямой расчетъ сохранить землю, и согнать съ нея крестьянъ. Даже горячіе защитники крестьянскихъ интересовъ, какъ напримѣръ, Николай Тургеневъ, Лукинъ, Якушкинъ и другіе говорили тогда объ освобожденіи крестьянъ безъ земли, а писатель, дерзнувшій заявить мнѣніе, что „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками",—не рѣшился огласить свое имя, и скрылся подъ анонимомъ. Освобожденіе съ землей, еще при Екатеринѣ, проповѣдывалъ Радищевъ; онъ полагалъ, что „удѣлъ земли, крестьянами обрабатываемый, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать".

Правительству невыгодно было обезземеливать крестьянъ—плательщиковъ казенныхъ податей, и ему изъ двухъ освободительныхъ програмъ удобнѣе была программа освобожденія съ землей. Такъ думалъ при Александрѣ I Сперанскій, и даже Аракчеевъ, когда ему государь приказалъ составить проектъ реформы, подумалъ хотя о небольшомъ крестьянскомъ надѣлѣ. Эта программа освобожденія съ землей начала осуществляться въ 1803 г., когда, по почину графа Румянцева, было разрѣшено помѣщикамъ, буде они пожелаютъ, отпускать своихъ крестьянъ на волю, но обязательно съ землей. Этимъ указомъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ воспользовались, однако, немногіе; было всего за четверть вѣка 160 освобожденій, изъ нихъ только 17 безъ денежнаго выкупа за землю; за полвѣка, пока дѣйствовалъ законъ, получили свободу всего 150000 крестьянъ — 1½ сотыхъ всего ихъ числа. Во второй половинѣ царствованія Александра I побѣду одержала дворянская освободительная программа, и крестьяне трехъ прибалтійскихъ губерній получили свободу безъ земли. Положеніе фабрикантовъ было проще; уже въ 1825 г. на фабрикахъ больше половины рабочихъ были вольнонаемные, а позднѣе въ 1840 г., было разрѣшено поссесіоныхъ крестьянъ освободить, и еще половина поссесіонныхъ фабрикъ сразу воспользовались этимъ правомъ.

Крѣпостники ополчились противъ всѣхъ реформъ. Рабо-

владѣльческая дворянская масса была слишкомъ громадна и слишкомъ могущественна, чтобы отказаться отъ стараго крѣпостного права, или еще и отъ земли, а для перехода къ новой системѣ хозяйства эта масса была слишкомъ отсталой. Когда въ 1812 г. вольное экономическое общество предложило вопросъ о томъ, какой трудъ болѣе выгоденъ, вольный или крѣпостной, мнѣнія раздѣлились пополамъ: семь были за вольный трудъ и семь за крѣпостной. Графъ Ростопчинъ возражалъ графу Стройновскому на его книгу, что авторъ-полякъ не видитъ, какъ хорошо крестьянамъ на Руси, какъ велико ихъ счастіе. Крѣпостное право необходимо; русскій крестьянинъ не любитъ хлѣбопашества, безъ принужденія работать не будетъ, и помѣщики, „прославившіе и прославляющіе отечество“, останутся безъ доходовъ. Московскій попечитель писалъ о книгѣ Стройновскаго, что „эта книга—набатъ, зловредная, и не можетъ быть терпима: автора и переводчика надо бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества“. Сіятельный попечитель, наконецъ, такъ разошелся, что выругалъ автора „шельмой“. Къ числу видныхъ крѣпостниковъ принадлежали: поэтъ Державинъ, старавшійся провалить въ государственномъ совѣтѣ законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, историкъ Карамзинъ, говорившій, что никакихъ реформъ не нужно, что „дворянинъ имѣетъ право быть помѣщикомъ и обязанность - быть добрымъ помѣщикомъ“, и основатель харьковскаго университета Каразинъ, старавшійся выполнить эту обязанность и на собственномъ примѣрѣ показать всѣмъ, что и при крѣпостномъ правѣ можно не быть для своихъ крестьянъ тираномъ. Масонъ Поздѣевъ, бывшій какъ разъ тираномъ своихъ крестьянъ, шелъ всѣхъ дальше; онъ доказывалъ, что „такая трудная работа, какъ хлѣбопашество, дѣлается принужденно, такъ тѣмъ паче, когда на другихъ“, а съ русскими крестьянами сладить особенно трудно,—„наши русскіе мужички—это паче, нежели звѣри“, съ ними не справятся ни палки ни исправники, а только одни помѣщики со своими приказчиками. Другіе дворяне отказывались отдавать свои земли; Поздѣевъ требовалъ, чтобы дворянамъ вновь начали давать земли, какъ въ старину было: „Тако всѣ прежніе деспоты дѣлали и Россія процвѣтала“. Либеральный адмиралъ графъ Мордвиновъ даже въ свой проектъ конституціи внесъ требованіе, чтобы знатнымъ дворянамъ при назначеніи ихъ въ верхнюю палату вельможъ

(ихъ должно было быть 50 человѣкъ)—давали вновь по 10000 душъ каждому. И крѣпостники боялись новой пугачевщины, но предлагали бороться съ нею мѣрами обузданія, сугубой судебной защитой дворянской собственности отъ зависти бѣдняковъ, и каждый намекъ на улучшеніе крестьянской участи казался имъ набатомъ, якобинствомъ, порожденіемъ «духа буйства и безначалія».—«Зачнется съ того, что всѣхъ дворянъ перерѣжутъ, а тамъ и больше сдѣлаютъ». На этомъ основаніи совѣтывали не обижать... дворянъ.

Побѣду одержали въ то время крѣпостники. Въ 1807 г. Александръ I говорилъ, что «если бы образованность была на болѣе высокой степени, онъ уничтожилъ бы рабство, если бы даже это стоило ему жизни». Но придавая такое значеніе образованію, правительство совершенно отвергало въ этомъ дѣлѣ участіе образованнаго общества, пресѣкая его дѣятельность въ самомъ началѣ, ставя ей на каждомъ шагу преграды. Русскій переводъ книги Стройновскаго былъ запрещенъ министромъ народнаго просвѣщенія; латинская диссертація Кайсарова, курсъ экономической науки Шторха, также не были разрѣшены къ переводу цензурой. За нападки на крѣпостное право въ книгахъ и лекціяхъ, потеряли кафедры профессора: Шадъ, Куницынъ, Арсеньевъ и Германъ; по поводу книги Куницына учебное вѣдомство нашло, что проповѣдь противъ крѣпостного права «противорѣчитъ явно истинамъ христіанства». Въ 1813 г. было воспрещено что-либо печатать о рабствѣ крестьянъ какъ въ опроверженіе, такъ и въ защиту. Пушкинская «Деревня» не могла быть напечатана, также и «Горе отъ ума». Крестьянскій вопросъ все болѣе объявлялся монополіей правительства, а правительство все болѣе подчинялось вліянію крѣпостниковъ. За все царствованіе Александра I только одинъ помѣщикъ подвергся ссылкѣ въ Сибирь на каторгу за злоупотребленіе помѣщичьей властью; да нѣсколько дворянъ было сослано въ монастыри; а одинъ (генералъ) сосланъ на житье въ Казань или Тулу, но вмѣсто того спокойно дожилъ вѣкъ у себя въ имѣніи. Особенно дурную славу пріобрѣли дворянскія фабрики, и если гдѣ открывалась новая такая фабрика, крестьяне говорили объ этомъ, какъ о появленіи чумы. Эксплуатаціей своихъ заводскихъ крестьянъ прославилась курская помѣщица Брискорнъ, у которой изъ 392 рабочихъ въ 3 года сбѣжало 273, да умерло въ полтора года въ сыромъ помѣщеніи 122. У графа Зубова въ неуро-

жайный годъ крестьяне ходили по міру, а если графъ и давалъ малую толику хлѣба, то не иначе, какъ высѣкши сперва голоднаго крестьянина.

Послѣ войны 1812 г. крестьяне говорили: «мы избавили родину отъ тирана (Наполеона), а насъ вновь тиранятъ господа». Многіе ждали манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ благодарность за изгнаніе французовъ; но въ манифестѣ не были забыты милостями другія сословія, а о крестьянахъ было сказано, что ихъ заслуги предъ отечествомъ такъ велики, что они получатъ «мзду свою отъ Бога».

Въ реакціонную эпоху послѣ Вѣнскаго конгресса, когда и на Западѣ революціи были усмирены, и своя пугачевщина казалась не столь грозной, — вмѣсто крестьянской реформы выросли военныя поселенія, общество для содѣйствія освобожденію крестьянъ не было разрѣшено, а программа освобожденія съ землей нашла пріютъ въ тайныхъ обществахъ будущихъ декабристовъ, особенно у Пестеля въ южномъ обществѣ друзей республики. Дворянская монархія оставалась рабовладѣльческой, и Николай Тургеневъ впослѣдствіи съ горечью вспоминалъ о безсердечныхъ комедьянтахъ, которыхъ онъ тщетно старался заинтересовать великимъ и святымъ дѣломъ, о евнухахъ, способныхъ лишь къ желаніямъ, но не къ исполненію, о мошенникахъ, съ которыми не слѣдовало быть лояльнымъ.

На ряду съ борьбой за крѣпостное право, шла борьба за существующій государственный порядокъ. Еще при Екатеринѣ въ 1773 г. въ книгѣ, изданной на личный счетъ императрицы, Радищевъ писалъ о «самодержавствѣ», что оно есть «наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе». Радищевъ доказывалъ, что верховная власть отвѣтственна передъ народомъ: «Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками». Но въ то время, когда Радищевъ писалъ эти строки, дворянская монархія была такъ прочна, что Екатерина не считала подобныхъ рѣчей опасными. Пятилѣтнее царствованіе императора Павла I сразу нарушило это равновѣсіе. Этотъ глава мальтійскихъ рыцарей однимъ почеркомъ пера отмѣнилъ жалованныя грамоты, упразднилъ дворянскія привилегіи, вмѣшался въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, порыцарски подчинилъ и дворянъ, и поповъ на ряду съ крестьянами тѣлесному наказанію, а дворянина и офицера Кирпичникова прогналъ шпицрутенами сквозь строй.

По выраженію Карамзина, Павелъ „заставилъ ненавидѣть злоупотребленія самодержавія", и когда это „царствованіе ужаса" кончилось —восторгъ общества—„выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности,—на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія". Правленіе Павла было диссонансомъ въ исторіи дворянской монархіи. Дворяне Екатерининской эпохи недоумѣвали, почему народъ не приписываетъ имъ божественнаго происхожденія; императоръ Павелъ говорилъ, напротивъ, что „только тотъ дворянинъ, съ кѣмъ я говорю и пока говорю".

Царствованіе Павла, не считавшагося совсѣмъ съ дворянами, привело къ перемѣнѣ въ дворянскихъ политическихъ взглядахъ. Новый государь, Александръ I, взошедшій на тронъ прямо изъ подъ ареста, явился носителемъ дворянскихъ чаяній и надеждъ. Александръ самъ говорилъ, что его задача— „застраховать Россію отъ будущихъ Павловъ". Отсюда— „дней Александровыхъ прекрасное начало", и восторгъ дворянства, вызванный этимъ началомъ. Надо, впрочемъ, оговориться: восторгъ далеко не былъ всеобщимъ; крѣпостническая масса не была и въ политикѣ либеральной.

Масонъ Поздѣевъ, извѣстный своими рабовладѣльческими взглядами, былъ также рѣшительнымъ врагомъ образованія; образованіе, говорилъ онъ, порождаетъ анархистовъ и иллюминатовъ; отъ „умножаемой учености" происходятъ и всѣ перемѣны „конституціевъ". Каразинъ, вначалѣ—„не избѣжавшій соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота", понялъ потомъ, что власть не есть выраженіе „общей воли", но дается Провидѣніемъ для общаго счастія, и государь репрезентантъ не народа, а Бога. Въ эпоху Священнаго Союза Каразинъ предлагалъ правительству свои услуги для наблюденія за революціоннымъ направленіемъ умовъ, и завалилъ министерство своими донесеніями; для борьбы съ революціей онъ рекомендовалъ обратиться къ содѣйствію „просвѣщеннаго дворянства". Либераловъ, сторонниковъ политической свободы, въ дворянскихъ рядахъ было меньшинство; при такихъ условіяхъ „прекрасное начало дней Александровыхъ" скоро оборвалось.

Конституціонные планы Александра I осуществились только за границей Россіи, въ Финляндіи и (на 15 лѣтъ) въ Польшѣ, а сама Россія, по его выраженію, такъ и осталась „къ сожалѣнію" безъ конституціи. Александру I такъ и не уда-

лось застраховать Россію отъ будущихъ Павловъ; и его собственное царствованіе закончилось подъ мрачнымъ созвѣздіемъ Меттерниха, Аракчеева и баронессы Крюденеръ.

Въ дворянахъ вновь пробудились ограничительныя стремленія; но на этотъ разъ либеральная группа дворянъ выдвигала и по крестьянскому вопросу либеральную программу, и на ряду съ конституціей и республикой готовила и отмѣну крѣпостного права. Эта дворянская партія, организовавшаяся въ тайныя общеста и устроившая декабрьскій заговоръ, была невелика, она не охватывала и одной тысячной всего дворянства; дворянская масса не поддержала декабристовъ, заговорщики въ числѣ 121 были казнены или сосланы на каторгу, и старый порядокъ возстановленъ безъ труда. Пугачевщину не удавалось усмирить нѣсколько мѣсяцевъ; декабристы проиграли дѣло въ нѣсколько часовъ. Правительство спокойно могло оставаться на своихъ позиціяхъ.

XIX.

Передовая дворянская партія сошла со сцены при самомъ воцареніи императора Николая. Декабристы унесли съ собой на висѣлицу и въ рудники Сибири идеи политической и гражданской свободы. Торжество стараго порядка было въ то же время торжествомъ рабовладѣнія. Правительство Николая I опиралось на армію, бюрократію, полицію и на дворянскую массу крѣпостниковъ, а освященіе своей дѣятельности черпало въ духовномъ вѣдомствѣ.

Самъ Николай I относился очень опредѣленно—и притомъ враждебно къ крѣпостному праву; свою точку зрѣнія онъ выразилъ въ рѣчи къ смоленскимъ дворянамъ въ 1847 г.; говоря съ ними, „не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи", онъ сказалъ: „земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ее нашей кровью, пролитою за государство, но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ, съ одной стороны, и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли". Но призывая благородное сословіе уступить неизбѣжному и отказаться во время и добровольно отъ того, что было завоевано хитростью и обманомъ, первый дворянинъ имперіи, при всей своей самодержавной вла-

сти ничего не рѣшился сдѣлать для осуществленія своей воли. Крестьянскій вопросъ былъ погребенъ въ глубинѣ канцелярій и секретныхъ комитетовъ, которые даже назывались не комитетами по крестьянскому вопросу, а „комитетами о повинностяхъ“, или „комитетомъ, учрежденнымъ на указанныхъ Е. И. В. основаніяхъ“.

Законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ дополненъ новымъ закономъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ: помѣщикамъ было разрѣшено при добровольномъ освобожденіи крестьянъ давать имъ землю не въ собственность, а въ пользованіе, подъ условіемъ извѣстныхъ повинностей. По этому закону отпустили крестьянъ до конца николаевскаго царствованія всего 5 помѣщиковъ. Главная масса помѣщичьихъ крестьянъ оставалась въ прежнемъ положеніи; положеніе это скорѣе даже ухудшилось. Хозяйственное развитіе страны сулило помѣщикамъ новые барыши, и заставляло ихъ удваивать свою хозяйственную энергію; эксплуатація крѣпостного труда помѣщиками достигла небывалой степени; въ однихъ имѣніяхъ выросталъ оброкъ, въ другихъ усиливалась барщина, барщина замѣнялась мѣсячиной. Императоръ Николай говорилъ о мелкопомѣстныхъ дворянахъ, что они „высасываютъ крестьянъ до нельзя“. Богатый нижегородскій помѣщикъ Шереметевъ получалъ оброка многія тысячи, и съ 9 только своихъ крестьянъ имѣлъ выгодъ $7^1/_2$ тысячъ оброка, — отъ 500 до 1500 рублей съ каждаго. 3-дневная барщина нерѣдко разросталась въ 5 и 6-дневную, а такъ какъ по воскресеньямъ «работать на себя грѣхъ», то и по воскресеньямъ заставляли работать на барина. Такой порядокъ можно было поддерживать только силой и страхомъ. Въ перечняхъ наказаній, налагавшихся на крестьянъ ихъ помѣщиками въ Саратовской, напримѣръ, губерніи значились: розги, палки, шпицрутены; битье по зубамъ каблукомъ и по скуламъ кулакомъ, или (въ Рязанской губерніи) особенной щекобиткой, чтобы не марать дворянскія руки о хамскія рожи; подвѣшиваніе на шесты и вывертываніе членовъ; шейныя желѣзы, конскіе кандалы, личныя сѣтки для голода; прикладываніе на голое тѣло сургучной печати, выщипываніе и опаливаніе волосъ, взнуздываніе, ставленіе на горячую сковороду; соленыя розги, натираніе солью по сѣченымъ мѣстамъ, забиваніе въ ротъ кляпа..

Крестьяне очень опредѣленно относились къ ухудшенію

своего положенія. Въ одной Саратовской губерніи (гдѣ практиковались перечисленныя наказанія) за 7 лѣтъ возникло 342 дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей властью. Въ то же время усилились крестьянскіе побѣги, самоубійства, убійства помѣщиковъ, волненія крестьянъ. Крестьяне бѣгали на окраины и за границу—въ Австрію, Персію и Турцію. Убитыхъ помѣщиковъ считали въ годъ дюжинами, самоубійства крестьянъ сотнями; въ одномъ только изъ уѣздовъ Россіи число крестьянскихъ самоубійствъ за 5 лѣтъ превысило четыре сотни. Кончали съ собой даже 8-лѣтнія крѣпостныя дѣти. Крестьянскихъ волненій за царствованіе Николая было не менѣе 556. Военныя экзекуціи уже не помогали. И по хозяйственнымъ соображеніямъ крѣпостное право все болѣе отживало свой вѣкъ. Крѣпостной трудъ, особенно въ передовыхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, становился слишкомъ дорогой затѣей; крѣпостнымъ приходилось давать землю, которая стоила дорого, была, по выраженію помѣщиковъ, настоящимъ червоннымъ золотомъ,—приходилось въ неурожайные годы (а въ западныхъ губерніяхъ ихъ былъ цѣлый рядъ)—кормить на свой счетъ всю крестьянскую массу и въ томъ числѣ „всю сволочь и старье, какое только есть“, а взамѣнъ всего этого получать плохой подневольный трудъ, цѣнность котораго въ передовомъ хозяйствѣ все сильнѣе падала. Правильное веденіе помѣщичьяго хозяйства требовало все большихъ капиталовъ, и помѣщики, какъ нѣкогда ихъ крестьяне, неудержимо обростали долгами; къ 1856 году изъ $10^1/_2$ милліоновъ ревизскихъ душъ помѣщиками было заложено свыше 7 милліоновъ. И при всемъ томъ со стороны крестьянъ грозила еще опасность. Когда, такимъ образомъ, оказывалось, что эксплуатировать крѣпостной трудъ сильнѣе уже нельзя, да и невыгодно, и небезопасно, многіе помѣщики въ своихъ интересахъ переходили въ либеральный лагерь.

Въ дворянствѣ опять обозначилась передовая партія, желавшая отмѣнить крѣпостное право. Въ 1844 г. объ этомъ говорили на выборахъ тульскіе дворяне. Въ 1846 г. пришло извѣстіе изъ сопредѣльной австрійской Галиціи; тамъ началась рѣзня помѣщиковъ ихъ крестьянами. Русскіе помѣщики западныхъ губерній были потрясены такъ близко разразившейся крестьянской грозой; дворянскіе голоса въ пользу освобожденія крестьянъ умножились. Динабургское дворянство ходатайствовало о разрѣшеніи открыть мѣстный дворянскій ко-

митетъ для составленія проекта крестьянскаго освобожденія; того же просило дворянство нѣкоторыхъ уѣздовъ Петербургской губерніи. Помѣщики соглашались и на земельный (хотя небольшой) надѣлъ, и говорили уже о выкупѣ. Рязанскіе и смоленскіе помѣщики составляли проекты выкупной операціи; графъ Потоцкій готовъ былъ отдать $^2/_3$ всей земли. Во время Крымской войны страхъ еще усилился. Правительству пришлось дважды созывать ополченіе, дважды поднимать народную силу,—но эта сила оказалась сама по себѣ настолько опасной, что крестьянъ-ополченцевъ приходилось усмирять вооруженной рукой. Въ крестьянской средѣ ходили толки, что Бонапартъ дастъ свободу, и по свидѣтельству современника многіе помѣщики—«готовы были согласиться на большія пожертвованія и на всякое, самое для нихъ убыточное прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности при вторженіи враговъ въ наши предѣлы».

Въ 1842 г. самъ императоръ Николай говорилъ въ государственномъ совѣтѣ, что всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Въ 1848 г. шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ говорилъ въ секретномъ комитетѣ, что во-время можно отклонить причины взрыва, «нерѣшимостью же онѣ не уничтожаются, а лишь укрѣпляются,—и чѣмъ позднѣе онъ будетъ, тѣмъ опаснѣе». Но въ то же время правительство не находило въ себѣ силъ рѣшить крестьянскій вопросъ. «Самодержавная власть», говоритъ Семевскій,—«считала себя достаточно сильной, чтобы порѣшить всякое дѣло по своему усмотрѣнію, а въ сущности обнаруживала по крестьянскому вопросу полное безсиліе». Въ 40 годахъ послѣ крестьянской революціи въ Галиціи, правительство послало генерала Бибикова вводить инвентари въ юго-западныхъ губерніяхъ, для ограниченія крестьянскихъ повинностей; но инвентари составлялись и вводились такимъ образомъ, что и помѣщики и крестьяне были недовольны. Когда же сами дворяне разныхъ губерній просили о разрѣшеніи составить комитеты для проектированія освобожденія крестьянъ, или предлагали отдать крестьянамъ даромъ и свободу и почти всю землю, или составляли проектъ выкупа,—имъ это строжайше воспрещалось правительствомъ, «чтобы не волновать крестьянъ». Въ томъ же засѣданіи государственнаго совѣта въ 1842 г., гдѣ

онъ говорилъ о неизбѣжности паденія рабства, Николай I заявилъ, что «въ настоящую минуту всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства», а въ мартѣ 1848 г. когда „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и вообще неблаговидныхъ», государь счелъ своимъ долгомъ заявить дворянству, что онъ «принялъ мѣры и впредь этого не будетъ».

При Николаѣ I дворянская монархія чувствовала себя какъ бы въ осадномъ положеніи. Съ одной стороны, грозили крестьянскія массы пугачевщиной, а съ другой—грозила интеллигенція вольными идеями. Заговоръ декабристовъ вызвалъ правительство Николая I на борьбу; іюльская революція и польскій мятежъ, наконецъ, новыя европейскія революціи 1848 г. эту борьбу усилили и обострили.

Въ этой борьбѣ за старыя позиціи, притомъ однѣми полицейскими мѣрами, весь смыслъ политики Николая I, съ ея отсутствіемъ гласности, разгромомъ школы и науки, цензурнымъ и полицейскимъ терроромъ. Интеллигенція и просвѣщеніе были взяты подъ спеціальный надзоръ; правительство больше опасалось идей, въ которыхъ выражалось общественное недовольство, чѣмъ самого этого недовольства. Въ борьбѣ за существующій порядокъ правительство запрещало упоминать имя Гоголя, сажало Тургенева на съѣзжую за статью о Гоголѣ и за „Записки Охотника", ссылало Достоевскаго и другихъ петрашевцевъ на каторгу за либеральные разговоры на журфиксахъ о крѣпостномъ правѣ и о судебной реформѣ, и жалѣло, что не можетъ „сгноить въ казематахъ" Бѣлинскаго, который успѣлъ умереть раньше (это сожалѣніе выражалъ Дуббельтъ).

Императоръ Николай хотѣлъ опираться на первое сословіе въ государствѣ, и говорилъ дворянамъ: „Вы моя полиція". Но передовые дворяне—либералы подавали проекты, пугавшіе правительство и отвергавшіеся имъ,—а дворяне крѣпостники сами для себя требовали полицейской охраны отъ государства. Было учреждено III отдѣленіе и жандармы спеціально для „утиранія слезъ несчастныхъ", какъ говорилъ императоръ Николай, подавая платокъ шефу жандармовъ Бенкендорфу. Но жандармы едва ли выполняли эту задачу. Другія задачи правительства—судъ и управленіе—были къ концу царствованія въ

такомъ видѣ. Въ судахъ почти весь личный составъ былъ неграмотный или малограмотный, и всѣ дѣла были въ рукахъ секретарей; въ сенатѣ было всего 6 сенаторовъ съ высшимъ образованіемъ; въ приговорахъ судьи ссылались на указы и повелѣнія, никогда не существовавшіе. Число дѣлъ, нерѣшенныхъ въ судахъ достигало почти 3 милліоновъ; извѣстны дѣла, тянувшіяся на 20 лѣтъ и болѣе. 127000 подсудимыхъ, въ ожиданіи суда (и можетъ быть оправданія) томились въ тюрьмахъ, подвергаясь всѣмъ пріятностямъ русской тюремной жизни. Когда тюрьмы чрезмѣрно засорялись арестантами, производилось ихъ очищеніе: арестантовъ прямо безъ суда сдавали въ солдаты. Хорошо зная, что такое тюрьма, народъ создалъ, по словамъ Ровинскаго, свое особенное отношеніе къ тюрьмѣ, и не называлъ арестантовъ иначе, какъ „несчастными". Виновные какъ разъ рѣже другихъ попадали въ тюрьму.

Аксаковъ разсказываетъ дѣло одного богатаго помѣщика, отставного полковника, обвинявшагося въ томъ, что онъ высѣкъ своими людьми гувернантку, имъ же приставленную къ его дѣтямъ, да еще вымазалъ ее купоросным маслом; сверхъ того засѣкъ чуть не до смерти крестьянина своего, да еще продавалъ фальшивыя ассигнаціи. Судьи объ обвиняемомъ говорили: „Помилуйте! свой братъ дворянинъ, а я его губить буду!—Этакія дворянскія дѣла и до палаты доводить не слѣдуетъ. Это бы надо, знаете, порядкомъ домашнимъ, семейнымъ, черезъ предводителя". Въ этомъ родѣ была и администрація. Современники насчитывали на 45 губернаторовъ (въ Европейской Россіи) 24 такихъ, которыхъ слѣдовало «смѣнить безъ малѣйшаго промедленія, изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстныхъ мошенниковъ, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности».

Какъ выполнялась, наконецъ, возложенная на бюрократію оборона страны, показала достаточно крымская война. Эта война подвела итоги. «Мы сдались», — писалъ Юрій Самаринъ,—«не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ».

Защищая крѣпостное право, дворяне-крѣпостники говорили, что оно есть лучшая опора престола. Князь Васильчиковъ доказывалъ, что «власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной». Въ одномъ официальномъ документѣ по учебному вѣдомству крѣпостное право подкрѣплялось ссылками на священное писаніе. А одинъ изъ видныхъ

представителей аристократіи и бюрократіи, министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ создалъ окончательную формулу того стараго порядка, который обороняла бюрократія. По выраженію графа Уварова, крѣпостное право такъ же вѣчно, какъ догматы христіанской религіи. Въ то же время «вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова.—Нарушеніе крѣпостного права повлечетъ за собой неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденія гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія...—Это дерево (крѣпостное право) пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь и престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно». Такъ возникла уваровская формула: самодержавіе, православіе, крѣпостное право. И самъ Уваровъ называлъ и самодержавіе, и неразрывно съ нимъ связанное крѣпостное право —«догматами политической религіи, неприкосновенными подобно христіанской религіи».

XX.

Въ 60-хъ годахъ XIX-го вѣка и бюрократіи и дворянству пришлось еще разъ укрѣплять свои позиціи. Въ этомъ новомъ укрѣпленіи старыхъ позицій и заключается смыслъ «эпохи великихъ реформъ», въ томъ числѣ главныхъ—крестьянской, земской, судебной.

Укрѣплять старыя позиціи приходилось потому, что имъ грозила все болѣе нароставшая опасность. Главная сила, двинувшая впередъ крестьянскую реформу, пришла и ударила снизу; это былъ страхъ крестьянской революціи, страхъ передъ новой пугачевщиной. Если бы въ прошломъ дворянскихъ привилегій не было привилегіи на пугачевщину, если бы крестьяне молча примирились съ крѣпостнымъ правомъ и подчинились «безмолственно» своей участи, они и до сего дня можетъ быть, не дождались бы реформы 19-го февраля. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что крестьяне сами добились своего освобожденія. Подъ грознымъ давленіемъ снизу, уже въ концѣ николаевскаго царствованія среди дворянъ созрѣло желаніе освободить не крестьянъ отъ себя, а себя отъ крестьянъ; но всѣ попытки въ этомъ направленіи, дѣлавшіяся дворянами-либералами, разбивались о сопротивленіе дворянъ-

крѣпостниковъ и правительства, державшаго сторону крѣпостниковъ. И когда кончилось николаевское царствованіе, и на престолъ вступилъ будущій царь-освободитель, никто не ждалъ крестьянской реформы именно отъ этого государя. Александръ II, еще будучи наслѣдникомъ, считался врагомъ освобожденія; вступивъ на престолъ, онъ заявилъ дворянству черезъ своего министра Ланского о намѣреніи своемъ «ненарушимо охранять права, вѣнценосными предками его дарованныя дворянству». Циркуляръ Ланского, содержавшій въ себѣ это заявленіе, дворяне-крѣпостники, особенно члены англійскаго клуба, раскупили нарасхватъ, и пришлось его выпустить вторымъ изданіемъ. Петербургское дворянство ходатайствовало о разрѣшеніи заняться крестьянскимъ вопросомъ; ходатайство осталось безъ отвѣта. Крѣпостники были спокойны; Некрасовъ въ это время писалъ «забытую деревню». Но охранять нерушимо права дворянства оказалось долѣе невозможно; покоиться на огнедышащей горѣ становилось все опаснѣе. По окончаніи крымской войны, на праздникѣ мира, Александръ II, какъ разсказывали, сказалъ:—«теперь мы кончили съ внѣшнимъ врагомъ; надо начинать войну съ врагами внутренними». Повторяя мысль Николая, Александръ II долженъ былъ объявить дворянству, что «со временемъ это должно случиться», и что «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу». Правительство, стоя передъ революціей, предпочло реформу—и на этотъ разъ реформа осуществилась.

Крестьяне сдѣлали эту реформу неизбѣжной и неотложной, и поставили вопросъ объ освобожденіи ребромъ; но самую реформу разработали и осуществили не они; правительство изъяло ее изъ крестьянскихъ рукъ. Дворянская монархія рѣшала крестьянскій вопросъ между бюрократіей и дворянствомъ, въ отсутствіи самихъ крестьянъ и старательно отъ нихъ укрывшись; крестьяне не были совсѣмъ спрошены и все время оставались за сценой. Когда въ началѣ реформы дворянство заявляло, что назначеніе въ дворянскіе комитеты членовъ отъ правительства оскорбительно для благороднаго сословія, какъ знакъ монаршаго недовѣрія, и хотѣло отъ этихъ назначенныхъ членовъ отдѣлаться, правительство офиціально отвѣтило, что никакого недовѣрія нѣтъ, такъ какъ и члены по назначенію взяты изъ того же дво-

рянства, но что это необходимо, чтобы «хотя отчасти замѣнить представительство крестьянскихъ интересовъ». Дворянство въ губерискихъ комитетахъ должно было само защищать свои интересы; правительство же брало на себя двойную задачу: защиту государственныхъ интересовъ и «отчасти» интересовъ крестьянскихъ. Защита крестьянскихъ интересовъ правительству удалась всего меньше, и не могла удаться при тѣхъ способахъ какими она велась. Кошелевъ, предлагавшій обезпечить крестьянъ землею въ такомъ размѣрѣ, чтобы они могли не только выполнять свои обязанности, но и существовать «безнуждно», былъ сочтенъ чрезмѣрнымъ радикаломъ, и на этомъ основаніи не былъ приглашенъ въ редакціонныя комиссіи; Николай Милютинъ, истинный вдохновитель реформы и самый ревностный въ правительственныхъ рядахъ защитникъ крестьянскихъ интересовъ, оказывался человѣкомъ столь «краснымъ и вреднымъ», что его нельзя было назначить товарищемъ министра, несмотря на то, что онъ несъ по этой должности всѣ обязанности; а во многихъ губернскихъ комитетахъ, и въ томъ числѣ въ московскомъ, въ, члены по назначенію для защиты крестьянскихъ интересовъ, попали непримиримые крѣпостники. Усилія отдѣльныхъ убѣжденныхъ друзей народа парализовались противоположными вліяніями. «Петербургъ надо обстрѣливать»,—говорилъ Кошелеву князь Черкасскій, настаивая, чтобы тотъ послалъ въ Петербургъ свою записку.

Правительство Николая I опиралось на крѣпостническое дворянство, правительство Александра II оперлось тоже на дворянство, только на либеральное, и дѣйствовало съ нимъ въ союзѣ. Въ этомъ было различіе двухъ царствованій. Но союзъ, вынужденный необходимостью, не былъ особенно проченъ, и былъ все время скорѣе борьбой, чѣмъ союзомъ. Приступая къ реформѣ, правительство выдвинуло свою программу, либеральное дворянство – свою; программы эти далеко не были одинаковы. Собственно интересы государства ставили правительству двѣ цѣли: охрану порядка отъ всякихъ потрясеній и обезпеченіе казенныхъ доходовъ. Охрана порядка вызвала реформу, и самому ходу реформы сообщила въ большой мѣрѣ полицейскій характеръ. Поставленный во главѣ редакціонныхъ комиссій генералъ Ростовцевъ думалъ больше всего объ одномъ, чтобы крестьянскій вопросъ разрѣшился совершенно «спокойно». Въ этихъ же видахъ учредили

сначала новый секретный комитетъ, а потомъ, когда уже нельзя было избѣжать огласки, вооружили въ достаточной степени и цензуру и мѣстную администрацію; губернаторамъ приказали «строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ», и въ то же время въ секретной бумагѣ уполномочивали ихъ немедленно закрывать комитеты, если они «уклонятся отъ своего назначенія и войдутъ въ разсмотрѣніе предметовъ, не подлежащихъ ихъ сужденію». Ожидая крестьянскихъ волненій въ самый моментъ освобожденія, проектировали выдвинуть противъ нихъ цѣлый штабъ генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями, а опасаясь оппозиціи со стороны дворянъ, запретили дворянскимъ собраніямъ 1859-го года обсуждать крестьянскій вопросъ, и выслали административно въ Вятскую и Пермскую губерніи за протестъ противъ этого запрета тверского дворянина Европеуса и тверского предводителя Унковскаго.

Фискальная задача обезпеченія казенныхъ доходовъ выражалась въ первомъ рескриптѣ Назимову:—«При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ»; съ этой цѣлью,—«для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей», имъ должно быть предоставлено «надлежащее» количество земли. Первоначальная правительственная программа, изложенная въ запискахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина и въ рескриптѣ Назимову, требовала: безвозмезднаго личнаго освобожденія, выкупа крестьянами усадебъ и надѣленія крестьянъ землей по соглашенію въ пользованіе, безъ казеннаго выкупа; освобожденіе личности крѣпостныхъ откладывалось до окончательнаго выкупа усадебъ, крестьяне прикрѣплялись къ землѣ, помѣщиками сохранялась вотчинная полицейская власть. Такая программа не могла удовлетворить ни крестьянъ ни дворянъ; но одни дворяне могли погнуть реформу въ свою пользу.

Дворяне - крѣпостники сдѣлали все возможное, чтобы совсѣмъ затормозить реформу. Во время крымской войны многіе изъ нихъ готовы были освободиться отъ крестьянъ, но теперь непосредственная опасность миновала, страхи разсѣялись. Приступъ къ реформѣ казался имъ началомъ конца. Москов-

скій генералъ губернаторъ графъ Закревскій, когда уже были даны первые рескрипты, успокаивалъ московскихъ дворянъ, говоря, что «въ Петербургѣ одумаются и все останется по старому». Министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ и государственный секретарь Бутковъ ѣздили по всей Россіи и агитировали противъ крестьянской реформы. Дворянство цѣлыхъ уѣздовъ единогласно требовало усиленія полиціи и посылки войскъ, особенно кавалеріи, но «въ приличныхъ мѣстахъ» просило разставить и пѣхоту и артиллерію; а чтобы помѣщичьи крестьяне не завидовали казеннымъ, хлопотали объ увеличеніи оброковъ казенныхъ крестьянъ. Въ случаѣ освобожденія крестьянъ и съ землей, помѣщикамъ мерещились лезвіе ножа на шеѣ, пальцы раздробленные на наковальняхъ сельскихъ кузницъ, потѣшные огни, на которыхъ мелкимъ огнемъ жарятся землевладѣльцы, судьи и правители, и торжественные костры изъ ободранныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Подъ вліяніемъ такихъ ужасовъ орловскій крѣпостникъ Мальцевъ для спасенія крѣпостного права предлагалъ дворянскій парламентъ, чтобы обуздать либеральныхъ министровъ, а ученый дворянинъ Николай Безобразовъ, братъ камергера Безобразова, печатно доказывалъ, что крѣпостного вопроса, о которомъ толкуютъ либералы, у насъ собственно нѣтъ, что все это одно недоразумѣніе.

Со стороны дворянъ - либераловъ слышались голоса, что правительственная программа освобожденія не обезпечиваетъ прежде всего того спокойствія и порядка, объ охранѣ которыхъ всего больше заботилось правительство. Унковскій писалъ въ запискѣ государю, что «объявить народъ свободнымъ и оставить его почти въ той же неволѣ, и не улучшая его быта... хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости. Это можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины». Освобождать крестьянъ по программѣ рескриптовъ не значило укрѣплять позиціи дворянской монархіи. Самая отмѣна крѣпостного права означала для либеральнаго дворянства не обезпеченіе казенныхъ доходовъ, но возможность расширить и улучшить свое хозяйство; замѣнить крѣпостной трудъ вольнонаемнымъ, округлить свои владѣнія обезземеленіемъ крестьянъ, вложить въ дѣло новые капиталы, полученные при выкупѣ, упрочить за собой безопасное пользованіе всѣмъ этимъ, еще расплатиться съ долгами и избавиться отъ обязанности кормить крестьянъ во время голода. Для помѣщиковъ земледѣльческихъ и

особенно черноземныхъ губерній, гдѣ земля была, «какъ червонное золото», было всего важнѣе сохранить всю землю, а если отдать крестьянамъ, то какъ можно меньше и какъ можно дороже. Для помѣщиковъ промышленныхъ губерній центра, гдѣ хозяйство было оброчное, земля цѣнилась дешево, а оброки были высокіе, и помѣщикамъ было нетрудно отказаться отъ дешевой земли, но необходимо было взять большой выкупъ и не столько за землю, сколько за оброки, то-есть за личность. Правительственная же программа требовала надѣленія крестьянъ землей, безвозмезднаго освобожденія личности и выкупъ предоставляла самимъ крестьянамъ, не обѣщая помощи отъ казны. Либеральное дворянство не хотѣло съ этимъ мириться и вступило въ борьбу, чтобы провести свою освободительную программу. Въ губерніяхъ, гдѣ земля была, какъ червонное золото, помѣщики мечтали объ освобожденіи безъ земли и готовы были при разставаніи съ крестьянами «дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще при радостномъ прощаніи молебенъ»; помѣщики же, не надѣявшіеся на возможность сохранить землю, спѣшили заранѣе сослать своихъ крестьянъ въ Сибирь, а деревню всю распахать и засѣять хлѣбомъ. Воронежскій комитетъ прямо заявлялъ, что для улучшенія быта крестьянъ, сверхъ утвержденія между ними правилъ вѣры и нравственности, достаточно одной свободы труда. 18 комитетовъ изъ 48 добивались обезземеленія крестьянъ и въ крайнемъ случаѣ предлагали надѣлы, явно недостаточные; изъ другихъ комитетовъ такіе же недостаточные надѣлы предлагали еще 13; только 4 комитета сохраняли надѣлы въ размѣрахъ, какіе были при крѣпостномъ правѣ, не уменьшая. Въ главномъ комитетѣ изъ 9 членовъ 6 стояли за уменьшеніе надѣла на $^1/_3$, на ½ и даже на $^3/_4$. Дворянство промышленныхъ губерній настаивало на выкупѣ при посредствѣ казны и не только земли, но и «самихъ освобожденныхъ крестьянъ»; на этомъ настаивалъ Унковскій, писавшій, что «выдача капитала» необходима «для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками». Новоторжское дворянство поднесло Унковскому благодарственный адресъ, какъ защитнику не только дворянскихъ правъ, но и дворянской собственности. Такъ какъ правительство не соглашалось на вознагражденіе за личность, то дворянскіе комитеты повышали выкупъ за землю, и особенно за усадебную землю, которую отдавать надо было обязательно

и немедленно. За надѣльную пашенную землю Самаринъ не считалъ возможнымъ брать съ души болѣе 33 $1/_3$ рублей, а ярославскій комитетъ назначилъ по 270. За землю усадебную Кошелевъ назначалъ, самое большое, съ души 100 рублей, но комитеты на такую цѣну почти нигдѣ не соглашались. Смоленскіе дворяне, не успѣвъ настоять на выкупѣ крѣпостного труда, «главной цѣнности» ихъ имѣній, заявляли, что—«если нужны жертвы для блага отечества, то жизнь и все достояніе» свое они «повергаютъ къ стопамъ» царскимъ, но достояніе ихъ принадлежитъ нынѣ не имъ, а ихъ кредиторамъ и требовали за десятину усадебной земли 360 рублей (въ Смоленской губерніи десятина земли цѣнилась тогда въ 5½ и съ крестьянами въ 117). Калужскій комитетъ назначалъ за десятину 480 р. и еще заявлялъ, что «всякую плату за личное крѣпостное право отъ себя отклоняетъ для сохраненія нравственнаго значенія дворянства»; ту же цѣну заломило казанское дворянство, объявившее, что въ городахъ за квартиру рѣдко кто платитъ дешевле. Въ московскомъ комитетѣ цѣны поднялись даже до 400, 770, 960, 1200 рублей. Въ то же время даже такіе признанные либералы, какъ князь Черкасскій и Юрій Самаринъ, принадлежавшіе въ своихъ комитетахъ къ крайней лѣвой, стояли за розгу, такъ какъ безъ розги нельзя будетъ заставить работать свободнаго крестьянина.

И реформа погнулась въ сторону дворянскихъ интересовъ. Программа Левшина и рескриптовъ была замѣнена програм-мой, составленной для Ростовцева полтавскимъ помѣщикомъ Позеномъ въ интересахъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній; Позенъ предлагалъ немедленное личное освобожденіе, но надѣленіе крестьянъ землей только на первый, срочно-обязанный, періодъ. Эта новая правительственная программа была разослана изъ Петербурга въ руководство губернскимъ комитетамъ въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности; тверской комитетъ и другіе комитеты промышленныхъ губерній протестовали, и Унковскій послалъ въ Петербургъ свою программу, съ проектомъ выкупа при посредствѣ казны и съ отводомъ земли крестьянамъ въ полную собственность. Ростовцевъ принялъ и эту программу, и она также была разослана въ руководство комитетамъ, но уже подъ конецъ ихъ работъ,—только въ вопросѣ о личномъ выкупѣ правительство не уступило, и скорѣе согласилось на повышеніе оцѣнокъ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ борьба возобновилась; обѣ программы, правитель-

ственная и либерально-дворянская, встрѣтились тутъ лицомъ къ лицу; комиссіи постарались не допустить обезземеленія крестьянъ и вдвое, втрое и вчетверо сократить оцѣнки, несмотря на рѣзкіе протесты приглашенныхъ отъ дворянства депутатовъ. Въ главномъ комитетѣ пришлось, напротивъ, убавить надѣлы, чтобы провести все остальное, а государственному совѣту государь долженъ былъ напомнить, что члены его должны «отложить всѣ личные интересы и дѣйствовать, не какъ политики, а какъ государственные сановники»; но большинство государственнаго совѣта заставило еще понизить земельные надѣлы и ввести даровой (нищенскій) надѣлъ.

По манифесту 19-го февраля крестьянинъ долженъ былъ «осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и призвать благословеніе Божіе на свой свободный трудъ», но не прошло и половины вѣка, и мы опять стоимъ передъ вопросомъ: сверху или снизу. Земельное обезпеченіе крестьянъ оказалось недостаточнымъ нетолько для безбѣднаго ихъ существованія, но даже для взноса безъ недоимокъ податей. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ бюрократической комиссіи Валуева, изслѣдовавшей крестьянское хозяйство, говорили уже объ истощеніи этого хозяйства непомѣрными платежами. Князь Васильчиковъ, графъ Шуваловъ, Шереметевъ говорили въ комиссіи, что «налоги съ крестьянскаго надѣла превышаютъ доходность земли»—и превышаютъ по крайней мѣрѣ вдвое. Въ 1877 году то же самое, въ еще болѣе зловѣщихъ краскахъ, констатировалъ профессоръ Янсонъ. Въ 1885 г. съ отмѣной подушной подати, крестьянскіе платежи сократились на 55 милліоновъ; но остались выкупные платежи, поземельные налоги и еще выросли косвенные. За четверть вѣка съ 1870 года крестьянскіе недоимки выросли вчетверо, и къ 1896 году достигли въ одной Европейской Россіи 115 милліоновъ. Въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1903—4 годовъ крестьяне заявили, что при надѣлѣ въ 15 и менѣе саженей на душу, имъ не хватаетъ на пропитаніе себя и семьи, и «гдѣ тутъ думать о нововведеніяхъ, машинахъ, орудіяхъ и другихъ приборахъ; гдѣ унаваживать, когда протопиться нечѣмъ». А дворянство, и потерявъ съ 1861 года часть земель, до сихъ поръ сохраняетъ львиную долю. На все населеніе Россіи дворянство составляетъ всего $1^1/_2$%, крестьяне больше 80%. На долю крестьянъ общинниковъ приходится $^1/_3$ всѣхъ земельныхъ владѣній, а изъ частныхъ собственниковъ крестьянъ больше по-

ловины, а земель у нихъ одна двадцатая, дворянъ меньше $1/4$, а земель у нихъ $4/5$. Оставаясь главнымъ землевладѣльческимъ классомъ, дворянство обезпечило себѣ и крестьянскія рабочія руки; по закону о наймѣ на сельскія работы 1886 года, нарушеніе крестьянами-рабочими договора о наймѣ карается какъ уголовное преступленіе. И старый сословный строй дворянская монархія пронесла невредимымъ сквозь реформы 60-хъ годовъ. Крестьяне были уравнены не со всѣми сословіями Россіи, а только съ податными ея сословіями. При Александрѣ III симбирскій дворянинъ Пазухинъ могъ съ радостью констатировать, что сословная организація крестьянства была «къ счастію мало расшатана реформами прошлаго царствованія»; а историкъ русскаго крестьянства послѣдняго періода говоритъ о полномъ превращеніи крестьянскаго сословія въ настоящее крестьянское государство, взятое подъ власть и подъ опеку другихъ сословій и бюрократіи. Еще при самомъ освобожденіи крестьянъ, крестьянское самоуправленіе было цѣликомъ подчинено «всѣмъ установленнымъ властямъ», и ихъ «законныя требованія» крестьянскія должностныя лица должны были исполнять «безпрекословно». Въ 1889 г. была отчасти возстановлена и власть дворянъ надъ крестьянами, въ образѣ полицейско-судебныхъ земскихъ начальниковъ, чтобы вернуть дворянству «служебныя привилегіи», какъ говорилъ Пазухинъ, и чтобъ «дать дворянамъ возможность спокойно жить въ своихъ деревняхъ», какъ спеціально просило симбирское дворянство.

Со времени крестьянской реформы, защищая «новый» крестьянскій строй, правительство не разъ объявляло его теперь уже неизмѣннымъ, не разъ говорило крестьянамъ, что новыхъ передѣловъ земли не будетъ, что о передѣлахъ толкуютъ лишь враги Россіи, что собственность неприкосновенна, и рекомендовало крестьянамъ «слѣдовать совѣтамъ и руководству своихъ предводителей дворянства». Дворянству правительство въ то же время говорило, что «россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнія времена, должны сохранять первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда», и что дворяне «могутъ быть спокойны»: правительство знаетъ «ихъ тяжелое положеніе, и въ заботахъ своихъ о преуспѣяніи отечества не забудетъ дворянскихъ нуждъ». Дворянство въ своихъ при-

тязаніяхъ заходитъ иногда еще дальше, и раздаются дворянскіе голоса, что «правительству слѣдуетъ всѣми мѣрами способствовать матеріальному благосостоянію дворянства (могилевскій помѣщикъ Кривошеинъ), и что необходимо возстановить то доброе, что было при крѣпостномъ правѣ», а именно ту «попечительную и любовную власть», которая «въ крѣпостное время и являлась въ лицѣ помѣщиковъ-дворянъ» (мценскій помѣщикъ Нилусъ). Но другіе дворяне-землевладѣльцы заявляли не разъ въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, что необходимо пойти навстрѣчу крестьянамъ, уравнять ихъ въ правахъ, избавить отъ опеки, дать имъ новыя земли, а отдѣльные помѣщики заявляли даже, что дворянской монархіи опять грозитъ опасность: «нужда крестьянъ въ землѣ приводитъ къ народнымъ волненіямъ»; – «опасность для спокойствія государства глядитъ изъ деревни»; — «надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что темная и недавно непробудно у ногъ нашихъ спавшая масса подняла голову... Можетъ прійти время, что масса эта громко скажетъ свое имя: «милліонъ» и обратится къ представителямъ высшаго сословія съ такой претензіей: «каналья, ты ѣшь мой хлѣбъ».

Съ развитіемъ фабричной промышленности, рядомъ съ дворянами-землевладѣльцами выдвинулись капиталисты-фабриканты и заводчики, выдвинулась крупная буржуазія. Дворянская монархія становилась дворянско-буржуазной. Извѣстны покровительственные тарифы, питающіе отечественную промышленность и дающіе возможность буржуазіи наживаться на счетъ русскаго потребителя. Нѣсколько цыфръ покажутъ, во что обходится протекціонизмъ народу. Благодаря высокимъ пошлинамъ, пудъ хлопчатобумажной пряжи стоитъ въ Манчестерѣ 10 р. 50 к., а въ Москвѣ 16 р; желѣзо сортовое въ Лондонѣ 1 р. 05 к, въ Петербургѣ 2 р. 10 к.; пудъ чугуна въ Лондонѣ 35 к., въ Петербургѣ 90 к. За каждый пудъ хлопчатобумажныхъ издѣлій русскій потребитель переплачиваетъ лишняго 9 р., за пудъ шерстяныхъ — 27 р., шелковыхъ — 72 р. По 12 только товарамъ русскаго ввоза въ годъ переплачивается лишнихъ 300 милліоновъ. И въ землевладѣніи буржуазія широко шагнула впередъ. Купечество составляетъ всего $2^1/_2$% русскаго населенія, а земель у купцовъ 10% слишкомъ. Поднявшись въ уровень съ помѣщикомъ, фабрикантъ и заводчикъ перенесли на свою фабрику понятія и порядки, царившіе въ крѣпостной деревнѣ, и

упорно сопротивлялись вмѣшательству государства въ отношенія свои къ рабочимъ. Правительство поддерживало эти патріархальныя отношенія, и министръ финансовъ писалъ фабричнымъ инспекторамъ циркулярно, что «наша промышленность сохранила во взаимныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими семейный характеръ, что и усматривается въ заботахъ фабрикантовъ о благосостояніи всѣхъ ихъ служащихъ, въ ихъ похвальныхъ стараніяхъ поддержать хорошія отношенія съ рабочими, въ простотѣ и справедливости ихъ обращенія съ ними. Когда нравственный законъ и истинно христіанскія чувства составляютъ основу взаимныхъ отношеній между хозяиномъ и рабочимъ, тогда безполезно прибѣгать къ изданію закона или къ принудительнымъ мѣрамъ». Только съ 80-хъ годовъ правительство начало вмѣшиваться въ патріархальные фабричные порядки; но бюрократія и на этотъ разъ дѣйствовала своими излюбленными пріемами и, не допуская рабочихъ союзовъ и стачекъ, не давая рабочимъ самимъ защищать свои интересы, брала эту задачу въ свои полицейскія руки. Результаты у всѣхъ передъ глазами.

Реформы 60-хъ годовъ были плодомъ союза правительства съ либеральной дворянской партіей. Въ программу либеральнаго дворянства входило не одно освобожденіе крестьянъ; реформы суда и управленія и даже политическая реформа значились въ этой программѣ. Унковскій прямо писалъ: — «Какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, да, наконецъ, и вся примкнувшая къ намъ впослѣдствіи лучшая и наиболѣе разумная часть дворянства, составлявшая большинство въ Тверской губерніи, готова была на значительныя не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа». Многіе изъ этихъ либераловъ вынесли свои убѣжденія изъ журналовъ и аудиторій 40-хъ годовъ, изъ общенія съ декабристами и петрашевцами, работавшими по возвращеніи изъ ссылки, напримѣръ, въ Тверской и Калужской губерніяхъ. Нижегородскій губернаторъ Муравьевъ самъ былъ декабристъ, тверской помѣщикъ Европеусъ принадлежалъ къ петрашевцамъ. Ихъ программа реформъ политическихъ, судебныхъ, административныхъ была выработана давно; столкновенія съ бюрократіей въ самый

разгаръ крестьянской реформы обострили отношенія, и дворянскіе депутаты въ редакціонныхъ комиссіяхъ подвергли жестокой критикѣ бюрократическіе порядки. И бюрократіи, какъ и крѣпостникамъ дворянамъ, пришлось, въ свою очередь, уступить часть позицій; зато тѣмъ прочнѣе были укрѣплены остальныя, а позднѣе удалось вернуть назадъ и часть позицій, раньше уступленныхъ.

И надъ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ и надъ новымъ судомъ бюрократія сохранила свое главенство. Земское и городское положенія 1864 г. и 1870 г. были потомъ замѣнены еще болѣе удобными для бюрократіи положеніями 1890 г. и 1892 г., усилившими сословное начало и правительственный контроль. Судебная реформа, долго считавшаяся наиболѣе удачной изъ великихъ реформъ, и судебные уставы, о которыхъ министръ юстиціи Муравьевъ говорилъ когда-то, что «дальше ихъ намъ не за чѣмъ и некуда итти», подверглись цѣлому ряду превращеній. Насчитываютъ до 700 новыхъ статей, внесенныхъ въ уставы за 40 лѣтъ ихъ существованія. На дѣятельности русскаго суда были наклеены ярлыки: судъ улицы, судебная республика, антиправительствующій сенатъ. Бюрократія заподозрѣла въ неблагонадежности и судъ присяжныхъ, и несмѣняемость судей, и адвокатуру. Въ 90-хъ годахъ стали доказывать, что и земства и новый судъ несовмѣстимы съ существующимъ въ Россіи общественнымъ и политическимъ строемъ. Или земство и судъ или дворянская монархія — кто-нибудь долженъ былъ уступить дорогу. Министръ финансовъ Витте доказывалъ несовмѣстимость земства съ самодержавіемъ, а министръ юстиціи Муравьевъ предпринялъ цѣлую «реформу», чтобы приспособить правосудіе къ существующему въ Россіи порядку. «Судъ», говорилъ этотъ министръ, — «долженъ быть прежде всего вѣрнымъ и вѣрноподданнымъ проводникомъ и исполнителемъ самодержавной воли монарха, всегда направленной къ охраненію закона и правосудія. Съ другой стороны, судъ, какъ одинъ изъ органовъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами во всѣхъ законныхъ ихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ. На семъ основаніи онъ обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства». Муравьевской комиссіи ставилась задача сохранить «немаловажныя практическія улучше-

нія», внесенныя уставами Александра II, и отбросить ихъ основныя начала, «несовмѣстимыя» съ существующимъ строемъ. При этомъ строѣ суду могла быть отведена только полицейская роль; эту роль ему и готовила работавшая 5 лѣтъ комиссія.

Бюрократія вернула себѣ съ крымской войны большую часть прежнихъ позицій—и стоитъ опять наканунѣ крушенія; японская война, какъ полвѣка назадъ крымская, еще разъ подвела итоги. Бюрократія осуждена и обществомъ и народомъ; но боевая, если не дѣловая энергія ее не покидаетъ, и она снова борется и не хочетъ уступать. И это понятно: ей есть за что бороться. Стоитъ только обратить вниманіе, что приноситъ высшимъ чинамъ русской бюрократіи государственная служба. Изъ 3780 штатскихъ генераловъ (дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ) 100 дѣйствительныхъ тайныхъ получаютъ въ годъ свыше $1^{1}/_{2}$ милліона жалованья, а 548 просто тайныхъ свыше 4 милліоновъ. Содержаніе высшихъ учрежденій Имперіи за десять лѣтъ (съ 1890 г. по 1900 г.) выросло почти въ полтора раза. Въ рукахъ только однихъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ (всего 648 человѣкъ) находится слишкомъ три милліона десятинъ земли, въ среднемъ по $4^{1}/_{2}$ тысячи десятинъ на каждаго, и изъ нихъ во время службы пріобрѣтено вновь въ среднемъ по 840 десятинъ каждымъ. Всего болѣе пріобрѣли при этомъ штатскіе генералы, коимъ ввѣрена усиленная охрана существующаго порядка (по 2954 десятины), затѣмъ члены государственнаго совѣта (по 1549), члены министерства народнаго просвѣщенія (971), министерства Двора (888) и вѣдомства учрежденій императрицы Маріи (880); всего менѣе — генералы, охранявшіе правосудіе —по вѣдомству министерства юстиціи (всего 29).

Изданія книгоиздательства МЯГКОВА „КОЛОКОЛЪ“.

Первая библіотека.

№ 1. К. Каутскій. Эрфуртск. программа. (Распродано и готовится 2-е изд.)

№ 2. К. Каутскій. Общественныя реформы. (Соціал. реформа и соціальная революція.—На другой день послѣ соціальной революціи. 2. Приложенія). . . . Цѣна 20 к.

№ 3. Н. И. Іорданскій. Земскій либерализмъ. (Распрод.). » 20 »

№ 4. В. Либкнехтъ. Рѣчь. (Отъ обороны къ нападенію). » 10 »

№ 5. Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ центр. комитету. » 5 »

№ 6. Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. . . . » 3 »

№ 7. С. Боркгаймъ. Чартистское движеніе въ Англіи. » 20 »

№ 8. Изъ исторіи соціаль-демократіи въ Германіи. » 10 »

№ 9. А. Бебель. Женщина и соціализмъ . . . » 80 »

№ 10. А. Бебель. Будущее общество. . . . » 10 »

№ 11. М-т-ш-а. О всеобщемъ избирательномъ правѣ » 3 »

№ 12. К. Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ . . » 5 »

№ 13 К. Марксъ и Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ. 3 »

№ 14. А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ (печ.) » 50 »

№ 15. » Право на полный продуктъ труда. » 50 »

№ 16. Ф. Лассаль. Принципы труда. (Программа работниковъ). 5 »

№ 17. А. Бебель. Академики и соціализмъ. . . » 5 »

№ 18. К. Каутскій. Классовые интересы (печ.) . . » 5 »

№ 19. Либерализмъ и демократизмъ. . . . » 5 »

№ 20. М. Н. Коваленскій Изъ исторіи госуд. власти. » 25 »

№ 22. К. Каутскій. Республика и соціаль-демократія. » 7 »

№ 23. В. Браке. Долой соціаль-демократовъ!. . . » 5 »

№ 24. Исторія „Заговора равныхъ“. Излож. Л. Жданковымъ по Девиллю. . . . » 15 »

Вторая библіотека.

№ 1. С. С. Арнольди (П. Лавровъ). Кому принадлежитъ будущее. Изъ рук. 90 г. . . . Цѣна 30 к.

№ 2. С. Бахъ. Экономическіе очерки . . . » 15 »

№ 3. Ст. Романъ изъ эпохи 70-хъ год (печат.).

Въ складѣ книгоиздательства находится въ продажѣ:

Луначарскій.—Критическіе и полемическіе этюды. Цѣна 1 р. 80 к.

Съ требованіями просятъ обращаться: Москва, Моховая, д. 24, кв. 15. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова, «Колоколъ». Телегр. адресъ: Москва, Издатель.—Телеф. № 109.31.

Дозволено цензурою. Москва 5 ноябр. 1905 г.

Тип. Поплавскаго. Москва, ...

